П. Д. УСПЕНСКІЙ

Внутренній Кругъ

о „послѣдней чертѣ“ и о сверхчеловѣкѣ

(ДВѢ ЛЕКЦІИ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

17425

Общественных Наук
Академии Наук СССР
371
53

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Кавалергардская, 40.

О „послѣдней чертѣ“.

Right thought is necessary for right living.

Annie Besant.

«The Ancient Wisdom».

(Правильное мышленіе необходимо для правильной жизни.— *Анни Безантъ* «Древняя Мудрость»).

Наше время выдвигаетъ на очередь литературныя темы, значительно отличающіяся отъ темъ прежняго времени, даже самаго недавняго. Насъ одинаково мало интересуетъ, какъ реальное описаніе внѣшней жизни въ ея различныхъ бытовыхъ формахъ, хотя бы и очень мало знакомыхъ намъ; — такъ и самый тонкій психологическій анализъ, описаніе чувствъ, настроеній и душевныхъ переживаній. Насъ мало занимаетъ, какъ люди живутъ, неособенно интересуетъ, какъ и что они чувствуютъ, сталкиваясь съ жизнью и другъ съ другомъ. Но насъ *очень* интересуетъ, что они чувствуютъ *и думаютъ*, сталкиваясь съ цѣлымъ рядомъ внутреннихъ проблемъ и вопросовъ; какія мысли возбуждаютъ въ нихъ ихъ собственныя чувства, и какія чувства возбуждаютъ въ нихъ ихъ собственныя мысли. Мы смутно ощущаемъ, что именно въ этомъ характерѣ мышленія лежитъ *стиль эпохи.* И всѣ литературныя произведенія, въ которыхъ не чувствуется этотъ стиль, намъ скучны и неинтересны, какъ что то знакомое, *прочитанное* и надоѣвшее.

Съ другой стороны произведенія, даже литературно слабыя, но въ которыхъ чувствуется пульсъ этихъ внутреннихъ исканій, кажутся новыми, читаются, завоевываютъ себѣ огромную популярность.

Наше время — время внутреннихъ исканій. Эти исканія у однихъ могутъ быть удачными, у другихъ неудачными. Но они есть. И писатель долженъ чувствовать ихъ, говорить о нихъ. Если онъ

будетъ говорить о другомъ, его не будутъ читать. Но онъ самъ можетъ понимать или не понимать этихъ исканій, и въ зависимости отъ этого измѣняется достоинство и цѣнность его произведенія.

Въ прошломъ году обратилъ на себя вниманіе и публики, и критики романъ М. Арцыбашева „У послѣдней черты“. Этотъ романъ несомнѣнно обладаетъ нѣкоторыми чертами литературныхъ произведеній, объясняющихъ и рисующихъ эпоху — и заставляетъ *думать* и говорить о себѣ.

Авторъ показываетъ намъ нѣсколько группъ людей въ очень интересныхъ условіяхъ внѣшней и внутренней жизни.

Внѣшняя ихъ жизнь интересна тѣмъ, что она, въ дѣйствительности, *не существуетъ для нихъ*. И хотя имъ самимъ кажется, что кромѣ нея ничего нѣтъ и что всѣ ихъ бѣды и несчастія создаются внѣшней жизнью, на дѣлѣ она не играетъ для нихъ никакой роли и перемѣна ея ничего не измѣнила бы. Они живутъ съ глазами, устремленными внутрь себя, — каждый весь поглощенный своимъ маленькимъ міркомъ, очень мало видя все, происходящее кругомъ.

А въ своей *внутренней* жизни они приходятъ къ границамъ безсознательнаго существованія, но не находятъ ничего другого.

Личная жизнь имъ не удается, всегда такъ или иначе обманываетъ, успѣхъ неинтересенъ или недостижимъ и даже въ недостижимости внутренно безплоденъ; общественная дѣятельность, борьба не привлекаетъ или тоже не удается; искусство, наука въ такомъ видѣ, какъ они имъ доступны, въ концѣ концовъ тоже обманываютъ. И, теряя старое, они не находятъ новаго, и мучительно стукаются обо всѣ углы, о какіе только можно стукнуться, не понимая ничего ни въ себѣ самихъ, ни кругомъ себя.

Это люди разныхъ классовъ, разныхъ положеній, отъ милліонера до нищаго канцеляриста, но всѣ они одинаково мечутся въ ужасѣ передъ безсмысліемъ жизни, въ ужасѣ отъ своего безсилія передъ этимъ безсмысліемъ.

Все, чѣмъ жило или дѣлало видъ, что живетъ, человѣчество, для нихъ — скучно и пусто. Всѣ они, каждый по своему, отрываются отъ жизни. Оторвавшись, хотятъ понять ее. И, не понявъ, погибаютъ.

Всѣ они приходятъ къ *вѣчнымъ вопросамъ*.

Однихъ приближающаяся смерть властной рукой отрываетъ отъ временнаго и ставитъ передъ вѣчнымъ. Другихъ слишкомъ больно обманываетъ жизнь. Третьи приходятъ къ вѣчному, потому что временное вдругъ, безъ объясненія причинъ, потеряло для нихъ весь вкусъ и всю цѣнность.

Всѣ они стоятъ передъ вѣчнымъ, и всѣ они безсильны передъ нимъ.

Это *ощущеніе вѣчнаго* и безсиліе передъ нимъ—общая черта героевъ „послѣдней черты“. И *это* безсиліе черта характерная для нашего времени.

Въ русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ несомнѣнно замѣчается опредѣленный поворотъ *отъ временнаго къ вѣчному*.

Этотъ поворотъ отраженъ въ романѣ.

Хотя, необходимо замѣтить, отраженъ очень криво, потому что авторъ рисуетъ намъ исключительно людей, *погибающихъ* у послѣдней черты. Онъ не показываетъ людей, *переходящихъ* за эту черту. Можетъ быть, онъ ихъ не знаетъ, не замѣтилъ, не понялъ. Я не знаю этого. Во всякомъ случаѣ послѣдняя черта безсознательной жизни рисуется ему какой-то гильотиной, за которой только одинъ мракъ небытія.

Къ сожалѣнію *для многихъ* это, дѣйствительно, такъ и есть. Поворотъ къ вѣчному совершается въ русскомъ обществѣ съ большой болью. Отрываясь отъ временнаго, люди долго не могутъ найти вѣчнаго. И они переживаютъ мучительный періодъ висѣнія въ воздухѣ между временнымъ и вѣчнымъ и отрицанія и того, и другого.

Причинъ у этого много. Разочаровавшись во временномъ, начиная понимать, что оно имъ само по себѣ вовсе не нужно, а если нужно, то только, какъ средство, для достиженія вѣчнаго, и, начиная искать вѣчнаго — люди ищутъ его совершенно такъ же, какъ искали временнаго. Они пытаются подойти къ вѣчному съ пріемами, съ методами *и со словами*, выработанными въ исканіи временнаго.

Ясно, что эти способы и эти слова не могутъ годиться. Нельзя конечнымъ мѣрять безконечное, нельзя условнымъ опредѣлять безусловное.

Но, не зная ничего другого, еще раньше разочаровавшись въ другихъ методахъ, признавая только „положительные“, чисто условные методы своей науки, люди, соприкасаясь съ вѣчнымъ, осуждены на еще болѣе горькія разочарованія, на отрицаніе, на отчаяніе. И *для слабыхъ* это отрицаніе и отчаяніе можетъ стать той гильотиной, какую рисуетъ авторъ.

Но въ дѣйствительности отрицаніе совсѣмъ не такъ безнадежно.

Тѣ, которые достаточно сильны, чтобы довести отрицаніе до конца, приходятъ въ результатѣ къ отрицанію своихъ методовъ, къ сознанію необходимости другихъ *новыхъ* методовъ, новаго отношенія къ жизни. Они понимаютъ вдругъ, что перемѣна должна

произойти въ нихъ самихъ. И тогда изъ отрицанія самаго отрицанія для нихъ вырастаетъ возможность *новаго утвержденія.*

Но герои г. Арцыбашева не доходятъ до этого. Они всѣ гибнутъ „у послѣдней черты". И читатель невольно остается при мысли, что авторъ не видитъ иного исхода, что онъ самъ съ ужасомъ смотритъ на послѣднюю черту, самъ не видитъ возможности перешагнуть черезъ нее.

Отрицаніе само по себѣ не страшно. Это необходимый моментъ въ развитіи. Вопросы вѣчнаго, вызывая необходимость отрицанія временнаго, а такъ же вслѣдствіе неумѣлаго обращенія съ ними, очень часто приводятъ къ отрицательнымъ заключеніямъ вообще, къ отрицанію *всего*, ставятъ человѣка на краю пропасти. Но важно то, что вопросы вѣчнаго *поставлены.* Разъ коснувшись ихъ, отъ нихъ уже нельзя уйти. И, пускай даже путемъ отрицанія, человѣкъ всетаки будетъ куда-то идти.

Поэтому *дѣятельное* сомнѣніе и отрицаніе гораздо лучше пассивной вѣры и утвержденія.

И если сравнивать, что лучше—довольство временнымъ или полное и безпощадное отрицаніе всего, чѣмъ жило и живетъ человѣчество, то безъ колебаній можно сказать, что послѣднее лучше, потому что это—слѣдующій шагъ. Отрицаніе это—копье Ахиллеса; оно само будетъ излѣчивать раны, которыя наноситъ.

Человѣку, который удовлетворяется временнымъ, нужно еще разочароваться во временномъ. Только потерявъ временное онъ можетъ найти вѣчное.

Вообще найти что нибудь можетъ только тотъ, кто готовъ потерять все.

Это значитъ, что *потеря всего*—кажущійся моментъ. Какъ разъ тогда, когда человѣку *кажется*, что онъ потерялъ *все*, онъ находитъ *въ самомъ себѣ* нѣчто новое, безконечно превосходящее все, что потеряно.

Но матеріалистическое мышленіе не сознаетъ, не понимаетъ и не хочетъ понимать этого *слѣдующаго момента*—и, разъ прійдя къ отрицанію, не можетъ понять, что отрицаніе *не есть* высшая мудрость жизни. Между тѣмъ это только — гибель слабыхъ, и новый путь сильныхъ.

Романъ „У послѣдней черты" рисуетъ намъ, плохо или хорошо, какъ въ современномъ намъ обществѣ ставятся и рѣшаются *вѣчные вопросы.* Поэтому докладъ, посвященный этому роману и прочитанный прошлой зимой въ открытомъ собраніи Теософическаго Общества

въ Петербургѣ, я назвалъ:—„Теософическія идеи въ русской литературѣ“.

Теософическія идеи, это—идеи вѣчнаго.

Герои романа въ сущности всѣ мучаются *вѣчными* вопросами—„вопросами теософіи“.

Проблемы смерти и безсмертія, вопросы о страданіи, о любви, о смыслѣ жизни, о познаніи, о сверхчеловѣкѣ все, о чемъ разсуждаютъ и чѣмъ мучаются герои „Послѣдней черты“, это—теософическія идеи. И онѣ не дѣлаются менѣе теософическими отъ ихъ отрицательнаго рѣшенія.

Но „герои послѣдней черты“ не знаютъ, что они живутъ въ сферѣ теософическихъ идей, такъ же какъ „буржуа-жентильомъ“ не зналъ, что онъ говоритъ прозой.

Можетъ быть самъ авторъ не знаетъ этого...

Во всякомъ случаѣ въ романѣ г. Арцыбашева интересны яркія и выпуклыя картины того, что получается, когда люди, совершенно не готовые къ этому, вдругъ видятъ себя передъ вѣчными „неразрѣшимыми“ вопросами и пытаются взяться неумѣлыми руками и неумѣлыми, неготовыми умами за теософическія проблемы.

Въ сущности, несчастіе и гибель героевъ послѣдней черты всецѣло зависятъ отъ того, что они слишкомъ близко подошли къ этой запретной чертѣ вѣчнаго, *не заплативъ долговъ*, т. е. не разсчитавшись съ временнымъ, не опредѣливъ своего отношенія къ нему.

Вся жизнь, какой мы живемъ: стремленіе къ успѣху, вѣчное соревнованіе во всемъ, подчиненіе всего остального сегодняшнему, злободневному и матеріальному клонится къ тому, чтобы отвести человѣка отъ вѣчныхъ вопросовъ. И, когда человѣкъ, весь опутанный нитями этой жизни, не понимая ни ея, ни себя, видитъ себя передъ лицомъ вѣчнаго, то онъ оказывается безсильнымъ и неготовымъ.

„Разсужденія“ героевъ г. Арцыбашева это—одна сплошная наивность и въ то же время полное доведеніе до абсурда матеріализма въ области вѣчныхъ вопросовъ. Главная ошибка всѣхъ этихъ людей въ томъ, что они пытаются разобраться въ вѣчныхъ вопросахъ *умомъ*, не понимая того, что въ нихъ нужно входить *всей жизнью*. Идей вѣчнаго, теософическихъ идей, нельзя касаться безнаказанно и нельзя прикоснуться къ нимъ слегка и немножко. Человѣкъ, только приблизившійся къ нимъ, уже *дѣлается другимъ*. Жизнь въ ея обычныхъ бытовыхъ и психологическихъ формахъ становится невозможной для него. Онъ уже долженъ или строить новую жизнь, или погибать отъ ударовъ и толчковъ этой Силы сопротивленія, той силы, которая есть у всякаго, стихійно живущаго существа, у него быть не можетъ. Какъ бы онъ самъ ни

увѣрялъ себя, что онъ *тотъ же самый*, онъ уже *другой* и долженъ искать другого, *новаго* пути.

Поэтому вѣчные, *теософическіе*, вопросы такъ тѣсно соприкасаются съ вопросами морали, и безъ нихъ—невозможны.

Пониманіе этого послѣдняго факта не видно ни у кого изъ дѣйствующихъ лицъ романа ни у самого автора, насколько можно судить о его внутреннихъ идеяхъ по роману.

Между тѣмъ у нашей критики и у нашей публики есть привычка на всѣ идеи, какія можно извлечь изъ произведенія, ставшаго популярнымъ, смотрѣть, какъ на проповѣдь. Наша критика и наша публика еще очень дика, и, подобно младенцу, который тащитъ въ ротъ все, что ему попадается, она старается извлечь изъ всего моральное (или антиморальное) поученіе.

Хотя въ сущности вмѣстѣ съ нѣкоторой литературной дикостью этотъ фактъ показываетъ очень правильное инстинктивное отношеніе къ вещамъ, т.-е. сознаніе того, что *ничто* не можетъ стоять *внѣ морали*, что *все* непремѣнно имѣетъ такое или другое отношеніе къ морали, такое или другое моральное значеніе, что *безразличныхъ* въ моральномъ отношеніи вещей нѣтъ, и что *моралъ* нужно искать вездѣ и во всемъ.

Романъ „У послѣдней черты“ тоже не безразличенъ въ моральномъ отношеніи. Если принимать на вѣру взгляды автора и не находить отвѣта на всѣ мучительныя дилеммы его героевъ, то чтеніе этого произведенія непремѣнно должно еще больше увеличить общую массу отчаянія и недоумѣнія, накопившагося въ душѣ современнаго человѣка, и романъ можетъ самымъ реальнымъ образомъ прибавить крестовъ на кладбищахъ.

Можно возражать противъ опредѣленія искусства, какъ отраженія жизни. Но, что *жизнь* есть отраженіе искусства и литературы, это—несомнѣнно.

Еще лѣтъ тридцать тому назадъ Максъ Нордау писалъ въ своихъ „Парадоксахъ“, что современный человѣкъ—думаетъ, говоритъ, любитъ, одѣвается не самъ по себѣ, а *какъ его любимый герой въ литературѣ*.

И это глубоко вѣрно. Никогда еще *подражаніе* не являлось такимъ яркимъ и сильнымъ факторомъ въ созданіи формъ жизни, какъ въ наше время газетъ и телеграфа.

Рядомъ съ признанными модами на платье, на архитектурный стиль и на способы убиванія времени, у насъ существуютъ и дѣйствуютъ плохо сознаваемыя моды на взгляды, на мнѣнія, на убѣжденія, на пониманіе жизни и смерти, на литературные вкусы, на

жизненныя цѣли, на слова, на симпатіи, на антипатіи—и популярный романистъ очень часто является законодателемъ этихъ внутреннихъ модъ.

И во всѣхъ областяхъ одинаково.

„Парижскій апашъ", это — созданіе бульварнаго романа, кроваваго и сенсаціоннаго; совершенно такъ же, какъ въ прежнія времена, созданіемъ сентиментальнаго романа была „гризетка".

Въ наше время бульварная газета и бульварный романъ создали цѣлые новые ряды преступленій.—Обливанія сѣрной кислотой, подвиги „автомобилистовъ-анархистовъ", безконечные синодики самоубійствъ, это все—прямые и непосредственные результаты уличной литературы *), особенно самоубійства.

Романъ г. Арцыбашева не идетъ на улицу, но все-таки и у Наумова, и у Краузе, и у Тренева, и у канцеляриста Рыскова, и у студента Чижа, какъ это ни глупо, могутъ найтись „единомышленники" и „послѣдователи", которые еще разъ изъ пятаго въ десятое перетолкуютъ о томъ, „почему надо", и „почему не надо", и потомъ возьмутъ да и повѣсятся, или перерѣжутъ себѣ горло бритвой, или начнутъ проповѣдывать самоуничтоженіе и соблазнять другихъ черной ямой, которая тянетъ ихъ самихъ.

Конечно, строго говоря, романистъ не обязанъ считаться съ подобными послѣдствіями своихъ писаній. Но что эти послѣдствія возможны, на это тоже не слѣдуетъ закрывать глазъ. И не слѣ-

---

*) Вотъ замѣтка изъ хроники „Биржевыхъ Вѣдомостей" (іюль 1912 г. иллюстрирующая одну изъ самыхъ поразительныхъ „модъ" нашего времени, *моду на самоубійства*. „Литературное" происхожденіе этихъ самоубійствъ очевидно.

Драма на романической почвѣ.

Сегодня ночью тяжелая драма разыгралась у дома № 41, по Кронверкскому пр. На улицѣ были подняты трое молодыхъ людей, находившихся въ безсознательномъ состояніи. Всѣхъ отправили въ Петропавловскую больницу, гдѣ оказалось, что всѣ трое отравились какой то кислотой. Личности ихъ выяснены. Отравившіеся оказались наборщиками Румянцевымъ, Филипповымъ и Тарасовымъ. Причина покушенія ихъ на самоубійство—романическаго свойства. Всѣ трое ухаживали за одной 19-лѣтней дѣвушкой Корольковой, проживавшей въ домѣ № 9, по Тихвинской ул. Никто изъ молодыхъ людей, однако, не пользовался успѣхомъ, и это послужило основаніемъ для самоубійства. Румянцевъ, Филипповъ и Тарасовъ выпили по флакону кислоты. Объ отравленіи наборщиковъ узнала Королькова. Это такъ сильно поразило дѣвушку, что она въ свою очередь выпила уксусной эссенціи и въ безсознательномъ состояніи доставлена въ ту же Петропавловскую больницу. Положеніе всѣхъ четырехъ довольно тяжелое.

дуетъ закрывать глаза на то, что вся конструкція романа и отношеніе автора къ его героямъ, какъ будто нарочно, выдвигаетъ впередъ *именно отрицаніе* и безнадежность.

Поэтому задача критики по отношенію къ роману „У послѣдней черты“ должна бы была состоять въ томъ, чтобы показать читателю настоящую цѣну такого отрицанія, показать, что герои романа каждый по своему, заведены въ тупикъ цѣлой сѣтью софизмовъ, которые не только не хочетъ распутать, но всѣми силами поддерживаетъ и охраняетъ авторъ.

Къ сожалѣнію, это совсѣмъ не было сдѣлано. О романѣ писали и писали довольно много. Но писали все совсѣмъ не то, что нужно.

Конечно, разбирая романъ съ литературной стороны, можно многое возразить противъ пріемовъ автора и его описаній. Мнѣ лично кажутся, напримѣръ, крайне нехудожественными нѣкоторыя *объективныя* описанія того, что *объективно* не наблюдается. Я не думаю, чтобы авторъ не понималъ этого различія, и мнѣ кажется, что онъ часто жертвуетъ художественной правдой ради лишняго эффекта.

Вообще, съ литературной стороны въ романѣ не все благополучно: есть скучныя длинноты, есть старыя, старыя, наивныя клише, напр., повторяющаяся на разные лады фраза, рисующая „страшную перемѣнчивость“ героевъ по отношенію къ женщинамъ: „то готовъ задушить, то ноги цѣловать“. И это „цѣлованіе ногъ“ нѣсколько разъ фигурируетъ въ качествѣ крайней степени униженія и подчиненія.

Подобныя вещи невольно вызываютъ улыбку и, конечно, лучше, если бы ихъ не было, но всетаки суть романа не въ нихъ, а въ яркой и сильной картинѣ положенія людей у „послѣдней черты“.

Что же касается критики, то она, вмѣсто того, чтобы растолковать читателямъ романъ и дать болѣе или менѣе трезвый взглядъ на всѣ отрицанія его героевъ, занималась преимущественно обличеніемъ его автора за нѣкоторыя, опять немножко непривычныя въ литературѣ, описанія и старалась на основаніи этого доказать, что весь романъ ничего не стоитъ.

Эта задача очень неблагодарная. Романъ интересенъ и любопытенъ, онъ ставитъ много вопросовъ, вызвалъ много разговоровъ и обратилъ на себя вниманіе не только въ Россіи, но и за границей, какъ очень характерное явленіе въ новой русской литературѣ. Мнѣ попалась статья въ журналѣ „The North American Reyiew“, авторъ которой, впрочемъ не особенно хорошо знающій русскую литературу, ставитъ романъ „У послѣдней черты“ на одномъ уровнѣ съ тѣми произведеніями русскихъ писателей прежняго времени, которыя

создали славу русскаго романа за границей. На самомъ дѣлѣ романъ г. Арцыбашева типично русскій романъ, потому что это романъ *идейный*. Чисто бытовой или психологическій романъ у насъ успѣха имѣть не можетъ. И это былъ бы *не русскій* романъ.

На первомъ мѣстѣ въ романѣ „У послѣдней черты“ стоитъ *смерть*. Картины умиранія профессора Ивана Ивановича накладываютъ свой отпечатокъ на все остальное, что происходитъ въ романѣ. Это такъ сказать credo *послѣдней черты*.

Докторъ Арнольди съ усиліемъ понималъ этотъ спутанный, какъ будто совершенно безсмысленный, но на самомъ дѣлѣ полный ужаснаго смысла бредъ. Онъ смотрѣлъ на развалину когда-то умнаго, чуткаго, мыслящаго, гордаго своей мыслью человѣка, въ которомъ безсильно погасала послѣдняя искорка духа, и видѣлъ, какою жалкою является мечта о человѣческомъ безсмертіи. Аляповатой смѣшной картиной, самоучкой намалеванной на занавѣсѣ, за которымъ скрывается черная пустота, пестрѣли передъ нимъ Богъ, загробная жизнь, міровая душа. Кучка разлагающагося праха, догорающая свѣча и больше ничего. Можно было толковать о религіи, вѣрить въ безсмертіе, пока работалъ умъ, и тѣло жило полной жизнью. Но теперь, когда явно, на глазахъ человѣкъ обращался въ умирающее животное, въ идіота, комокъ внутренностей и хрупкихъ косточекъ, всѣ эти мысли были такъ же комичны и нелѣпы, какъ бабьи сказки о чертяхъ и домовыхъ.

Старичокъ задумался, опустивъ слабую голову на руки и закрывъ глаза.

Докторъ Арнольди уже думалъ уходить, какъ вдругъ Иванъ Ивановичъ поднялъ голову и, прямо и сознательно глядя, сказалъ:

— Ахъ, если бы немножко силы! Ну, немного, хоть недѣлю... чтобы только отдохнуть... чтобы все вспомнить, чтобы руки не дрожали, ноги ходили... я... пошелъ бы за ворота, посидѣлъ бы на лавочкѣ!..

Докторъ Арнольди невольно улыбнулся. Такъ было неожиданно это скромное желаніе умирающаго. И, уже улыбнувшись, онъ подумалъ о томъ, какъ должна сузиться жизнь, чтобы желаніе пойти посидѣть на лавочкѣ за воротами составляло несбыточную, недосягаемую мечту. И почему-то доктору представилось, что если бы могъ что-либо желать Наполеонъ въ своемъ Пантеонѣ, онъ мечталъ, плакалъ и молился бы только о томъ, чтобы шевельнуть хоть однимъ пальцемъ, покойно сложенныхъ на груди мертвыхъ рукъ.

Дальше описывается безсонная ночь умирающаго профессора.

Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ и думалъ. Голова его была ясна. Мысль напряженно и неустанно работала все въ одномъ кругу. Память подставляла не тѣ слова, но Иванъ Иванови ъ не замѣчалъ этого. Теперь никто не слушалъ его, никто не притворялся, что понимаетъ его лепетъ, и мысль безъ словъ или первыми попавшимися нелѣпыми словами работала съ желѣзной силой.

Смерть была тутъ. Иванъ Ивановичъ зналъ, что жить осталось уже немного. Правда, онъ не представлялъ себѣ, что это будетъ черезъ день-два. Онъ думалъ только, что ему не дожить до осени, въ крайнемъ случаѣ — до зимы.

Но, въ сравненіи съ жизнью, эта страшная, туманная осень казалась уже за дверью. А жилъ онъ такъ долго! Оглядываясь назадъ, Иванъ Ивановичъ видѣлъ безначальную вереницу лѣтъ. Онъ одновременно помнилъ себя и мальчикомъ, и студентомъ, и старымъ профессоромъ, чинно всходящимъ на каѳедру. Въ туманный и громадный узоръ путались милліоны мелкихъ и важныхъ фактовъ: женитьба, единица, полученная на экзаменѣ, каникулы въ деревнѣ, защита диссертаціи, встрѣча съ Марксомъ, поѣздки за границу, туманныя очертанія Лондона, Парижа, Нью-Іорка... Не было конца и счета словамъ, встрѣчамъ, мыслямъ и лицамъ. Это была какая то колоссальная панорама, двигавшаяся въ памяти съ страшной быстротой взадъ и впередъ. И нельзя было представить, что черезъ нѣсколько дней вдругъ все оборвется и исчезнетъ, какъ лопнувшая лента синематографа. Наступитъ что-то непонятное и ужасное, и его не станетъ. Въ мірѣ образуется какая-то нелѣпая, незаполнимая пустота. Будутъ похороны, могила и разложеніе... полное небытіе, не вмѣщающаяся въ разумъ абсолютная тьма.

Все останется по прежнему, такъ же будутъ дни и ночи, будутъ говорить и ходить люди, будутъ войны, великія открытія, новые пророки, будетъ все, что было, только его одного не будетъ никогда.

Неужели и тогда кто-нибудь будетъ смѣяться!

. . . . . .

Тоска подымается все выше и выше, охватываетъ съ головой, нечѣмъ дышать наконецъ!.. Все тѣло, вся душа, каждый нервъ тянется и дрожитъ. Надо скорѣе что-то вспомнить, что-то сдѣлать.

Но что вспомнить? Что смерть—обычное физіологическое явленіе, что всѣ умрутъ, что когда-нибудь этотъ моментъ всетаки придетъ, что это еще не сейчасъ, что объ этомъ не надо думать?.. Что вопреки здравому смыслу, такому желѣзному и ясному, есть всетаки спасеніе: вѣчная безсмертная жизнь души... Богъ.

И страшная скачущая мысль вдругъ падаетъ. Призракъ смерти отступаетъ, растворяясь въ какой-то пловучей, усыпляющей мечтѣ.

. . . . . .

И вдругъ гнетущая мысль начинаетъ овладѣвать Иваномъ Ивановичемъ, никому не жаль его, всѣмъ надоѣлъ онъ, жалкій, выжившій изъ ума полутрупъ.

Но вѣдь онъ столько сдѣлалъ для науки. Теперь онъ, конечно, давно отсталъ, перезабылъ многое, но было время, имя его пользовалось почетомъ. Остались его книги, обширныя изслѣдованія по исторіи человѣчества. Люди должны и будутъ его помнить. И такимъ образомъ онъ всетаки не умретъ.

На мгновеніе какъ бы открывается изъ тьмы дверь въ яркое солнечное утро: да тѣло умретъ, но душа его будетъ жить вѣчно въ его книгахъ, въ его вліяніи. Да, вотъ оно и есть это безсмертіе!

Но тяжелая дверь захлопывается съ глухимъ стукомъ. Опять пустота и ужасъ: да, будутъ жить его книги и мысли, но не онъ самъ. А онъ умретъ. Что за дѣло Сократу, что имя его повторяется кстати и некстати какими то неизвѣстными людьми, а самъ онъ давно сгнилъ гдѣ-то въ землѣ. Развѣ это безсмертіе? Это насмѣшка! Иванъ Ивановичъ еще не умеръ, онъ только старъ, а уже и теперь какая связь между нимъ и его книгами? Лучше бы онъ и не писалъ ихъ совсѣмъ, не думалъ, не жегъ жизни надъ бумагой, а дышалъ, смотрѣлъ на солнце, котораго онъ никогда, никогда уже не увидитъ больше.

Такое отношеніе къ смерти въ романѣ Смерть, это—ужасъ, уничтожающій всякій смыслъ и всякую возможность

смысла въ жизни. Жизнь—какая-то слабая, непонятная, ненужная и безпричинная вспышка сознанія, миражъ событій и переживаній, затѣмъ—черное и холодное *Никогда!*

Правда, многимъ кажется, что *такія* „мысли смерти“ сочинены авторомъ, или если не сочинены, то притянуты намѣренно, приписаны *умирающему*, когда въ дѣйствительности онѣ проходятъ обыкновенно только въ умахъ *живыхъ* людей, *окружающихъ умирающаго.*

Мнѣ пришлось разъ говорить объ этомъ:

„Арцыбашевъ просто подставилъ здороваго на мѣсто умирающаго, — говорилъ мой собесѣдникъ. Сравните смерть его профессора со смертью Андрея Болконскаго. Вотъ тамъ настоящая художественная правда, помните эту *перемѣну*, которая произошла въ Болконскомъ, и которую замѣтили всѣ окружающіе. Вотъ это реальное ощущеніе смерти, не выдуманное, не приписанное умирающему ради эффекта.—Безразличіе одинаково и къ жизни, и къ смерти—вотъ наиболѣе характерная черта умиранія.—Сама природа устроила такъ. Страхъ смерти, это—удѣлъ живыхъ и здоровыхъ. Умирающіе почти никогда не ощущаютъ смерть такъ, какъ ее ощущалъ старый профессоръ, у нихъ нѣтъ этого мучительнаго цѣпляніе за жизнь. Обыкновенно на человѣка сходитъ какое-то спокойствіе, его внутренній взглядъ углубляется, онъ чувствуетъ *иначе*, чѣмъ обыкновенно. Даже по чисто физіологическимъ причинамъ человѣкъ не можетъ *такъ* умирать, онъ слишкомъ слабъ, слишкомъ боленъ, ему слишкомъ нехорошо. Природа гораздо умнѣе устроила смерть и ввела въ нее очень много постепенности“.

Такъ говорилъ мой собесѣдникъ. Но съ другой стороны *такія* умиранія бываютъ, и невѣроятнаго въ этомъ ничего нѣтъ.—Люди, живущіе среди природы, одной жизнью съ ней, или люди, сохранившіе внутреннюю нормальность среди ненормальной жизни, умираютъ необыкновенно мудро и спокойно. Но люди нашей ненормальной культуры, неправильнаго однобокаго интеллектуальнаго развитія могутъ умирать невѣроятно мучительно.

Нужно признать, что *аргументація смерти* въ романѣ очень серьезна. Что бы ни возражали на это, — *люди такъ чувствуютъ!* И свое собственное непосредственное ощущеніе смерти для нихъ важнѣе и *страшнѣе* всякихъ разубѣждающихъ *словъ*.

Нуженъ *реальный отвѣтъ* на всѣ эти вопросы умирающихъ и близкихъ къ умирающимъ людей. Отнестись легко къ тому, что переживаетъ старый професоръ и умирающая актриса, и докторъ Арнольди, которому по его профессіи постоянно приходится имѣть

дѣло со смертью,—но для котораго она все время безсмысленный ужасъ и черная тьма—отнестись легко ко всему этому—это значитъ не понять *урока жизни* огромнаго значенія.

Смерть нельзя обезцѣнивать, это глубокая и серьезная вещь. *О безсмертіи* нельзя говорить *земными словами*. Ужасъ разложенія, вся короткая, но страшная, жизнь трупа является символомъ какого-то непонятнаго для насъ, но тоже страшнаго значенія смерти. Отъ смерти нельзя отдѣлываться ни догматическими формулами, ни фантазированіемъ о продолженіи жизни, ни пошлыми спиритическими попытками сдѣлать изъ смерти какой-то фарсъ или мелодраму съ прыгающими столами и стучащими духами. Ее нужно понять, на ея вопросы нужно отвѣтить. Нужно понять, что, какъ ни реальны кажутся выводы и ощущенія умирающаго профессора, на самомъ дѣлѣ это—иллюзія и самообманъ, цѣлая сѣть, цѣлое сплетеніе самообмана, *ужаснаго* самообмана, потому что что можетъ быть ужаснѣе такого умиранія?

Отчаяніе и безнадежность, которыя вѣютъ отъ этихъ мыслей умирающаго, безсмысленность жизни передъ неизбѣжнымъ ужасомъ смерти—это остается въ душѣ читателя. И это вызовъ всей жизни! Насмѣшка надъ ней, грубое и дерзкое поруганіе.

Но возразить что-нибудь на эти *мысли смерти* гораздо труднѣе, чѣмъ это, можетъ быть, кажется тѣмъ, кто самъ думаетъ иначе.

Трудно возразить прежде всего потому, что слова вообще имѣютъ меньше силы, чѣмъ мы это часто думаемъ, Слова говорятъ тому, кто ихъ хочетъ слушать. Измѣнять словами взгляды, убѣжденія и *ощущенія* другого человѣка такъ же трудно, какъ измѣнить его *вкусы*. „Мы знаемъ, что о вкусахъ спорить нельзя, а въ дѣйствительности только и дѣлаемъ, что споримъ о вкусахъ“, говоритъ Заратустра у Ницше.

Убѣжденія такъ же, какъ и вкусы, создаются въ таинственной внутренней лабораторіи души человѣка. Они *вырастаютъ* естественнымъ путемъ изъ какого нибудь маленькаго сѣмени. Сразу и насильно пересадить въ душу готовыя убѣжденія нельзя, нельзя обойти естественный процессъ роста, можетъ быть, невидимый. Нельзя думать, что убѣжденія можно создать или замѣнить другими *путемъ аргументаціи*.

Ни одно убѣжденіе, ни одна увѣренность человѣка не являются результатомъ непосредственно предшествовавшихъ *логическихъ разсужденій*. Всякая жизненная увѣренность или неувѣренность человѣка, это — точка пересѣченія безконечнаго множества линій, состоящихъ изъ желаній, стремленій, опасеній, страховъ, симпатій.

Всякое убѣжденіе, всякая *мысленная увѣренность* это—результатъ *долгой* тренировки мысли въ опредѣленномъ направленіи, тренировки, которая создается *эмоціональными* влеченіями и отталкиваніями. Всякое убѣжденіе, всякая увѣренность, это — богатство, накопленное долгимъ трудомъ.

Мы часто не сознаемъ этого. Часто придаемъ слишкомъ большое значеніе логическимъ доказательствамъ. Думаемъ, что кому нибудь что нибудь можно доказать, кого нибудь въ чемъ нибудь можно убѣдить, думаемъ, что человѣка можно повернуть и заставить итти по новому направленію, если доказать ему истинность этого новаго направленія.

Это и есть главный грѣхъ интеллектуализма. Отсюда родятся всѣ тоскливыя системы, стремящіяся *убѣдить* людей перестать быть злыми и стать хорошими, перестать дѣлать зло и начать дѣлать добро. Это, конечно, такъ же легко и просто, какъ перестать быть глупымъ и стать умнымъ, перестать быть безобразнымъ и стать красивымъ.

Но мы живемъ среди иллюзій ложнаго интеллектуализма, переоцѣнивающаго значеніе словъ и доказательствъ. Мы не хотимъ знать и забываемъ, что человѣка можно убѣдить только въ томъ, что онъ уже самъ *знаетъ въ душѣ*, о чемъ онъ догадывается, что подозрѣваетъ.

Если это дѣйствительно *ново* для него, то самое большее, чего можно ждать,—это, что новое слово упадетъ въ него, какъ зерно новой мысли—и изъ этого зерна, черезъ долгое время, можетъ вырасти новое убѣжденіе, новая увѣренность, противоположная старой.

Мы плохо знаемъ эту сторону нашей психической жизни. Мы склонны считать свой умъ *болѣе гибкимъ*, болѣе эластическимъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности, путемъ логическихъ разсужденій никого ни въ чемъ нельзя убѣдить совершенно такъ же, какъ путемъ логическихъ разсужденій нельзя человѣка выучить ѣздить верхомъ или плавать, или играть на скрипкѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо прежде всего *желаніе выучиться*, и затѣмъ долгая спеціальная *тренировка*. Человѣка противъ его воли нельзя ничему выучить и нельзя *заставить* думать по новому, если онъ *хочетъ* думать *по своему* или *по старому*.

И передать человѣку какую нибудь увѣренность, созданную иной тренировкой мысли чѣмъ та, къ которой онъ привыкъ, и которой онъ слѣдовалъ, такъ же невозможно, какъ невозможно передать словами умѣнье ѣздить верхомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что говорятъ обыкновенно человѣку, который не умѣетъ ѣздить?

— Сидите прямо! Что вы гнетесь впередъ!

Но въ томъ-то все и дѣло, чтобы сидѣть прямо, *а для этого нужно умѣть ѣздить.*

Мы прекрасно понимаемъ это *въ жизни*, понимаемъ, что *привычка, тренировка*, необходимы для всего, — необходимы въ искусствѣ, необходимы во всякой работѣ, но почему-то мы не понимаемъ этого въ примѣненіи къ умственнымъ логическимъ процессамъ.

Когда человѣкъ что нибудь думаетъ и, какъ ему кажется, думаетъ *очень кратко*, на самомъ дѣлѣ онъ *подразумѣваетъ* или держитъ въ умѣ цѣлый длинный рядъ предшествовавшихъ умозаключеній. *Результатъ этого ряда* обозначенъ для него какимъ нибудь *словомъ*. И это слово для него уже не подлежитъ каждый разъ новой провѣркѣ. У каждаго человѣка очень много такихъ словъ. И поэтому людямъ кажется, что они думаютъ кратко.

Но человѣку понятны только *свои слова*. Чужія слова, являющіяся результатомъ чужихъ рядовъ умозаключеній, для него чужды и непонятны. Онъ не можетъ принять этихъ результатовъ готовыми и долженъ мысленно переработать ихъ, пройти черезъ нихъ. А для этого онъ долженъ прежде всего *желать итти.*

Желая понять что нибудь новое для него, высказываемое другимъ лицомъ, человѣкъ долженъ прежде всего желать понять это съ точки зрѣнія говорящаго. Если онъ будетъ смотрѣть только со своей точки зрѣнія, то новое и непонятное навсегда останется для него чуждымъ и необъяснимымъ.

Поэтому слѣдующее, что необходимо, это—признаніе *возможности* другой точки зрѣнія, кромѣ своей собственной.

Но, чѣмъ меньше человѣкъ сознаетъ этотъ длинный рядъ подразумѣвающихся умозаключеній, лежащій въ основаніи каждой его увѣренности, чѣмъ болѣе непосредственными возникающими въ данный моментъ кажутся ему его мысли, тѣмъ труднѣе съ нимъ спорить, тѣмъ труднѣе ему что нибудь доказать. Если онъ совсѣмъ не сознаетъ этихъ предшествовавшихъ умозаключеній, то ему трудно доказать даже *возможность* другого взгляда, чѣмъ тотъ, котораго онъ держится, и который кажется ему *единственнымъ*, именно потому, что онъ не знаетъ, *какъ* этотъ взглядъ образовался.

Умѣть думать, это—трудное искусство. А между тѣмъ—думать необходимо *умѣть*. И *правильно думать* совсѣмъ не такъ легко.

Для этого не достаточно быть логичнымъ съ одной точки зрѣнія, а необходимо сознавать совершенно равноцѣнную иную логичность и возможность другихъ точекъ зрѣнія.

Нужно быть увѣреннымъ и убѣжденнымъ въ своемъ и въ то же время быть готовымъ въ каждую данную минуту отказаться отъ своего и пойти по совершенно новому пути.

Все это удивительно образно выражено въ прекрасныхъ евангельскихъ аллегоріяхъ — человѣкъ, стремящійся въ „царство небесное“ долженъ быть готовъ „отказаться отъ всего своего богатства“, „бросить отца и мать“, „стать, какъ ребенокъ“ и пр. и пр.

Но надѣяться убѣдить кого нибудь *сразу* въ вещахъ противуположныхъ тѣмъ, съ которыми онъ сжился и привыкъ, праздно и безполезно.

Такимъ образомъ, напримѣръ, возразить *кратко* съ идеалистической точки зрѣнія на какое нибудь позитивное положеніе совершенно невозможно. Нужно начинать очень издалека и вести человѣка постепенно къ новому для него пониманію вещей, пріучая его къ новымъ пріемамъ мысли, къ новому отношенію къ мыслямъ. И прежде всего для этого нужно, чтобы онъ желалъ пойти въ этомъ направленіи.

Поэтому, если меня спросятъ, что можно сказать человѣку въ такомъ положеніи, какъ профессоръ Иванъ Ивановичъ, который чувствуетъ, что тонетъ, и въ ужасѣ ищетъ за что ухватиться,—я скажу: не знаю, что ему сказать *теперь*. Нужно было раньше думать объ этомъ. Поздно спрашивать совѣта о томъ, какъ плыть, очутившись на серединѣ рѣки. Нужно и можно было учиться плавать раньше. Особенно, если человѣкъ зналъ, что рано или поздно будетъ брошенъ въ воду и долженъ будетъ тонуть или плыть.

Всѣмъ людямъ, жившимъ и умиравшимъ на землѣ, пришлось пройти по тому же пути, по которому проходитъ профессоръ Иванъ Ивановичъ въ романѣ, но не всѣ люди проходили по этому пути съ такимъ ужасомъ, съ такимъ отчаяніемъ и съ такой *жалостью* къ себѣ.

— Что вы хлопочите о Львѣ?—говорилъ умирающій Толстой,—тысячи людей умираютъ!

Удивительно умиралъ Дарвинъ, точно весь погруженный въ созерцаніе и изученіе акта своей смерти.

А тотъ же Сократъ, котораго совсѣмъ не кстати вспоминаетъ Иванъ Ивановичъ? Развѣ онъ *такъ* умиралъ?

Иванъ Ивановичъ умираетъ отъ старости, проживъ восемьдесятъ лѣтъ. И это кажется ему величайшей несправедливостью. Попробуйте представить себѣ, что было бы, если бы Ивана Ивановича приговорили къ смертной казни, да еще приговорили совершенно несправедливо и заставили выпить яду. Сколько было бы

жалобъ, стенаній и проклятій, можетъ быть, и совершенно справедливыхъ съ земной точки зрѣнія, но невѣроятно жалкихъ въ сравненіи со спокойствіемъ Сократа, въ которомъ чувствуется какое то глубокое внутреннее знаніе, внутренняя *увѣренность*.

Мысли умирающаго профессора о смерти, объ исчезновеніи завтрашняго дня, объ ужасѣ сознанія этого исчезновенія многимъ должны показаться и кажутся неотразимыми въ своей логической послѣдовательности, голой и безпощадной правды.

Конечно, у насъ нѣтъ никакихъ *фактовъ* о смерти, кромѣ внѣшнихъ фактовъ. Смотря со стороны, мы видимъ разложеніе тѣла и исчезновеніе изъ поля *нашего* сознанія личности и ея сознанія. Кромѣ этихъ фактовъ мы положительнымъ, *позитивнымъ*, образомъ ничего не знаемъ.

И можетъ быть, Иванъ Ивановичъ правъ? Можетъ быть, смерть дѣйствительно только одинъ ужасъ, не поддающійся никакой аргументаціи, никакимъ возраженіямъ. Этотъ ужасъ есть, и это — все! И присутствіе неизбѣжность этого ужаса лишаетъ жизнь всякаго смысла, всякой цѣнности.

Такъ это или не такъ?

Откуда создалось и на чемъ основалось все, что думаетъ и чувствуетъ Иванъ Ивановичъ?

Что происходитъ съ нимъ?

Буквально то же самое, что происходитъ съ утопающимъ, не умѣющимъ плавать человѣкомъ.

Когда человѣкъ, не умѣющій плавать, попадаетъ въ воду, то онъ инстинктивно начинаетъ дѣлать цѣлый рядъ движеній, выработанныхъ у него и у его предковъ по біологической лѣстницѣ на сушѣ. Эти движенія *сами собой* начинаютъ дѣлаться въ минуту опасности. Человѣкъ ловитъ, ищетъ вокругъ себя какой нибудь точки опоры, размахиваетъ руками и ногами, судорожно ищетъ за что ухватиться, на что поставить ногу. Въ другомъ случаѣ, если бы, напримѣръ, онъ падалъ съ дерева между вѣтками или катился бы съ горы по наклонной плоскости, эти самыя движенія были нужны, полезны, цѣлесообразны, могли бы спасти его, онъ могъ бы ухватиться за какую нибудь неровность, поймать вѣтку, кустъ. Но въ водѣ ухватиться не за что. И тѣ самыя движенія, которыя на сушѣ спасли бы его, въ водѣ губятъ. Именно эти безсвязныя некоординированныя движенія губятъ не умѣющаго плавать человѣка, *потому что въ водѣ нужны совсѣмъ другія движенія*. И человѣкъ, умѣющій плавать, т. е. знающій эти движенія, и умѣющій ими пользоваться, можетъ спокойно лежать на водѣ или плыть къ берегу.

Иванъ Ивановичъ чувствуетъ, что тонетъ. Все привычное, знакомое, *твердое*, постоянное, что окружало его въ жизни, на что онъ опирался мыслями, *отъ чего* начиналъ думать и судить о вещахъ, уходитъ отъ него или уже ушло. Его окружаетъ невѣрная, неустойчивая, непонятная и незнакомая *новая* стихія. Онъ привыкъ жить фактами. Факты уходятъ отъ него. Завтра для него не будетъ уже *ни одного* факта. И онъ судорожно ищетъ вокругъ себя, ловитъ, за что ухватиться.

Но то же самое исканіе фактовъ, привычка опираться на факты, которая помогала ему въ жизни, мѣшаетъ ему въ смерти, Именно это судорожное исканіе фактовъ, *которыхъ нѣтъ и больше не будетъ*, создаетъ вокругъ него этотъ вихрь ужаса и отчаянія.

Почему этого вихря ужаса и отчаянія не оставилъ намъ послѣ себя умиравшій Сократъ? Онъ чувствовалъ какъ то иначе. Факты и его собственныя ощущенія ихъ имѣли для него какую то другую, *меньшую* цѣнность, чѣмъ для Ивана Ивановича.

Для Ивана Ивановича *реальностью* были факты, которые теперь отъ него уходили. Для Сократа реальностью были вѣчные законы, которые оставались неизмѣнными, ничего не теряя отъ факта его смерти.

Почему Сократъ, чувствуя приближеніе смерти, наблюдалъ на себѣ дѣйствіе цикуты, а не спрашивалъ съ ужасомъ и съ тоской:—„неужели завтра люди будутъ смѣяться?“.

Во первыхъ потому, что всѣ факты, потерю которыхъ такъ мучительно ощущалъ Иванъ Ивановичъ, для Сократа никогда не были реальностью. Онъ зналъ, что это все — иллюзія. И потеря иллюзіи мало огорчала его.

Во вторыхъ, Сократъ не придавалъ *себѣ самому* такого значенія, какъ Иванъ Ивановичъ. Его Я не занимало для него такого большого мѣста во вселенной. Онъ сомнѣвался въ реальности всего видимаго, ощущаемаго, предполагаемаго, даже въ реальности самого себя.

Для Ивана Ивановича это была главная реальность. Самое важное въ мірѣ для него былъ профессоръ Иванъ Ивановичъ—и, конечно, смерть Ивана Ивановича была для него важнѣе крушенія всего міра.

Для Сократа его Я занимало въ мірѣ очень маленькое мѣсто. Поэтому даже такой фактъ, какъ чудовищное насиліе надъ нимъ, присужденіе его къ смертной казни и самая казнь не нарушали для него мірового равновѣсія, ничего не мѣняли въ мірѣ и не мѣшали ему съ интересомъ и до послѣдняго мгновенія наблюдать жизнь.

Посмотримъ теперь мы, со стороны.

Представимъ себѣ, что мы видимъ, какъ одинъ человѣкъ утонулъ въ рѣкѣ, съ отчаяніемъ и ужасомъ крича о помощи, а другой поплылъ, увѣренно держась на водѣ, и скрылся изъ нашихъ глазъ.

Кому изъ двухъ хотимъ мы подражать, попавъ въ рѣку?

Очевидно—второму, тому, который поплылъ?

И для этого *прежде всего* мы должны *не дѣлать* всего того, что дѣлалъ первый, который утонулъ.

Что онъ дѣлалъ?

Мы знаемъ, что онъ боялся мысли о *рѣкѣ*, не хотѣлъ о ней думать, когда жизнь заставляла его думать о ней; утѣшалъ себя мыслью, что *рѣка* еще далеко. И потомъ онъ съ тоской и съ ужасомъ почувствовалъ свое приближеніе къ рѣкѣ, и, когда его охватили ея холодныя волны, онъ не могъ бороться съ ними и погибъ.

Мы должны понять, что прежде всего не слѣдуетъ бояться мысли о рѣкѣ. Мы должны пріучить себя къ мысли, что мы *непремѣнно* тамъ будемъ, и что намъ придется или тонуть, или плыть.

И разъ мы знаемъ, что мы неизбѣжно тамъ будемъ, *мы должны воспитать въ себѣ огромный интересъ къ рѣкѣ*. Этотъ интересъ и не придется выгонять искусственно, онъ непремѣнно долженъ появиться, разъ только мы не будемъ стараться *забывать* о рѣкѣ намѣренно.

Мы должны думать о рѣкѣ, стараться *понять* ее. Это совсѣмъ не такъ невозможно.

Что *рѣку* нельзя понять, это утверждаютъ только тѣ люди, которые боятся о ней думать, или не хотятъ думать, или думаютъ о ней, *какъ о сушѣ*.

Мы должны понять, что о рѣкѣ нужно думать *иначе*. Должны понять, что всѣ наши обычные пріемы, выработанные на сушѣ, въ водѣ не годятся. Мы очутимся въ новой для насъ стихіи и должны *заранѣе* быть готовы къ ней.

Намъ очень поможетъ, если мы будемъ вдумываться *въ разницу отношенія къ смерти* такихъ людей, какъ Сократъ съ одной стороны и профессоръ Иванъ Ивановичъ съ другой.

Этой разницы отношеній словами выразить нельзя. Сократъ *что-то* чувствовалъ, *что-то* зналъ, что-то, чего не чувствовалъ и не зналъ Иванъ Ивановичъ. Поэтому Сократъ не боялся того, чего боялся Иванъ Ивановичъ. *Страхъ*, всегда и неизмѣнно — заключаетъ въ себѣ безсознательное отношеніе къ опасности.

Поэтому, если мы хотимъ *сознательно* относиться къ смерти, мы прежде всего должны освободиться отъ *страха смерти.*—Я говорю не объ инстинктивномъ отвращеньи ко всему мертвому, совершенно естественномъ во всемъ живомъ, о объ *интеллектуальномъ* страхѣ смерти, порождаемымъ матеріалистическимъ пониманіемъ жизни. Чтобы избавиться отъ страха смерти, нужно ближе знать смерть, чаще думать, чаще говорить о ней, стараться проникнуть въ ея значеніе сначала умомъ, потомъ чувствомъ, непосредственнымъ ощущеніемъ, *которое придетъ непремѣнно.*

Мы должны *понять смерть.* Не должны цѣпляться за жизнь. Не должны думать, что у насъ что нибудь останется или что-нибудь можетъ остаться изъ этого, земного, изъ окружающаго. И тогда, можетъ быть, мы мысленно нащупаемъ ту новую реальность, которую можемъ обрѣсти въ смерти.

Смерти нужно учиться, такъ же какъ всему въ жизни. Только къ рѣдкимъ геніямъ знанія приходятъ сами собой, только рѣдкіе люди сами *внутри себя* находятъ безспорные отвѣты на вопросы, мучающіе другихъ людей. Обыкновенно людямъ приходится *учиться* и жить, и умирать. Для этого прежде всего *нужно сознать необходимость* учиться.

Конечно, въ концѣ концовъ человѣка удовлетворитъ только такое знаніе, такое пониманіе, какое онъ найдетъ въ самомъ себѣ, внутри себя; ему дѣйствительно *скажетъ* только такой голосъ, который прозвучитъ въ немъ самомъ. Но для того, чтобы услышать этотъ голосъ, найти въ себѣ это пониманіе, необходимо подготовляться внѣшнимъ объективнымъ изученіемъ вопроса.

У кого же можно учиться умирать?

Это такъ ясно! Если мы хотимъ учиться плавать, то, конечно, мы не возьмемъ учителемъ человѣка, который боится даже мысли о водѣ, и который, попавъ въ воду, начинаетъ вопить о помощи. Мы возьмемъ учителемъ человѣка, который умѣетъ плавать. Точно такъ же и въ смерти, мы должны искать учителей среди тѣхъ, кто *умѣлъ умирать.*

И умѣть умирать не значитъ—закурить папироску и пустить себѣ пулю въ лобъ. Это значитъ прежде всего *жить, думая о смерти,* не забывая о ней, не стараясь отгонять отъ себя мысль о ней, а наоборотъ, стремясь разгадать ее, а затѣмъ, когда она придетъ, встрѣтить ее съ интересомъ и сознаніемъ всей ея важности.

Мы всѣ до такой степени заражены несчастнымъ и жалкимъ страхомъ непонятнаго и новаго, что мы совершенно утратили ощущеніе *огромнаго интереса смерти.*

Мы должны бы думать о ней не какъ о черномъ ужасѣ, а

какъ о необыкновенно интересномъ *раскрытіи* тайнъ, которое неизбѣжно придетъ къ намъ въ концѣ пути—*хотя бы на мгновеніе*—и можетъ притти во всякую минуту.

Но меня могутъ спросить: гдѣ же собственно гарантія, что Сократъ не утонулъ? Гдѣ гарантія этого *раскрытія тайнъ* въ моментъ смерти?

Вѣдь это все иллюзіи, могутъ сказать мнѣ, иллюзіи, которыми утѣшаютъ себя люди, чтобы хоть какъ нибудь сдѣлать терпимымъ этотъ необъятный ужасъ исчезновенія, который ждетъ ихъ въ концѣ пути.

Для объективнаго взгляда *оба утонули* совершенно одинаково.

И при этомъ еще человѣкъ позитивныхъ воззрѣній можетъ сказать, что разница между Иваномъ Ивановичемъ и Сократомъ заключалась въ томъ, что Иванъ Ивановичъ *сознавалъ*, что тонетъ, видѣлъ все, какъ оно есть, безъ прикрасъ, а Сократъ *не сознавалъ*, потому что окружилъ себя разными иллюзіями и *внушилъ* себѣ безразличіе и спокойствіе.

Такимъ образомъ окажется, что Сократъ *обманывалъ* себя, а Иванъ Ивановичъ видѣлъ неприкрашенную истину. Именно такъ сказали бы герои послѣдней черты.

Возразить на это не трудно, но понять возраженіе не легко. Въ этомъ и заключается главная трудность возраженія.

Люди разныхъ путей мысли говорятъ на разныхъ языкахъ. И есть языки болѣе примитивные и болѣе сложные. Человѣку, умѣющему говорить только на примитивномъ языкѣ, не понять болѣе сложнаго. Слова тѣ же, а смыслъ другой. Если человѣкъ будетъ принимать каждое слово только въ томъ значеніи, какое *онъ* привыкъ ему придавать, если онъ будетъ возражать на всякое новое положеніе, спорить со всякой неожиданной для него мыслью, онъ никогда не доберется до смысла того, что ему говорятъ.

Это не значитъ, что онъ долженъ пріучиться обманывать себя. Ничего подобнаго. Наоборотъ онъ долженъ освободиться отъ очень многихъ обмановъ обычнаго мышленія. Онъ просто долженъ пріучить себя *понимать* извѣстныя вещи. Мы обыкновенно думаемъ, что мы можемъ всё понимать сразу или во всякомъ случаѣ, *если намъ объяснить*, но это большая ошибка. Есть множество вещей, которыхъ мы *не можемъ* понять, и должны долгой работой приспособить себя къ пониманію ихъ.

Человѣкъ примитивнаго мышленія долженъ прежде понять примитивность своего мышленія, и возможность другого, тогда съ

нимъ можно говорить. Пока онъ считаетъ свое мышленіе един. ственно возможнымъ, ему ничего возразить нельзя.

Обычное *позитивное* пониманіе міра и позитивное мышленіе, это—чистая условность, имѣющая дѣло не съ реальнымъ міромъ, а съ выдуманныхъ фантастическимъ *логическимъ* міромъ.

Фантастичность логическаго міра и всей логики Аристотеля и Бэкона, которой мы слѣдуемъ въ обычномъ мышленіи, это новая вещь для человѣка позитивнаго мышленія. Но онъ *непремѣнно* долженъ ее усвоить, если онъ хочетъ итти дальше.

И можно сказать даже больше, можно сказать, что все позитивное знаніе есть очень далекая отъ дѣйствительности схоластика, только условно и случайно совпадающая съ реальнымъ міромъ, дающая возможность намъ пробираться въ немъ только ощупью въ потьмахъ. Сравнительно съ настоящимъ знаніемъ, какое *могло бы быть*, это—знаніе слѣпыхъ, изучившихъ міръ, *наощупъ*. Ощупью находящихъ путь и дѣлающихъ много разныхъ хитрыхъ вещей, но *никогда* не могущихъ видѣть маленькой ямы на своемъ собственномъ пути.

Мы знаемъ условность *логики*. Прекрасно знаемъ, что мы никогда не мыслимъ силлогизмами, что силлогизмъ, это только общая форма умозаключенія. Никому не придетъ въ голову искать въ реальномъ мірѣ отношеній, соотвѣтствующихъ правильнымъ силлогизмамъ. Но въ другихъ случаяхъ, здѣсь же, сейчасъ же мы забываемъ эту условность всего логическаго.

Мы не можемъ мыслить иначе, какъ понятіями, *словами*. И мы постоянно забываемъ, что *слова* это только условныя отвлеченія, очень плохо и очень рѣдко совпадающія съ дѣйствительностью.

У нашего слабаго и ограниченнаго ума нѣтъ другого орудія для мышленія о мірѣ, кромѣ *понятія*, и мы хотимъ представить себѣ міръ, состоящимъ изъ какихъ-то величинъ, соотвѣтствующихъ понятіямъ. Мы привыкли *мыслить* противоположеніями. Для всякой *тезы* у насъ есть антитеза. Для всякаго положенія—противоположеніе. Мы говоримъ жизнь и смерть; истина и ложь; любовь и ненависть; добро и зло; тепло и холодъ; свобода и предопредѣленіе и пр., и пр. Для нашего *логическаго мышленія* противоположенія необходимы. Это и есть, первая и, можетъ быть, самая главная ошибка „трехмѣрнаго разума“, „эвклидова ума“.

Въ дѣйствительности міръ состоитъ не изъ двойственностей а изъ единствъ. Но нашъ умъ въ видѣ *единствъ* познавать вещей не можетъ. И одно изъ первыхъ условій дѣятельности ума заключается въ раздѣленіи міра на безконечное количество „паръ противоположностей“.

Авторъ «Свѣта на пути“ Мабель Коллинзъ въ новой книгѣ „Когда солнце движется къ сѣверу“, говоритъ, что этотъ дуализмъ и есть «*распятіе духа во времени и пространствѣ*“.

Желаніе рожденія въ матеріи приводитъ человѣческій духъ въ состояніе страданія подъ закономъ паръ противоположностей; жаръ и холодъ, наслажденіе и страданіе, любовь и ненависть, мужское и женское начало—эти противорѣчащія одно другому состоянія непрерывно осаждаютъ духъ.

И человѣкъ, находясь во власти своего интеллекта, дѣйствующаго понятіями и своего языка состоящаго изъ словъ, соотвѣтствующихъ понятіямъ, не можетъ выйти изъ условнаго и нереальнаго *двойственнаго* міра.

Но это свойство исключительно европейской мысли и европейскаго языка. Древній Востокъ умѣлъ думать иначе и создавалъ языкъ, приспособленный для передачи расширенныхъ понятій, включавшихъ въ себя *и тезу, и антитезу*.

Поэтому такъ трудно переводимы на наши европейскіе языки различныя слова и выраженія мудрости Востока. Напримѣръ, слово *Карма*. Оно непонятно и непереводимо, потому что включаетъ въ себя два нашихъ *противоположныхъ* понятія, для европейскаго языка совершенно несоединимыхъ, именно: *свободу воли и предопредѣленіе*. Законъ кармы разсматриваетъ жизнь, какъ взаимодѣйствіе предопредѣленія и свободы воли, въ каждый данный моментъ вліяющихъ вмѣстѣ. Для европейскаго ума это непонятно. Одно какъ будто должно исключать другое. Для древне-индійской философіи одно дополняло другое, одно не могло существовать безъ другого.—Гдѣ свобода, тамъ отсутствіе свободы; гдѣ жизнь, тамъ смерть; гдѣ бытіе, тамъ небытіе. И другое непереводимое слово *Сатъ* означало бытіе, соединенное съ небытіемъ.

Во многихъ случахъ и мы знаемъ это. Напримѣръ, тепло и холодъ, какъ *ощущенія*, это — разныя явленія; какъ *физическія явленія*, —разныя степени одного и того же—*температуры*. Въ данномъ случаѣ найдено слово, совмѣщающее въ себѣ тезу и антитезу,—*температура*.

Жизнь и *смерть* тоже не противоположны одна другой, а вмѣстѣ составляютъ нѣчто цѣлое, чего мы не можемъ понять и не можемъ *назвать*, у насъ въ этомъ случаѣ нѣтъ объединяющей идеи, *объединяющаго слова*. Нашимъ слабымъ умомъ мы не можемъ представить себѣ жизнь и смерть въ видѣ *единства*. Ихъ *дуализмъ* кажется намъ реальнымъ. На самомъ дѣлѣ противоположность жизни и смерти настолько же нереальна, какъ нереальна противоположность тепла и холода.

Человѣческая мысль не всегда была такъ безпомощна передъ

призракомъ смерти, какъ въ наше время. Въ древности люди умѣли какъ-то лучше подходить къ этой вѣчной загадкѣ, умѣли находить, если не разрѣшеніе ея, то пути къ разрѣшенію.

Въ древнихъ писаніяхъ, въ произведеніяхъ народнаго творчества, часто встрѣчается удивительно глубокій и просвѣтленный взглядъ на смерть. Особенно интересны въ этомъ отношеніи религіозно-философскія писанія древней Индіи.

Одна изъ „Упанишадъ“ спеціально посвящена проблемѣ смерти. Привожу эту „Упанишаду“ въ сокращенномъ видѣ.

Одинъ браминъ приносилъ въ жертву все, что у него было.

Его сынъ, зная, что его отецъ обѣщалъ принести въ жертву все, что имѣлъ,—сказалъ: „дорогой отецъ, а кому ты отдашь меня?“

И онъ сказалъ это второй и третій разъ. Тогда отецъ отвѣтилъ ему сердито: „я отдамъ тебя Смерти“.

Отецъ, разъ сказавъ это, долженъ былъ быть вѣренъ своему слову и принести сына въ жертву.

И онъ послалъ его въ жилище Смерти.

Когда его сынъ пришелъ туда, тамъ не было никого, чтобы встрѣтить его.

Смерть, вернувшись домой послѣ трехъ дней отсутствія, во время которыхъ молодой браминъ не встрѣтилъ никакого гостепріимства, сказала ему:

„О почтенный гость, ты жилъ въ моемъ домѣ три дня безъ ѣды, выбирай теперь, я исполню три твоихъ желанія.

Молодой браминъ сказалъ: „о Смерть, какъ первое желаніе я выбираю чтобы мой отецъ былъ умиротворенъ, добръ и свободенъ отъ гнѣва ко мнѣ, и чтобы онъ узналъ меня и радостно встрѣтилъ меня, когда я буду отпущенъ тобой“.

Смерть сказала: „твой отецъ узнаетъ тебя и будетъ къ тебѣ такой же, какъ прежде, и онъ будетъ свободенъ отъ гнѣва, увидѣвъ тебя освобожденнымъ отъ Смерти“.

Молодой браминъ сказалъ: “въ небесномъ мірѣ нѣтъ страха; тебя нѣтъ тамъ, о Смерть, и никто тамъ не боится старости. Оставивъ позади себя голодъ и жажду и внѣ досягаемости горя, всѣ радуются въ небесномъ мірѣ.

„Ты знаешь, о Смерть, огненную жертву, которая ведетъ насъ на небо, разскажи мнѣ о ней, потому что я полонъ вѣры. Живущіе въ небесномъ мірѣ достигаютъ безсмертія. Это мое второе желаніе“.

И Смерть сказала: „я скажу это тебѣ. Учись у меня, и ты поймешь огненную жертву, которая ведетъ на небо; знай, что это — достиженіе безконечныхъ міровъ и ихъ твердая опора, скрытая въ тьмѣ, *въ сердцѣ людей* [2]).

Вотъ твой огонь, ведущій на небо, который ты избралъ, какъ второе желаніе. Выбирай теперь третье желаніе“.

И сынъ брамина сказалъ: „есть сомнѣніе, когда человѣкъ умеръ.—Одни

---

[1]) *„Катха-Упанишада“* переведена полностью на русскій языкъ (съ англійскаго) В. Г. Тардовымъ.

[2]) Эти послѣднія слова показываютъ, что „огненную жертву“ можно понимать, какъ *экстазъ*.

говорятъ, онъ мертвъ, другіе говорятъ—нѣтъ. Что такое Смерть? я хотѣлъ бы узнать отъ тебя. Вотъ третье изъ моихъ желаній.

Смерть сказала: „относительно этого вопроса даже боги имѣли раньше сомнѣнія; не легко понять его. Идея очень тонка. Выбери другое желаніе, не настаивай на этомъ, уступи мнѣ это желаніе".

Молодой браминъ сказалъ: „даже боги сомнѣвались относительно этого вопроса, и ты, Смерть, говоришь, что нелегко понять его, а гдѣ найти другого учителя, подобнаго тебѣ?—Конечно, никакое другое желаніе не можетъ быть равно этому".

Смерть сказала: „выбирай сыновей и внуковъ, которые будутъ жить сотни лѣтъ, стада скота, слоновъ, лошадей и золото. Бери себѣ всю широкую землю и живи столько жатвъ, сколько хочешь".

„Если ты думаешь о какомъ-нибудь богатствѣ, равномъ этому, выбирай богатство и долгую жизнь. Будь царемъ всей земли. Я сдѣлаю, что ты будешь наслаждаться всѣми своими желаніями".

„Все, что трудно достижимо для смертныхъ, спрашивай, и все будетъ.— Прекрасныя дѣвушки съ колесницами и съ музыкальными инструментами,— какихъ никогда не могутъ имѣть люди, будутъ служить тебѣ, только не спрашивай меня о смерти".

Сынъ брамина сказалъ: „эти вещи длятся только до завтра, о Смерть, потому что онѣ изнашиваютъ силу чувствъ. Даже вся жизнь коротка. Оставь своихъ лошадей, танцы и пѣніе для себя".

„Развѣ у насъ останется богатство, когда мы увидимъ тебя? Только то желаніе, которое я избралъ, останется моимъ желаніемъ".

Тогда Смерть начала объяснять молодому брамину отношеніе реальнаго и нереальнаго и внутренній міръ человѣка, въ которомъ лежатъ возможности всѣхъ познаній.

Наконецъ она сказала:

„Кто воспринялъ то, что не имѣетъ звука, не имѣетъ ни прикосновенія, ни формы, ни вкуса, ни запаха, не подвергается порчѣ, то, что вѣчно, не имѣетъ ни начала, ни конца, неизмѣнно и идетъ дальше Великаго—тотъ свободенъ отъ объятій смерти".

. . . . . .

Есть высшее Нѣчто, что бодрствуетъ въ насъ, образуя одинъ за другимъ прекрасные образы, когда мы спимъ, это—свѣтлый, это—Брама, одинъ называемый Безсмертнымъ. Всѣ міры содержатся въ немъ, и ничто не идетъ дальше его.

Какъ огонь, хотя самъ по себѣ единый, становится разнымъ, смотря по тому, что сжигаетъ, такъ Я (Self) внутри всѣхъ вещей становится различнымъ, смотря по тому, во что оно входитъ.

Какъ солнце, глазъ всего міра, не грязнится нечистотой, которую видитъ человѣческій глазъ такъ Я внутри всѣхъ вещей никогда не страдаетъ отъ несчастій міра, такъ какъ оно внѣ ихъ.

Есть одинъ правитель, Я внутри всѣхъ вещей, который дѣлаетъ единую форму многообразной. Мудрому, который замѣчаетъ его въ своемъ Я, принадлежитъ вѣчное счастье, а никому другому.

Есть одинъ вѣчно мыслящій, который, хотя самъ одинъ, исполняетъ желанія многихъ. Мудрому, который замѣчаетъ его въ своемъ Я, принадлежитъ вѣчный миръ, а никому другому.

И мудрый получаетъ высшее неожиданное наслажденіе, говоря: Это есть то. Какъ могу я понять его? Имѣетъ оно свой свѣтъ или отражаетъ свѣтъ.

Ни Солнце не сіяетъ тамъ, ни луна, ни звѣзды, ни молнія, ни огонь. Гдѣ оно сіяетъ, все сіяетъ отъ него; его свѣтомъ все освѣщено.

. . . . . .

Есть древнее дерево, корни котораго растутъ вверхъ и, вѣтви котораго растутъ внизъ; оно называется Свѣтлымъ, оно называется Брамой, оно одно называется безсмертнымъ. Всѣ міры заключаются въ немъ, никто не идетъ дальше. Это есть то.

. . . . . .

Дальше чувствъ идетъ умъ, дальше ума—высшее Существо, дальше этого Существа—Великое Я, дальше Великаго—высшее Непроявленное.

Дальше Непроявленнаго есть Лицо, все проникающее и совершенно неощутимое. Всякое существо, которое знаетъ его, освобождается и получаетъ безсмертіе.

Форму его нельзя видѣть, никто не воспринимаетъ его глазомъ. Его воображаетъ сердце. мудрость и умъ. Кто знаетъ это, тотъ безсмертенъ.

Его нельзя достигнуть ни словами, ни умомъ, ни глазомъ. И его нельзя опредѣлить иначе, какъ сказавъ: оно есть.

И будучи опредѣленнымъ словами „оно есть“, оно открываетъ свою реальность.

. . . . . .

Когда всѣ желанія, которыя живутъ въ сердцѣ, останавливаются, тогда смертный становится безсмертнымъ и соединяется съ Брамой.

Когда всѣ связи сердца отдѣляются здѣсь на землѣ, тогда смертный становится безсмертнымъ—здѣсь кончается ученіе“.

Смыслъ этой Упанишады показываетъ что рѣшеніе проблемы смерти лежитъ *во внутреннемъ кругѣ*. Смерть говоритъ молодому брамину, что „умираніе“ существуетъ только въ *нереальномъ внѣшнемъ мірѣ* „звука, цвѣта, формы, вкуса и запаха“, въ мірѣ *конечнаго*—и есть само по себѣ нѣчто нереальное. Освободившись отъ власти *иллюзіи фактовъ*, человѣкъ соединяется съ „Брамой“, т. е. съ *единымъ*, *вѣчнымъ* и *неизмѣннымъ* и ощущаетъ свое безсмертіе. И путь къ этому соединенію съ брамой есть *огненная жертва*, ведущая „на небо“. А огненная жертва есть „достиженіе безконечныхъ міровъ и ихъ твердая опора, *скрытая въ сердцѣ людей*“. Съ этой точки зрѣнія смерть—одна изъ иллюзій иллюзорнаго міра. Ее нельзя побѣдить *отдѣльно*. Но, начиная бороться съ другими иллюзіями, человѣкъ побѣждаетъ и смерть.

Ученіе *буддизма* еще опредѣленнѣе. Въ буддійскомъ катехизисѣ Олькотта о безсмертіи говорится слѣдующимъ образомъ:

Вопр. 229.—Учитъ ли буддизмъ безсмертію души?

Отв.—Буддизмъ разсматриваетъ „душу“, какъ слово, употребляемое незнающими людьми для выраженія ложной идеи. Если все подлежитъ измѣненію, то и человѣкъ включенъ сюда...

Вопр. 230.—Что именно въ словѣ „душа“ вызываетъ противъ себя такія возраженія.

Отв.—Соединенная съ нимъ идея, что человѣкъ можетъ быть существомъ отдѣльнымъ отъ всѣхъ другихъ существъ и отъ жизни Вселенной, какъ цѣлаго. Эта идея отдѣльности совершенно неразумна и ее нельзя ни доказывать логически, ни поддерживать научно.

Вопр. 231.—Тогда значитъ нѣтъ отдѣльнаго Я, и мы не можемъ ни о чемъ говорить: „мое“?

Отв.—Совершенно вѣрно.

Вопр. 232.—Если идея отдѣльной человѣческой „души“ должна быть отклонена, то что же именно въ человѣкѣ даетъ ему такое впечатлѣніе, что какъ будто онъ имѣетъ постоянную личность?

Отв.—„Танха“, неудовлетворенное желаніе существованія... и т. д.

Все это вмѣстѣ взятое значитъ, что человѣкъ вѣритъ въ смерть до тѣхъ поръ, пока онъ вѣритъ въ свою отдѣльность. Теряя чувство отдѣльности, человѣкъ теряетъ вѣру въ смерть. Не уничтоживъ чувства отдѣльности, нельзя побѣдить идеи смерти. Ивану Ивановичу такъ трудно *кратко* возразить на его мысли о смерти, потому что онъ не сомнѣвается въ реальности Ивана Ивановича.

Объ иллюзіи отдѣльности говоритъ М. Коллинзъ въ той же книжкѣ (*„When The Sun moves Northward“*).

Золотыя ворота, это—двери, ведущія въ духовную жизнь.

Но желѣзный засовъ, которымъ заперты золотыя ворота очень тяжелъ и его трудно отодвинуть... Этотъ желѣзный засовъ, такой тяжелый, крѣпкій и не поддающійся усиліямъ, есть иллюзія. Это то искусственное и временное сознаніе, которое дѣлаетъ изъ людей отдѣльныхъ и изолированныхъ существъ.

Для человѣка, который разсматриваетъ вещи съ внѣшней точки зрѣнія это (земное) сознаніе представляется единственной великой реальностью, единственной абсолютной правдой, настолько глубоко состояніе иллюзіи, въ которомъ онъ живетъ.

Есть одна вещь, которую мы всегда упускаемъ изъ виду, подходя къ вопросамъ сознанія. Это—слабость и ограниченность нашего интеллекта. Мы знаемъ *вообще*, что нашъ умъ слабъ и ограниченъ, мы не знаемъ *какъ* и *въ чемъ*. Мы не знаемъ несовершенствъ нашего ума въ деталяхъ, не изучаемъ ихъ. Психологія изучаетъ дѣятельность ума, то, что умъ *можетъ сдѣлать*; она не изучаетъ того, чего умъ *не можетъ сдѣлать*.

Но если мы реализуемъ слабость и ограниченность нашего ума, его безсиліе передъ множествомъ совершенно реальныхъ фактовъ, мы поймемъ, что нашимъ умомъ мы схватываемъ только ничтожное отраженіе реальнаго.

Обыкновенно мы не сознаемъ, что даже ту *условную дѣйстви-*

тельность, которую мы называемъ трехмѣрнымъ міромъ, мы воспринимаемъ въ искаженномъ видѣ, и представляемъ себѣ еще болѣе неправильно, чѣмъ воспринимаемъ. Мы такъ привыкли ко многимъ нелѣпостямъ нашей психики, что даже не замѣчаемъ ихъ. Наше вниманіе не останавливаетъ на себѣ напр. такой фактъ, что мы *мысленно знаемъ* одинъ міръ, *представляемъ* себѣ совершенно другой, и *говоримъ* о третьемъ, что мы не можемъ представить себѣ міра, который мы мыслимъ, и не можемъ *увидѣть* то, о чемъ *говоримъ*.

Я уже не буду указывать на безконечность и на вѣчность, которыя для насъ только слова, но любой *предметъ* представляетъ для нашего ума непреодолимыя трудности. Если мы возьмемъ шаръ, простой обыкновенный шаръ, то мы никогда не будемъ въ состояніи представить себѣ его, *какъ онъ есть*, мы всегда будемъ представлять его въ перспективѣ, т. е. съ одной стороны и въ искаженномъ видѣ. Если мы возьмемъ кубъ, то мы *никогда* не будемъ въ состояніи представить себѣ всѣ его стороны *сразу*, такъ же, какъ никогда не можемъ *увидѣть* куба.

Это всѣ знаютъ, но всѣ считаютъ естественнымъ и потому *должнымъ*. Между тѣмъ такая ограниченная способность представленія совсѣмъ не является *необходимой* принадлежностью психики, а характеризуетъ только ея слабость.

Если я попытаюсь представить себѣ кубъ, то я въ дѣйствительности представлю себѣ только одну его сторону, ребро, и еще двѣ стороны въ искаженномъ видѣ; ясно, что это не кубъ, но если я попытаюсь представить еще одну сторону, четвертую, то я потеряю первую. Вообще больше трехъ сторонъ куба сразу я представить себѣ не могу.

Что это значитъ?

Это значитъ, что наша способность представленія по отношенію къ кубу *умѣетъ считать только до трехъ*, дальше она сбивается.

И вообще наша способность *числового представленія* крайне ограничена. Пускай читатель попробуетъ, сколько одинаковыхъ предметовъ можетъ онъ представить себѣ мысленно. Я думаю, что на свѣтѣ нѣтъ человѣка, который могъ бы представить себѣ *дюжину стульевъ*. Онъ будетъ представлять ихъ себѣ по три или по четыре. Даже *пять* стульевъ уже трудно представить, не раздѣливъ ихъ мысленно *на два и на три*.

И *этимъ умомъ* мы хотимъ рѣшать проблемы безконечнаго, разбираться въ томъ, что какое жизнь и смерть, задавать себѣ вопросы относительно цѣлей мірозданія—и, не находя отвѣта, говорить, что эти вопросы *неразрѣшимы по существу*.

Мы должны понять, что это путь совершенно неправильный и что мы должны медленно и постепенно подходить къ проблемамъ вѣчнаго, всегда помня, что только упорнымъ трудомъ мы можемъ развить въ себѣ способность *нѣкотораго* пониманія ихъ.

Мы должны усвоить, что нужно очень много работы надъ собой, чтобы схватить даже одну какую нибудь идею, относящуюся къ безконечному; а совсѣмъ не надѣяться постигнуть *все сразу* и думать, что мы можемъ разсуждать и имѣемъ право что то утверждать или отрицать на основаніи свидѣтельства нашего слабаго и неподготовленнаго ума. Когда человѣкъ реализуетъ все это, онъ пойметъ, какія трудности заключаются въ проблемѣ смерти, пойметъ, почему такъ трудно что нибудь знать о ней, почему такъ трудно сказать что нибудь опредѣленное *на нашемъ языкѣ*, и почему такимъ шарлатанствомъ звучатъ всѣ *опредѣленныя* утвержденія людей, *знающихъ* что такое смерть въ томъ или въ другомъ смыслѣ.

Правильному отношенію къ вопросу о смерти кромѣ узкихъ рамокъ матеріализма очень мѣшаютъ сильно распространяющіяся послѣднее время „спиритическія“ теоріи. Мѣшаютъ главнымъ образомъ тѣмъ, что для многихъ онѣ закрываютъ возможность правильнаго подхода къ вопросу, увлекаютъ черезчуръ легкимъ рѣшеніемъ невѣроятно трудныхъ проблемъ; а съ другой стороны своей очевидной нелѣпостью укрѣпляютъ позиціи матеріализма.

Спиритизмъ слишкомъ легко опровергать. Онъ не выдерживаетъ никакой критики. А, опровергая спиритизмъ, многіе думаютъ, что они опровергаютъ всю метафизику. Этому способствуетъ еще то, что приверженцы спиритическихъ теорій часто прикрываютъ свои невѣжественныя и суевѣрныя мнѣнія философскими терминами и идеалистическими формулами, конечно, совершенно искажая ихъ смыслъ.

Главное заблужденіе спиритизма и всѣхъ близкихъ къ нему системъ, это—увѣренность, что къ вопросу о смерти можно подходить *просто*, съ нашимъ умомъ и съ нашими словами. Спириты думаютъ, что о смерти и о посмертномъ существованіи можно что то знать *такъ же*, какъ мы знаемъ о Камчаткѣ и жизни ея обитателей. Это ихъ любимое сравненіе, и оно ярче всего показываетъ, до какой степени они находятся на ложномъ пути.

Бѣда въ томъ, что сами спириты и ихъ противники—матеріалисты принимаютъ спиритизмъ *за единственный* способъ подхода къ непознаваемому. На дѣлѣ спиритизмъ, конечно, совершенно не исчерпываетъ формъ отношенія къ явленіямъ, непостижимымъ

физическими средствами. Наоборотъ, это — самая несовершенная форма изъ всѣхъ возможныхъ.

Спиритизмъ, это—міросозерцаніе дикаря.

Для дикаря всякое непонятное явленіе объясняется дѣйствіями *духовъ*.

Смерть представляла для дикарей большую загадку. Особенную путаницу вносили сюда сновидѣнія, въ которыхъ дикарь видѣлъ умершихъ. Просыпаясь, онъ не могъ понять, что это значитъ. *На яву* его другъ или врагъ умеръ, а *во снѣ* онъ живъ. И дикарю необходимо было создать какую нибудь теорію для объясненія этого видимаго противорѣчія. Дикарь рѣшалъ, конечно, что во снѣ онъ видѣлъ настоящаго *живого* умершаго, который, очевидно, *гдѣ-то* живетъ. гдѣ-то, куда можно отправляться во снѣ.

Вотъ начало теоріи „потусторонняго міра“ спиритовъ. Вѣра въ этотъ потусторонній міръ никогда не проходила у наивныхъ людей.

Современный спиритизмъ стремится дать теорію медіумическихъ явленій.

Но что такое сами медіумическія явленія?

Это явленія очень плохо доказуемыя, трудно поддающіяся провѣркѣ, съ научной точки зрѣнія совершенно неустановленныя, но которыя въ то же время нельзя и отрицать въ цѣломъ. Откинувъ всѣ случаи явнаго и предполагаемаго шарлатанства, можно признать, что существуютъ явленія, представляющія собой родъ безсознательной и полусознательной магіи, такихъ явленій, въ которыхъ наши *настроенія* какимъ то непонятнымъ для насъ образомъ соприкасаются *съ причинами* физико-химическихъ и электрическихъ явленій, создаютъ стуки, шумы и движенія предметовъ, при чемъ эти движенія и стуки возникаютъ какъ бы самостоятельно или подъ вліяніемъ психическаго напряженія, *настроенія*, присутствующихъ. Сюда же относятся случаи передачи мыслей и настроеній на разстоянія, чтеніе чужихъ мыслей и чувствъ, соприкосновеніе съ прошедшимъ и будущимъ и т. п. Все это очень плохо объяснимо, даже совсѣмъ не объяснимо для научнаго взгляда, и спириты, тоже по существу ничего не объясняя, *подставляютъ* подъ эти мало понятныя (и кромѣ того часто очень сомнительныя) явленія наивную и грубую, совершенно „трехмѣрную“ теорію *духовъ* и теорію „потусторонняго“ или „астральнаго“ міра, существующаго *въ формахъ и во времени*.

Но объясненіе непонятныхъ явленій при помощи участія духовъ, это—*самое легкое*, самое примитивное объясненіе, первое объясненіе, которое приходитъ въ голову человѣку на самой низкой ступени развитія. Если дикарю показать граммофонъ, онъ скажетъ,

что тамъ сидитъ духъ. Китайцы объясняютъ лунное затменіе тѣмъ, что на луну садится „драконъ“. Это и есть формы простѣйшаго спиритизма.

Спириты присвоили себѣ нѣкоторые научно-философскіе термины. Они говорятъ о „четвертомъ измѣреніи“, о „нуменальномъ“ и „феноменальномъ“ мірѣ. Но съ этими терминами они обращаются буквально, какъ обезьяна съ очками, совершенно не понимая, что значатъ условія четырехмѣрнаго существованія и различія нуменальнаго и феноменальнаго міра.

Спиритизмъ привлекателенъ для многихъ именно тѣмъ, что онъ не требуетъ усилій мысли, онъ обѣщаетъ дать все безъ труда, берется объяснить все непонятное на *привычной плоскости*, ничего не мѣняетъ въ мірѣ. И люди черезчуръ легко успокаиваются на спиритизмѣ. Имъ кажется, что они что-то нашли. Въ дѣйствительности, конечно, это иллюзія, они только *иначе назвали* свои недоумѣнія, и эти новыя названія (потусторонній міръ, астральныя тѣла и пр.) они приняли за объясненія.

Спиритизмъ не исполняетъ ни одного изъ своихъ обѣщаній, все остается такъ же непонятно, какъ прежде, но мысль останавливается. Въ этомъ вредъ и опасность спиритизма.

Кромѣ того, ясно видя наивность и слабость спиритическихъ теорій, позитивная критика, часто не совсѣмъ добросовѣстная, вольно или невольно смѣшиваютъ со спиритизмомъ всѣ враждебныя себѣ теоріи.

Въ дѣйствительности, конечно, возможны и существуютъ *совсѣмъ не спиритическія* теоріи души и духа, въ то же время не разсматривающія дѣятельность души, какъ функцію тѣла.

Нисколько не пытаясь предрѣшать вопросъ о томъ, сохранится или не сохранится сознаніе послѣ смерти, и какое оно будетъ, *индивидуальное* или часть какого либо общаго, мы съ тѣмъ запасомъ знаній, который у насъ есть, можемъ попытаться нарисовать себѣ, хотя и въ очень общихъ чертахъ, *какимъ это сознаніе можетъ быть*.

Прежде всего у насъ есть полная возможность установить, *какимъ оно не можетъ быть*.

Смерть *для сознанія* должна быть измѣненіемъ условій пространства и времени и сліяніемъ съ безконечностью.

Иначе говоря, сознаніе очутится *внѣ времени и пространства*. Это значитъ, что все то, что мы раздѣляемъ по времени и пространству, будетъ для сознанія, отдѣлившагося отъ тѣла, слито въ общія массы, и что сознаніе будетъ находиться въ постоянномъ и непрерывномъ ощущеніи и созерцаніи безконечности.

Ничего не будетъ удивительнаго, если сознаніе потеряетъ само себя при этомъ измѣненіи, особенно если оно не привыкло, не пріучило себя *къ возможности* такого ощущенія міра. Обыкновенно оно сознаетъ себя, какъ *кругъ*, можетъ быть съ неопредѣленной окружностью, но во всякомъ случаѣ съ вполнѣ опредѣленнымъ центромъ. И вдругъ оно почувствуетъ себя „кругомъ съ центромъ вездѣ и съ окружностью нигдѣ“ *).

Очень часто вопросъ ставятъ въ такой формѣ:—если сознаніе послѣ смерти сохраняется, почему души умершихъ не ищутъ и не находятъ путей къ общенію съ живыми? почему они не разскажутъ имъ тайны смерти? почему оставляютъ ихъ въ тьмѣ и незнаніи? (А „спириты“ даже утверждаютъ, что души умершихъ разсказываютъ имъ о загробномъ существованіи. Но къ сожалѣнію эти загробныя свѣдѣнія ничемъ не отличаются отъ того, что можетъ придумать всякій вполнѣ живой человѣкъ съ достаточно слабымъ интеллектомъ).

Но спрашивающіе такъ забываютъ или не знаютъ, что *сознанія безъ психики*, какъ мы можемъ опредѣлить сознанія умершихъ, если даже они существуютъ отдѣльно одно отъ другого и отъ *Цѣлаго*, вѣроятно, не могутъ выдѣлить отдѣльныя человѣческія жизни отдѣльныхъ людей и отдѣльные моменты человѣческой жизни изъ общей массы и общей жизни *человѣчества*.—Для нихъ, для этихъ „мертвыхъ душъ“, долженъ исчезнуть или потерять формы *весь чашъ міръ* и особенно: наши *дѣленія* міра. Можетъ быть, сознаніе всего человѣчества приметъ для нихъ объективную форму и будетъ казаться однимъ *свѣтлымъ пятномъ*, однимъ переливающимся огнемъ, въ которомъ совершенно потонутъ искры отдѣльныхъ сознаній, отдѣльныя человѣческія души.

Сказать, что сознаніе умирающаго исчезаетъ, мы точно такъ же не имѣемъ права, какъ не имѣемъ права сказать, что оно сохраняется. *Мы о немъ больше ничего не знаемъ*. Несомнѣнно одно, что, сохраняясь, или исчезая, оно выходитъ изъ поля нашего зрѣнія.

Вопросъ долженъ стоять такъ:—ограниченъ ли міръ полемъ нашего зрѣнія?

Что такое въ данномъ случаѣ *поле зрѣнія*?

Это условія существованія *аналогичныя съ нашими*. У насъ есть *возможность общенія* исключительно съ сознаніями, находящимися въ аналогичныхъ съ нами условіяхъ.

Если у насъ исчезаетъ возможность общенія съ даннымъ

*) Элифасъ Леви.

сознаніемъ, то это можетъ значить только одно—именно, что это сознаніе перешло въ условія *не аналогичныя* нашимъ.

Если мы признаемъ, что другихъ условій существованія, кромѣ нашихъ, быть не можетъ, мы должны будемъ сказать, что данное сознаніе *исчезло*. Если мы признаемъ, что другія условія *могутъ быть*, мы должны будемъ признать, что данное сознаніе можетъ существовать, но *иначе, чѣмъ наше*.

Мы не можемъ представить себѣ такого состоянія сознанія, и поэтому отрицаемъ его совсѣмъ.

Но въ дѣйствительности у насъ нѣтъ никакихъ основаній считать единственно возможнымъ только свое сознаніе и отрицать *возможность* всякаго другого.

Мы должны понять наконецъ, что наша психика представляетъ собой только *частный случай* сознанія—и что возможно безконечное количество другихъ, воспринимающихъ міръ *каждое по своему*, настолько отлично отъ насъ, что у насъ съ ними не будетъ никакихъ точекъ соприкосновенія *въ пониманіи*—и восприниматься нами и ими будутъ *какъ будто совершенно различные міры*.

Давно извѣстно, что міръ—наше представленіе о немъ.

Такъ вотъ *представленія* о мірѣ могутъ быть разныя, настолько разныя, что если ихъ сравнить, то сами представляющіе и воспринимающіе *не повѣрятъ, что это одинъ и тотъ же міръ*. Только установивъ путемъ отвлеченнаго разсужденія, что міръ одинъ, и что никакого *другого міра* быть не можетъ, мы можемъ начать сравнивать *представленія о мірѣ* и изъ ихъ разницы можемъ вывести заключеніе о разницѣ воспринимательныхъ аппаратовъ или *психикъ*.

Психика не есть что либо абсолютное. Абсолютно и неопредѣлимо сознаніе. Но психика несомнѣнно можетъ мѣняться.

Мы знаемъ въ жизни, какъ трудно понимать другъ друга людямъ, смотрящимъ на міръ съ разныхъ точекъ зрѣнія, подъ разными углами, или людямъ, находящимся во власти разныхъ эмоцій. Знаемъ мы давно извѣстный логическій примѣръ, что мы совершенно не могли бы понимать другъ друга съ человѣкомъ *болѣе быстраго* или *болѣе медленнаго* темпа воспріятій. Для сознанія болѣе быстраго темпа солнце пробѣгало бы по небу, день смѣнялся ночью съ головокружительной быстротой, человѣческія жизни мелькали бы передъ нимъ, какъ тѣни, наша жизнь казалась бы ему пестрымъ калейдоскопомъ, войти въ темпъ и въ систему котораго онъ былъ бы не въ состояніи. Сознаніе болѣе медленнаго темпа никогда не могло бы вылѣзти изъ одного дня. Если бы мы задавали ему вопросъ, то проходили бы *часы*, пока оно насъ услышало бы, собралось отвѣтить и отвѣтило бы. Оно видѣло бы то, что для

насъ давно прошло, вдругъ начало бы смѣяться вчерашней шуткѣ, только теперь дошедшей до него, разговаривало бы съ давно ушедшими людьми и т. п.

Все это мы знаемъ, но не хотимъ реализовать, что возможность нашего общенія другъ съ другомъ создана одинаковымъ темпомъ воспріятій, извѣстной *синхроничностью* психическихъ аппаратовъ. Измѣнить только темпъ воспріятій, и—сознанія, *не исчезая*, должны потерять другъ друга.

Сознаніе безъ психики или безъ *нашей* психики, внѣ условій времени и пространства, внѣ отдѣльности и внѣ дуализма, т. е. сознаніе, у котораго измѣненъ не только темпъ, но всѣ формы воспріятій, должно воспринимать міръ настолько отлично отъ насъ, что, весьма вѣроятно, у насъ не будетъ съ нимъ никакихъ точекъ соприкосновенія, если только оно, какъ болѣе богатое возможностями, не сумѣетъ найти этихъ точекъ. Но для того, чтобы оно *сумѣло*, нужно, чтобы оно *захотѣло*, а для этого нужно, во-первыхъ, чтобы оно имѣло желанія, а во-вторыхъ, чтобы оно *знало* о нашемъ существованіи, о нашихъ маленькихъ *отдѣльныхъ* сознаніяхъ, и чтобы оно могло искусственно спуститься на уровень нашего пониманія, на уровень *нашихъ иллюзій* и могло *выдѣлить* насъ, изъ *различныхъ* цѣлыхъ, въ которыя мы входимъ. А для этого оно должно быть *безконечно выше насъ*. Если оно равно намъ, но только въ другихъ условіяхъ, то оно никогда не приблизится къ намъ, такъ же какъ мы къ нему. Мы для него не будемъ существовать, такъ же какъ оно для насъ. И если оно начнетъ насъ представлять себѣ, то будетъ представлять *аналогичными себѣ*, такъ же какъ мы, если представляемъ возможность сохраненія сознанія послѣ смерти, то представляемъ его себѣ такимъ же, какъ до смерти, *аналогичнымъ нашему*. И если сознаніе слитое съ безконечностью начнетъ искать насъ, то будетъ искать *по своему*, такъ же какъ мы ищемъ его по своему—и поэтому ни мы его, ни оно насъ, никогда не найдемъ.

Выходя изъ условій *отдѣльности*, сознаніе *можетъ* потеряться само въ себѣ, но можетъ и не потеряться. Это должно зависѣть *только* отъ его способности оріентироваться въ себѣ самомъ.

Какъ выразить на нашемъ дуалистическомъ *позитивномъ* языкѣ, что значитъ измѣненіе условій времени и сліяніе съ безконечностью? У насъ нѣтъ соотвѣтствующихъ словъ, нѣтъ подходящихъ понятій. *Мы не можемъ представить себѣ* сознанія внѣ психики и бытія внѣ времени, и *поэтому* говоримъ, что сознанія внѣ психики и бытія внѣ времени быть не можетъ.

Но гдѣ гарантія, гдѣ ручательство, что не можетъ быть?

Этого у насъ тоже нѣтъ.

Сознаніе внѣ времени, это—нѣчто, непостижимое для нашего ума, потому что человѣческій умъ не можетъ представить себѣ *себя* внѣ времени. Это означало бы, *одновременность* событій, происходящихъ вчера и сегодня, *и завтра*, возможность видѣть одновременно прошедшее, настоящее и будущее, одновременно уходить вглубь вѣковъ, жить въ настоящемъ и переноситься въ далекое будущее. Намъ кажется, что человѣческій умъ долженъ потеряться въ томъ разнообразіи фактовъ, среди котораго онъ очутится, долженъ потерять всякую способность разбираться въ нихъ. Но это, конечно, иллюзія. Сознаніе *непремѣнно* найдетъ способъ классифицировать факты. Только мы не знаемъ, *какъ* оно будетъ ихъ классифицировать. И несомнѣнно знаемъ, что оно будетъ классифицировать ихъ *какъ нибудь иначе, чѣмъ мы*—по другому, не по нашему.

Мы боимся безконечности! Всѣми силами стараемся забыть про нее. Мы засунули голову подъ крыло, и намъ кажется, что какъ только мы вытащимъ ее, на насъ бросится огромная, ужасная безконечность и поглотитъ насъ въ себѣ безъ слѣда и остатка.

Вотъ въ сущности положеніе Ивана Ивановича.

Всю жизнь онъ не думалъ о безконечномъ, старался забыть о существованіи безконечнаго, всю жизнь собиралъ *факты*—поѣздка въ Лондонъ, встрѣча съ Карломъ Марксомъ; занимался *исторіей*, т. е. жилъ въ фактахъ прошлаго, старался набрать ихъ въ своей памяти, какъ можно больше, осмыслить ихъ, разобраться въ нихъ.

И вдругъ всѣ *факты* ушли, а передъ нимъ со своей безпощадной правдой стала *безконечность*. И онъ забился въ ужасѣ, не видя и не чувствуя въ ней ничего, кромѣ черной бездны.

Но та же безконечность, которая для Ивана Ивановича является черной бездной, для другихъ, болѣе сильныхъ и болѣе свѣтлыхъ умовъ, является безконечнымъ свѣтомъ. Именно *безконечности* посвященъ трактатъ Плотина. „О *постигаемой* красотѣ". Плотинъ не только чувствовалъ красоту безконечности, но находилъ возможность *постигать* ее. Иванъ Ивановичъ только боялся... И мы всѣ въ большинствѣ случаевъ тоже только боимся.

А между тѣмъ безконечность существуетъ! И это не гипотеза, не предположеніе, а фактъ, реальный фактъ, гораздо болѣе реальный, чѣмъ всѣ факты жизни. И если въ моментъ смерти сознаніе человѣка погружается въ *этотъ* реальный фактъ, то для него должно дѣлаться нереальнымъ все остальное.

Когда человѣкъ умираетъ, намъ кажется, что *онъ* умираетъ, его тѣло умираетъ, его сознаніе умираетъ. Это такъ съ нашей сто-

роны, *для насъ*. А, можетъ быть, съ его стороны, *для него*, мы умираемъ; весь нашъ міръ умираетъ, и родится новый. Можетъ быть, въ моментъ смерти сознаніе изъ иллюзорнаго міра переходитъ въ реальный и *забываетъ* о мірѣ иллюзорнаго такъ же, какъ мы, проснувшись, забываемъ *сны*.

Если съ чѣмъ нибудь можно сравнить смерть, смотря не на ея объективную сторону, а на внутреннюю сущность, которая въ ней *должна* скрываться, то только съ *пробужденіемъ* въ новыхъ условіяхъ, *съ новымъ рожденіемъ*. Не съ концомъ, а съ началомъ.

Если Я или сознаніе не исчезнетъ въ моментъ смерти, то оно должно очутиться въ совершенно новыхъ и непонятныхъ для него условіяхъ, приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ сознаніе только что родившагося ребенка.

И это вполнѣ очевидно.—Существованіе *отдѣльнаго отъ другихъ* сознанія, въ условіяхъ *времени и пространства*, познающаго міръ *дуалистически* и *множественно*, конечно, невозможно внѣ физическаго тѣла, которое только при помощи своихъ органовъ чувствъ, своего воспринимательнаго аппарата и своей психики создаетъ и свою *отдѣленность*, и *дуалистичность* или *множественность* міра и всѣ *условія времени и пространства*.

Условія *четырехмѣрнаго существованія*, это именно *отсутствіе отдѣленности*, невѣроятная, непостижимая для насъ *общность существованія*.

Доктору Арнольди кажутся аляповатой смѣшной картиной, самоучкой намалеванной на занавѣсѣ, за которымъ скрывается черная пустота, *Богъ, загробная жизнь, міровая душа*, потому что онъ даже не дѣлаетъ попытки подойти къ этимъ идеямъ *такъ, какъ онѣ этого требуютъ*. Самъ не сознавая этого, онъ требуетъ, чтобы идеи безконечнаго стали понятны на земной плоскости. Ему нужно *пощупать* Бога и *посмотрѣть* на міровую душу. Всѣ его мысли на эту тему это буквально мысли воробьевъ, прилетѣвшихъ клевать виноградъ, *написанный художникомъ*.—Обманъ! кричатъ воробьи, виноградъ нельзя ѣсть!—Имъ никогда не придетъ идея, что обманувшій ихъ виноградъ есть извѣстное *отображеніе реальнаго*, что безъ *настоящаго* винограда не могло бы быть и *этого*, и что разъ есть этотъ, то *гдѣ нибудь* есть и настоящій.

О смерти необходимо *очень много думать*, тогда среди большого количества размышленій начнутъ являться проблески, вспыхивать искорки пониманія. И отъ этого вопроса ни въ какомъ случаѣ нельзя бѣжать и нельзя отдѣлываться отъ него какими бы то ни было отрицаніями, въ глубинѣ которыхъ всегда лежитъ боязнь этого вопроса. *Смерть*, это — одинъ изъ самыхъ важныхъ *вѣчныхъ*

вопросовъ, отъ которыхъ человѣкъ никогда и никуда не можетъ уйти. Если человѣкъ выяснитъ себѣ *положительнымъ образомъ*, свое отношеніе къ вопросу о смерти — это самое измѣнитъ его отношеніе къ жизни. Только очень мелкой, ничтожной и трусливой можетъ быть жизнь человѣка, который боится смерти.

Слѣдующимъ важнымъ фактомъ, который необходимо понять, является *страданіе*. Только понявъ страданіе, можно съ нимъ примириться, только понявъ страданіе, можно жить.

Герои „Послѣдней черты“ приходятъ къ отрицанію жизни, потому что они отрицаютъ страданіе. Они не понимаютъ, что страданіе это самое могучее орудіе *познанія*, какое у насъ есть, что *ничѣмъ* мы такъ не познаемъ жизнь, какъ страданіемъ. Они не понимаютъ того, что страданіе всегда приходитъ къ человѣку *для того, чтобы онъ что-нибудь понялъ*. Они не сознаютъ, что всякое страданіе есть въ сущности *только непониманіе*. И они не сознаютъ, что страданіе и наслажденіе неразрывно связаны, что одно не можетъ существовать безъ другого, что наслажденіе пріобрѣтаетъ свою цѣнность только отъ страданія.

Эту идею по другому поводу очень хорошо выразилъ Джонъ Рескинъ. Онъ писалъ, что деньги въ моемъ карманѣ имѣютъ цѣнность только потому, что ихъ нѣтъ въ карманѣ моего сосѣда, и у меня онѣ бываютъ *не всегда*. Если бы у всѣхъ всегда было столько денегъ, сколько они хотятъ, то деньги не имѣли бы никакой цѣны. Точно такъ же наслажденіе. Если бы мы всегда могли имѣть столько наслажденія, сколько хотимъ, и никогда не имѣли бы страданія,—наслажденіе не имѣло бы для насъ никакой цѣны.

Герои г. Арцыбашева не понимаютъ, что наслажденіе познается страданіемъ, такъ же какъ жизнь познается смертью. И они мучительно боятся страданія, бѣгутъ отъ него и этимъ лишаютъ себя всякой возможности наслажденія.

Вотъ художникъ Михайловъ, покоритель сердецъ. Онъ весь одно сплошное банкротство, одинъ сплошной крахъ.

Искусство и женщина—это кругъ жизни Михайлова. Но и то, и другое самымъ трагическимъ образомъ обманываетъ его, потому что онъ *не понимаетъ* ни любви, ни искусства, и именно здѣсь въ томъ, что составляетъ всю его жизнь, онъ нищенски бѣденъ. И на его примѣрѣ яснѣе всего видно, какъ непониманіе, *неумѣніе правильно мыслить* не даетъ возможности жить.

Михайловъ, — это человѣкъ, которому дано все, чего онъ ищетъ въ жизни. Не дано ему только пониманіе того, что воспринять все это онъ можетъ исключительно черезъ страданіе.

Но пониманіе и не можетъ быть *дано*, его человѣкъ долженъ выработать самъ и опять путемъ страданія.

Но Михайловъ рѣшительно не хочетъ никакого страданія.

Онъ отбираетъ себѣ изъ любви одно наслажденіе, предоставляя все страданіе женщинамъ, которыя его любятъ. Онъ хочетъ быть коллекціонеромъ красивыхъ эмоцій, собирателемъ рѣдкихъ жемчужинъ — только гурманомъ и эстетомъ въ любви. Но жизнь переворачиваетъ все. Богатства, накопленныя скупымъ, вдругъ исчезаютъ, неизвѣстно куда, золото, за которое онъ продалъ душу, какъ всегда бываетъ въ умныхъ старыхъ сказкахъ, превращается въ золу.

Михайловъ стремится сыграть какую-то красивую демоническую роль, драпируется въ плащъ Донъ-Жуана.

— Мнѣ нужны всѣ *женщины, а не одна*, говоритъ онъ доктору Арнольди.

И онъ хочетъ показать, что онъ *можетъ* это вмѣстить.

— Я никогда не забываю женщинъ... говоритъ онъ, и всегда сохраняю къ нимъ нѣжное чувство.

И докторъ Арнольди слушетъ Михайлова и ему кажется:

что какая-то смутная правда была въ словахъ Михайлова, и что съ нимъ спорить было нельзя.

Но къ самому Михайлову, когда онъ остается наединѣ съ самимъ собою, эта „правда“ поворачивается другой стороной.

Онъ вдругъ соображаетъ, что *даже не помнитъ* женщинъ, которыхъ любилъ, не помнитъ даже по именамъ... что-то расплывающееся, туманное—руки, ноги, корсеты...

Это ужасаетъ его. Онъ старается вспомнить, дѣлаетъ усилія, но ничего не получается,—онъ забылъ...

Тогда онъ старается увѣрить себя, что это такъ и должно быть, такъ и хорошо, но въ глубинѣ души онъ реализуетъ свое полное банкротство.

Мысли, пробѣгающія въ его умѣ, необыкновенно характерны.

— Но вѣдь это и есть жизнь—смѣна впечатлѣній и переживаній, непрерывная цѣпь наслажденій! *съ невольнымъ отчаяніемъ* подумалъ Михайловъ, *какъ бы споря съ кѣмъ-то въ глубинѣ своей души*. Но почему же тогда такая тоска?..

И онъ не понимаетъ того, что онъ сдѣлалъ съ собой. Онъ отказался отъ своей доли страданія и этимъ самымъ убилъ въ себѣ всякую возможность наслажденія. Онъ размѣнялъ на пятачки свою возможность чувствованія, а пятачки незамѣтно истратились.

А между тѣмъ онъ говоритъ о любви очень много красивыхъ вещей, и многія стороны любви онъ понимаетъ очень тонко. Онъ понимаетъ вѣчное *исканіе новаго* въ любви, вѣчное раскрытіе тайны

онъ самъ говоритъ, что главное наслажденіе любви не въ самомъ *актѣ*.

— Это только естественный конецъ, безъ котораго было бы чувство незаконченности, неудовлетворенности,—говоритъ онъ. — Это такъ, конечная степень близости и все... А главная прелесть не въ этомъ...

— А въ чемъ? — спрашиваетъ докторъ Арнольди.

— Ну, какъ я вамъ мертвому человѣку это объясню... Вотъ вы встрѣчаете молодую, красивую женщину... Сначала она для васъ такая холодная, совершенно чужая... Вы можете ею любоваться, но коснуться не смѣете. Все въ ней для васъ еще загадка: ея перчатки, ея голосъ, цвѣты на ея шляпѣ, шелестъ ея платья, глаза, въ которыхъ прячется теплая глубина, но которые смотрятъ на васъ, какъ сквозь ледяную стѣну. Ея красота не для васъ, вы для нея — ничто, а съ другимъ она не такая... теплая, полная ласки, страстная... И вотъ, повинуясь какой-то странной власти вашего желанія, это таинственное, гордое и холодное существо начинаетъ теплѣть... Съ каждымъ мигомъ она становится ближе, понятнѣе, милѣе. Въ неуловимо тонкой игрѣ, гдѣ вы нападаете, а она отчаянно защищается, то приближаясь, то удаляясь, она увлекаетъ васъ, наполняетъ всю вашу жизнь однимъ смысломъ, одной цѣлью. Съ каждымъ днемъ она раскрывается передъ вами, какъ цвѣтокъ, лепестокъ за лепесткомъ раскрывается навстрѣчу солнцу, во всей своей безстыдной прелести...

Вѣдь на этой игрѣ основана вѣчно прекрасная сказка о Галатеѣ!.. А какая глубина чувствъ и переживаній!.. Пусть это сумасшествіе, но сумасшествіе восторга... Какая красота каждая молодая красивая женщина! Когда она васъ любитъ, все окрашивается въ тона ея любви. Весь міръ кажется вамъ другимъ. Только тогда вы истинно живете, только тогда вы на самомъ дѣлѣ видите, какъ солнце свѣтитъ, какъ луна красива.

. . . . . .

— Больно за эти радости платить приходится, — говоритъ Михайлову докторъ Арнольди.

— Ну,—сказалъ Михайловъ,—въ жизни за все приходится платить, было бы за что!

Докторъ помолчалъ и опять вспомнилъ блѣдную Нелли.

— А вы знаете, кого я сегодня видѣлъ,—нерѣшительно проговорилъ онъ.

Эту вашу, какъ ее... Нелли...

...Дѣвушка-то вѣдь погибла...

Михайловъ отвѣтилъ не сразу, какъ будто борясь съ кѣмъ-то.

— А, докторъ, — почти со злостью сказалъ онъ, — ну и погибла!.. Что значитъ погибла?.. Мы были счастливы, ну и слава Богу!

— Да и кто въ этомъ виноватъ?.. Она знала, на что шла...

— Увлеклась, — замѣтилъ докторъ осторожно.

— И я увлекся! — бѣшено крикнулъ Михайловъ. — Это жертва не моя, а всего уклада жизни... Будь другая жизнь, ничего кромѣ радости въ этомъ не было бы... Пусть люди устроятъ иные порядки, если хотятъ быть счастливыми, а не требуютъ отъ меня снисхожденія! Я не понимаю и не хочу считаться съ этимъ.

Такимъ образомъ въ глазахъ Михайлова Нелли, а затѣмъ Лиза, это „люди“, которые должны устроить себѣ новый укладъ жизни. Онъ совсѣмъ не хочетъ даже думать, что онъ самъ тоже

до нѣкоторой степени „люди“ и самъ долженъ участвовать въ строеніи этого новаго уклада, долженъ именно потому, что онъ *понимаетъ* необходимость новаго уклада, а *пониманіе обязываетъ* больше всего другого.

„Сказка о Галатеѣ“, „исканіе новаго“, „раскрытіе тайны“—это все прекрасно, но это создаетъ тысячи запутанныхъ узловъ и цѣлыя моря самаго настоящаго и реальнаго страданія и несчастія.

Михайловъ не хочетъ знать этого. Не хочетъ понимать, что „проблемъ любви“ нельзя разрѣшать *вивисекціей*. А его „любовь“ и есть вивисекція. Въ его отношеніяхъ къ женщинамъ нѣтъ ничего кромѣ холоднаго любопытства экспериментирующаго наблюдателя, да страха за свою обособленность, за свою неприкосновенность, за свое право быть въ сторонѣ.

Онъ не хочетъ понять, что „любовь“ по самой своей сути, являясь столкновеніемъ интересовъ *трехъ сторонъ*, представляетъ неразрѣшимую загадку, а если въ нее ввести *исканіе новаго*, то получается одинъ хаосъ страданія, которое нужно принять, какъ неизбѣжное, а не бѣжать отъ него.

И получается немедленно, что тонкій и чуткій художникъ превращается въ немъ въ нежелающаго ничего видѣть и понимать *„буржуа“*, который очень хладнокровно говоритъ: „за все приходится платить, было бы за что“, — совершенно забывая при этомъ, что платить приходится *не ему*, что онъ *отказался платить*.

У Мопассана есть разсказъ, гдѣ богатый мельникъ соблазняетъ простую и глупенькую дѣвушку работницу, и, когда она, по наивности думая, что онъ обрадуется, приходитъ къ нему съ ребенкомъ, онъ хохочетъ надъ ней со своими рабочими и прогоняетъ ее.—*Ты же имѣла свое удовольствіе!* — кричитъ онъ ей и отпускаетъ на ея счетъ еще нѣсколько циничныхъ шуточекъ.

Этотъ мельникъ—второе лицо эстета Михайлова.

Какимъ образомъ Михайловъ умѣетъ превращаться въ грубаго мужика, это его секретъ. Но это именно и есть причина его дальнѣйшаго разрыва съ жизнью.

Человѣкъ не можетъ идти впередъ или вверхъ *одной* стороной своего существа. Онъ долженъ *весь* идти вверхъ и впередъ. Нельзя одной стороной души быть художникомъ, а другой мельникомъ.

Чтобы дѣйствительно быть художникомъ, нужно быть имъ всѣми сторонами души. Но Михайловъ не понимаетъ этого, не понимаетъ, что *жизнь*, это—самое трудное произведеніе искусства, и что задачи, которыя ставитъ жизнь, это—трудности, которыя стоятъ *передъ художникомъ*. Онъ не понимаетъ, что судьба Нелли, Лизы и другихъ женщинъ, которыя любили его, требуетъ отъ него *худо-*

жественнаго отношенія къ себѣ, а не отношенія мопассановскаго мельника, который говоритъ:—*ты же имѣла свое удовольствіе!*

Онъ не понимаетъ, что *любовь* это то же искусство, что въ любви, какъ въ искусствѣ, моменты экстаза покупаются долгими страданіями. Не понимаетъ необходимости осмыслить и понять эти страданія. Поэтому же его обманываетъ и искусство.

Вѣдь для того, чтобы быть художникомъ, говоритъ онъ, надо быть, сумасшедшимъ... потому что только сумасшедшій и можетъ жить въ такомъ вѣчномъ напряженіи, до капли высасывая свой мозгъ, ради какой-то странной, въ сущности мало понятной идеи. Охъ, это ужасная штука!. Когда вы работаете, вы горите на медленномъ огнѣ. Все, что вы сдѣлаете, кажется вамъ отвратительнымъ, вамъ стыдно своей работы и страшно, что кто-нибудь увидитъ ее, когда она такъ еще мала, ничтожна и слаба. Вы начинаете презирать себя: какъ это я могу быть такимъ ничтожнымъ, безцвѣтнымъ? Хочется плакать иногда. Почему другіе могутъ, а я не могу? И ужаснѣе всего то, что вы никогда и не повѣрите всѣмъ сердцемъ, въ серьезъ, что вы сдѣлали хорошую вещь. Какая-то странная раздвоенность получается: если васъ хвалятъ, вамъ кажется, что это изъ деликатности; когда бранятъ, вамъ кажется, что это ваши враги, что они просто васъ не понимаютъ или нарочно притворяются, чтобы уязвить лично васъ. И такъ всегда до самой могилы...

Отъ искусства такъ же, какъ отъ любви, Михайловъ хочетъ однѣхъ радостей. Его пугаетъ и отталкиваетъ то *недовольство, неудовлетвореніе*, которое всякій художникъ испытываетъ передъ своими произведеніями. Онъ не понимаетъ, что это недовольство, можетъ быть, *самое драгоцѣнное*, что есть у художника. Конечно, это—большое страданіе. Но этимъ страданіемъ художникъ соприкасается съ *великой сущностью жизни*, соприкасается съ непознаваемымъ и невыразимымъ.

Онъ ощущаетъ, что *не можетъ* выразить этой сущности. И это—тяжелое ощущеніе безсилія и слабости.

Но за то онъ ощущаетъ, что невыразимая сущность *есть*—т. е. существуетъ и внутренно понятно ему *нѣчто*, чего онъ не можетъ выразить. А это уже почти религіозное ощущеніе, если его понять правильно. И въ этомъ ощущеніи *невыразимаго*, въ его близости, въ тѣсной, непосредственной реализаціи его существованія и невыразимости заключается главное наслажденіе художника. Но это нужно понять и осмыслить, а для того чтобы понять и осмыслить нужно не бояться страданія *и умѣть мыслить*.

Надъ всѣмъ романомъ, какъ черная туча, виситъ идея самоубійства.

Наумовъ проповѣдуетъ самоуничтоженіе человѣческаго рода.

Краузе стрѣляется и, передъ тѣмъ какъ застрѣлиться, объ-

ясняетъ свою теорію о нелѣпости жизни и о томъ, что самое лучшее, что можно сдѣлать, это бѣжать изъ нея безъ оглядки.

Лиза, обманутая въ своей наивной и восторженной любви къ Михайлову, топится. Михайловъ, пораженный безсмысліемъ создавшихся вокругъ него трагедій, стрѣляется; симпатичный и несчастный Треневъ перерѣзаетъ себѣ горло бритвой въ припадкѣ бѣшенства во время сцены съ женой; канцелярист Рысковъ и студентъ Чижъ вѣшаются... Все и всѣ летятъ въ какую-то бездну.

И понятно, на неустойчивыхъ, колеблющихся, ссорящихся съ жизнью людей идеи и образы романа должны дѣйствовать, какъ пропасть, которая притягиваетъ къ себѣ. Людямъ, не умѣющимъ „правильно мыслить“, должно казаться, что *такъ и должно быть*.

Самоубійство стало заурядным фактомъ нашей жизни. Бываютъ дни, когда въ одномъ Петербургѣ по газетнымъ сообщеніямъ случается *болѣе тридцати* покушеній на самоубійство въ одинъ день, (напр. я отмѣтилъ нѣсколько такихъ дней на Пасхѣ 1912 г.), да еще сколько нужно считать случаевъ, не попадающихъ въ газеты. И такъ по всей Россіи. И въ большихъ городахъ и на маленькихъ станціяхъ люди стрѣляются, топятся, отравляются, бросаются подъ поѣзда. Нельзя закрывать на это глаза, нельзя отрицать того, что мы имѣемъ дѣло съ настоящей эпидеміей.

И вотъ, не смотря на все распространеніе самоубійства, не смотря на то, что трудно найти человѣка, котораго лично не задѣла бы эта эпидемія—*мы не знаемъ, что такое самоубійство.*

Писалось о самоубійствѣ послѣднее время безконечно много, читались лекціи, устраивались анкеты, высказывали свое мнѣніе о самоубійствѣ всѣ великіе люди нашего времени; но въ концѣ концовъ вопросъ остался такъ же теменъ, какъ прежде и, какъ подойти къ самоубійству, какъ бороться съ нимъ, мы не знаемъ.

Обыкновенно раздѣляютъ два рода самоубійствъ:

Самоубійства отъ какихъ нибудь *внѣшнихъ причинъ*, вслѣдствіе потерь, горя, нужды, лишеній;

и самоубійства отъ *внутреннихъ причинъ*, отъ разочарованія въ жизни, отъ нежеланія жить, отъ отсутствія вкуса къ жизни.

Растущую эпидемію самоубійствъ объясняютъ тоже двумя причинами.

Съ *одной стороны* причиной самоубійствъ считаютъ обостреніе борьбы за существованіе, безработицу, голодъ, тяжелыя политическія условія, гнетъ, несправедливость, безсильное возмущеніе въ душѣ людей, невозможность приложить свои силы, ненормальность общественныхъ условій, ненормальность семьи и школы, ненор-

мальность отношеній половъ, одиночество, холодъ жизни, нужду—словомъ, цѣлый рядъ внѣшнихъ причинъ, при чемъ эти причины ставятся въ зависимость отъ „общихъ условій“ переживаемаго момента.

Съ *другой стороны* причиной роста самоубійствъ считаютъ внутреннюю *неустойчивость*, которая создалась путемъ наслѣдственности, путемъ внутренняго незамѣтнаго вырожденія отъ усиленной борьбы за существованіе, отъ алкоголизма, отъ ненормальной жизни отцовъ и матерей и пр.—словомъ, опять отъ „общихъ условій“, только на этотъ разъ не настоящаго, а прошедшаго.

И первая причина, т. е. „общія условія“ настоящаго, и вторая — т. е. „общія условія“ прошедшаго, кажутся настолько большими, настолько независящими отъ усилій людей, что многіе, *вѣрующіе въ нихъ*, только пожимаютъ плечами, когда имъ говорятъ о необходимости бороться съ самоубійствами.

Нужно измѣнить условія, говорятъ они. Нужно уничтожить причины. Тогда подъ вліяніемъ новыхъ благопріятныхъ формъ жизни начнетъ вырабатываться новый болѣе устойчивый типъ человѣка.

Я не знаю ничего болѣе безнадежнаго и болѣе ошибочнаго, и ложнаго, чѣмъ такой взглядъ.

Если принять его, то окажется, что большая часть нашихъ самоубійцъ, это—люди, обреченные отъ рожденія.

Они уже родились готовыми самоубійцами. Въ *очень* благопріятныхъ условіяхъ они еще, можетъ быть, могли бы прожить, но среди нашей суровой жизни они не выдерживаютъ и гибнутъ.

Такъ думаютъ очень многіе, — и, что хуже всего, такъ думаютъ люди, приближающіеся къ самоубійству. Они сами себя считаютъ обреченными, съ тоской и ужасомъ ждутъ своего неизбѣжнаго конца.

Но это все ложь отъ начала до конца.

Тяжелыя экономическія, политическія и общественныя условія ни въ какомъ случаѣ не опредѣляютъ самоубійствъ, не создаютъ необходимости и неизбѣжности самоубійствъ. Человѣчество пережило *безконечно* болѣе тяжелыя условія. Развѣ можно наше время сравнивать со средними вѣками, даже съ восемнадцатымъ вѣкомъ, даже съ временемъ 50—60 лѣтъ тому назадъ. И затѣмъ въ наше время развѣ мы не видимъ людей, которые могутъ и умѣютъ переживать и переносить вещи, почти непереносимыя для обыкновенныхъ смертныхъ. Прочитайте описаніе путешествія Нансена. Полтора года прожить *одному*, среди льдовъ, *почти безъ всякой надежды на спасеніе!* И однако искра жизни горѣла и не хотѣла потухать. Наконецъ въ тюрьмахъ, въ каторгѣ есть же люди, которые

выдерживаютъ и возвращаются. По теоріи „внѣшнихъ условій“ они всѣ поголовно должны бы были кончать самоубійствомъ.

Наоборотъ, если посмотрѣть на число самоубійствъ, зависящихъ отъ внѣшнихъ объективныхъ причинъ, то мы увидимъ, что люди, у которыхъ причинъ *больше всего*, убиваютъ себя *рѣже всего*.

Дряхлые старики, бездомные нищіе, неизлѣчимые больные — чахоткой, ракомъ, проказой, сифилисомъ, которые въ тягость и себѣ, и другимъ, люди у которыхъ начинается сумасшествіе, которыхъ приговариваютъ къ многолѣтней каторгѣ—сравнительно рѣдко кончаютъ самоубійствомъ. Они создаютъ себѣ какія-то фантастическія надежды и живутъ.

Убиваютъ себя здоровые, молодые, полные жизни люди,—передъ которыми вся жизнь со всѣми ея возможностями.

Теорія *неустойчивости* тоже не выдерживаетъ критики. Людей дѣйствительно неустойчивыхъ въ сущности очень немного. Ничего таинственнаго и скрытаго въ этой неустойчивости нѣтъ. Прежде чѣмъ проявиться въ самоубійствѣ она должна, *неизбѣжно должна*, проявиться въ тысячѣ другихъ вещей. И какъ разъ мы видимъ, что *видимо неустойчивые* люди совсѣмъ не обязательно лишаютъ себя жизни, наоборотъ, можетъ быть, упорнѣе другихъ цѣпляются за жизнь и живутъ, мучая и себя, и другихъ.

Вся трагедія самоубійства заключается именно въ томъ, что убиваютъ себя люди такіе же, какъ и всѣ, здоровые, нормальные и живущіе въ одинаковыхъ со всѣми условіяхъ.

Для людей въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ или для людей, непригодныхъ къ жизни, не могущихъ ничего ни дать жизни ни взять отъ нея, самоубійство, можетъ быть, является благомъ, но я не о нихъ говорю, и совсѣмъ не таковы герои г. Арцыбашева.

Если искать причинъ самоубійствъ, то ихъ нужно искать въ томъ обезцѣненіи всего на свѣтѣ, которое является слѣдствіемъ растущаго матеріализма.

Все на одной плоскости, и все однообразно и скучно. Верхушки позитивнаго знанія можно схватить очень быстро, а детали не интересны, разъ заранѣе извѣстны всѣ возможные результаты. И матеріалистическое міросозерцаніе людей строится съ глубокой червоточиной внутри.

„Мнѣ казалось, что я уже все прочиталъ и что больше ничего интереснаго нѣтъ, и что даже читать больше нечего—и не стоитъ. Я все знаю и узнать больше ничего нельзя“, говорилъ мнѣ одинъ человѣкъ, разсказывая о томъ времени, когда онъ подходилъ къ „послѣдней чертѣ“ матеріалистическаго міропониманія.

Вотъ эта тоска отъ неправильнаго представленія жизни, отъ

неправильнаго мышленія часто, дѣйствительно, является первымъ толчкомъ къ самоубійству.

Но главная причина самоубійства лежитъ всетаки не въ этомъ.

Самоубійства *по какимъ нибудь причинамъ* или *безъ причинъ* бываютъ одинаково рѣдко, можетъ быть, даже никогда или разъ въ сто лѣтъ.

Всѣ самоубійства, которыя мы знаемъ, сообщенія о которыхъ наполняютъ хронику нашихъ газетъ, происходятъ отъ одной причины, которой никто не сознаетъ, на которую никто не указываетъ.

Эта причина—*отравленіе мыслями о самоубійствѣ.*

Мы привыкли думать, что самоубійство зависитъ отъ какихъ-нибудь внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ и, слыша о самоубійствѣ, мы всегда спрашиваемъ: *отъ чего? въ чемъ причина?* И полицейская хроника всегда сообщаетъ намъ:—„несчастная любовь“ или „неимѣніе средствъ къ жизни“, или „причины неизвѣстны“.

Эти вопросы *отъ чего и въ чемъ причина* показываютъ, что мы совершенно не понимаемъ, *что такое самоубійство*, не понимаемъ психологическаго процесса, ведущаго къ самоубійству, *въ которомъ собственно и заключается причина.*

Мы думаемъ, что съ человѣкомъ *что-нибудь случается* внѣшнее, или что онъ *внутренно* приходитъ *къ идеѣ* самоубійства.

Вотъ это и есть ложь. Это и есть то, чего никогда не бываетъ. *Самоубійство это процессъ.*

Никогда не бываетъ, чтобы человѣкъ, *не думавшій о сомоубійствѣ*, вдругъ взялъ бы да и застрѣлился подъ вліяніемъ какого-нибудь тяжелаго событія или безъ всякой причины подъ вліяніемъ вдругъ явившейся идеи. Обыкновенно всякій самоубійца *долго думаетъ* о самоубійствѣ. Этого можетъ никто не знать, даже онъ самъ можетъ не сознавать, какое мѣсто въ его мысляхъ заняло самоубійство. Но это *думаніе* о самоубійствѣ, *мрачное мечтаніе* и является истинной причиной самоубійства, создающимъ факторомъ.

Такое объясненіе кажется страннымъ, почти наивнымъ, слишкомъ простымъ и легкимъ,—между тѣмъ это—фактъ, и очень тяжелый фактъ, особенно тяжелый, потому что мы не сознаемъ всего его значенія.

Мы очень плохо знаемъ свой собственный психическій міръ, плохо знаемъ свои мысли—совсѣмъ не знаемъ *силу* своихъ мыслей, ихъ вліяніе на насъ самихъ. Мы не знаемъ, что мы почти все можемъ сдѣлать съ собой своей собственной мыслью.

Но мы не умѣемъ управлять своими мыслями, даже не сознаемъ, что это можно, и не знаемъ, что это *нужно*.

Мы думаемъ, потому что думается. Намъ показалось бы насиліемъ надъ собой, не позволять себѣ думать о томъ или о другомъ, и показалась бы почти суевѣрной идея, что *мысль*, всякая мысль, оставляетъ слѣдъ на душѣ, что ни одна мысль не проходитъ *совсѣмъ*.

И это тѣмъ болѣе странно, что *въ сущности* мы это прекрасно знаемъ и живемъ, непрерывно контролируя и регулируя свои мысли въ опредѣленныхъ направленіяхъ.

Но именно только въ опредѣленныхъ направленіяхъ. Сдѣлать обобщеніе въ данномъ случаѣ мы не умѣемъ.

Никому изъ насъ не придетъ въ голову мысль объ убійствѣ даже если человѣкъ обидитъ насъ, никто *не позволитъ себѣ* думать, если ему придетъ въ голову такая мысль; онъ прогонитъ ее, какъ нелѣпую и безмысленную.

И мы прекрасно знаемъ, что можно и нужно не позволять себѣ думать объ извѣстныхъ вещахъ, на извѣстныя темы.

Но къ другимъ мыслямъ мы почему-то болѣе терпимы. Мы не станемъ думать объ убійствѣ, но мысль о самоубійствѣ— одна изъ тѣхъ мыслей, которыя мы разрѣшаемъ себѣ.

Между тѣмъ *мысль о самоубійствѣ*, ничѣмъ не отличается отъ мысли объ убійствѣ. Это—очень *аффективная мысль*. А *аффективное думаніе*, погруженіе въ аффективное мечтаніе вообще очень опасная игра. Какъ влюбленный весь уходитъ въ свои мечты, и наконецъ не можетъ жить безъ нихъ, такъ всякій человѣкъ можетъ стать рабомъ своихъ аффективныхъ мыслей.

Мысли *мести, ревности, злобы, зависти* страшнымъ образомъ вліяютъ на того человѣка, который ихъ допускаетъ въ себя.

Онѣ перерождаютъ его душу. Допустивъ въ себя какую нибудь изъ этихъ мыслей, человѣкъ постепенно теряетъ *свою* волю и отдается *волѣ этой мысли*. Мысль начинаетъ владѣть имъ. И въ концѣ концовъ она такъ подчинитъ себѣ его душу, что онъ сдѣлаетъ вещи, о которыхъ раньше не могъ бы даже подумать.

Въ этихъ мысляхъ есть какой-то странный садизмъ—*наслажденіе страданіемъ*, и это самый опасный элементъ въ мечтаніи о самоубійствѣ.

Если человѣкъ позволитъ себѣ *мечтать* въ этомъ направленіи, то это мечтаніе начнетъ затягивать его. Онъ начнетъ *отдыхать душой* на этомъ мечтаніи. И вотъ здѣсь и лежитъ начало его гибели.

Идея самоубійства есть въ сознаніи каждаго человѣка, какъ

отвлеченное понятіе. Но въ тотъ моментъ, когда человѣкъ поставилъ себя *въ личное отношеніе* къ этой идеѣ, позволилъ себѣ подъ вліяніемъ тяжелыхъ фактовъ или внутреннихъ разочарованій помечтать о самоубійствѣ, онъ сталъ кандидатомъ на самоубійство.

Эта мысль уже будетъ жить въ немъ. Она будетъ всплывать на поверхность, приходить къ нему во всѣ тяжелые моменты его жизни и будетъ утѣшать его. Человѣкъ все чаще и чаще будетъ думать, что въ *крайнемъ случаѣ* у него всегда есть выходъ. Сначала онъ будетъ думать это въ серьезныхъ случаяхъ, потомъ въ болѣе мелкихъ, потомъ мысль о томъ, какъ хорошо и пріятно уйти изъ жизни, начнетъ приходить къ нему по самымъ пустымъ поводамъ. Онъ начнетъ думать это, если опоздаетъ на поѣздъ, поскользнется зимой на тротуарѣ, не посыпанномъ пескомъ. Вообще всѣ самыя мелкія неудовольствія начнутъ приводить его къ мысли о самоубійствѣ. И въ этой мысли всегда будетъ утѣшеніе и успокоеніе. Эта мысль станетъ необыкновенно доброй и отзывчивой, подъ конецъ она уже никогда не будетъ покидать его.

Мечтанія о самоубійствѣ и наслажденія этими мечтаніями съ ихъ садическимъ характеромъ, это—трясина, которая засасываетъ душу человѣка; это—реальная *черная магія*.

Въ душѣ и въ умѣ человѣка, позволившаго себѣ помечтать о самоубійствѣ, подошедшаго къ краю пропасти, идетъ сложный процессъ разрушенія—идетъ процессъ *черной алхиміи*, вытравленія всѣхъ благородныхъ металловъ души и превращенія ихъ въ ядовитыя окиси и удушливую пыль.

Чего коснется мысль о самоубійствѣ, то дѣлается скучнымъ, нелѣпымъ, безцѣльнымъ и противнымъ.

И эта мысль заходитъ во всѣ уголки души и постепенно все отравляетъ тамъ.

Наконецъ, когда *мечта о самоубійствѣ* побываетъ во всѣхъ уголкахъ души и вытравитъ все, что было въ нихъ здороваго и живого, она остается одна хозяйничать въ душѣ—и въ одинъ прекрасный день мы читаемъ въ газетахъ о самоубійствѣ, причины котораго неизвѣстны, или которое объясняется какими либо внѣшними причинами.

Это самоотравленіе мыслями о самоубійствѣ очень *страшная* причина, гораздо болѣе страшная, чѣмъ всѣ другія. Но за то разъ сознанная эта причина показываетъ, что съ самоубійствомъ можно и должно бороться.

Нѣтъ почти ни одного человѣка, котораго бы не касалась мысль о самоубійствѣ, который бы хоть разъ въ жизни *не мечталъ* о ре-

вольверѣ или о склянкѣ съ ядомъ, или о темной массѣ воды подъ высокимъ мостомъ.

Но многимъ удается остановиться самимъ. Другихъ останавливаютъ люди, которые уже знаютъ, что по этому пути нельзя итти безнаказанно.

Но ужасъ въ томъ, что многіе *не знаютъ*, не сознаютъ момента, когда они вступаютъ на этотъ путь утонченно отравленныхъ мечтаній, пропитанныхъ мрачнымъ и затягивающимъ сладострастіемъ смерти. И имъ самимъ кажется, что ихъ толкаютъ къ самоубійству несчастныя обстоятельства или внутреннее недовольство жизнью.

Показать имъ, объяснить, что все дѣло *въ самой идеѣ самоубійства*, во многихъ случаяхъ значитъ уже остановить ихъ.

Душа человѣка упорно борется съ распыленіемъ, съ уничтоженіемъ ея цѣнностей, она долго не поддается *черной алхиміи*, долго хранитъ свое золото. И пока въ ней осталось хоть что-нибудь, ее можно спасти.

Но наступаетъ моментъ, когда человѣкъ уже переходитъ по ту сторону всякаго спасенія, когда въ немъ уже ничего нѣтъ, когда онъ все уже вытравилъ въ себѣ, когда онъ въ дѣйствительности уже умеръ, уже убилъ себя.

Въ извѣстной книгѣ „*Dogme et Rituel de la Haute Magie*“ французскій писатель-оккультистъ аббэ Констанъ, писавшій подъ псевдонимомъ Элифаса Леви, говоритъ о людяхъ живыхъ съ виду, но въ дѣйствительности уже умершихъ.

«*Нѣкоторые кабалисты различаютъ видимую смерть отъ реальной. По ихъ мнѣнію, многіе люди, которыхъ мы считаемъ живыми, въ сущности уже умерли*».

Вотъ именно такихъ двухъ *уже умершихъ* людей рисуетъ г. Арцыбашевъ въ лицѣ своихъ двухъ героевъ Наумова и Краузе.

Чутье художника позволило ему подмѣтить въ нихъ нѣкоторыя удивительно вѣрныя черты.

Наумовъ разсказываетъ, что онъ сидѣлъ въ крѣпости и ждалъ суда и смертной казни. Все остальное ушло отъ него. „*...Я видѣлъ только, что завтра меня повѣсятъ*“, — говоритъ онъ...—„и я оторвался отъ всего міра и сталъ одинъ“.

И когда его неожиданно оправдали и выпустили, онъ не могъ вернуться къ жизни, съ которой у него уже было все разорвано.

«Когда я вышелъ изъ крѣпости,—говоритъ онъ,—и стоялъ на мосту, который ведетъ къ городу, я смотрѣлъ кругомъ, и вдругъ мнѣ показалось, что это только такъ кажется, что я живъ и на свободѣ, *а что, на самомъ дѣлѣ, я умеръ*, потому что меня повѣсили сегодня утромъ на намыленной веревкѣ.

Это было похоже на галлюцинацію».

И *съ этого* момента у него явилась ненависть и отвращеніе къ жизни.

Онъ самъ уже умеръ и ненавидѣлъ жизнь, потому что она будила въ немъ какія-то воспоминанія, которыхъ онъ уже не хотѣлъ, не искалъ.

Наумовъ, это—трупъ, проповѣдующій смерть.

И эта обстановка крѣпости, ожиданія смертной казни и проч. совсѣмъ не необходима для того, чтобы оторваться отъ жизни.

Вотъ молодой офицеръ Краузе. Никакихъ внѣшнихъ, посторонних причинъ для внутренней смерти у него не было, а между тѣмъ это тоже трупъ.

И онъ самъ объясняетъ свое состояніе, какъ оно создалось.

„*Это правда, что я долго и постоянно думалъ о самоубійствѣ*“...

„Я ничего не чувствую... Просто стало пусто, но еще хуже: *я умеръ, а все-таки живу*... глупо!“

Передъ тѣмъ, какъ пустить себѣ въ ротъ пулю среди пьяной компаніи, Краузе говоритъ:

„Пусть другіе живутъ, если имъ можно... Я не могу. Я не хочу самъ для себя, потому что просто неинтересно. Вотъ и все. Не трагедія, не ужасъ, не безсмысліе, а просто неинтересно. Природа и красота — маленькія и надоѣдаютъ... Любовь маленькая... Человѣчество просто глупо!.. Тайны міроздания неизвѣстны, а когда узнаютъ—будетъ неинтересно!.. Все неинтересно, какъ то, что мы уже знаемъ... Въ вѣчности нѣтъ ни малаго, ни большого, а потому спичка тоже тайна и чудо... Но мы знаемъ спичку и неинтересно. Такъ и все.. И что бы ни открылось. И когда Бога узнаемъ, будетъ неинтересно. Зачѣмъ Богъ?.. Не нужно. Я не проповѣдую — мнѣ просто самому неинтересно... Можетъ быть, другимъ не такъ... И я еще хотѣлъ сказать, что прощайте... Потому что я думаю, мы больше не увидимся. А если увидимся, то будетъ такъ же скучно... Зачѣмъ? Безсмертіе—скучно. Лучше не надо... Будетъ“!..

Это — слова уже умершаго человѣка, уже убившаго свою душу.

И Наумовъ, и Краузе временами сами сознаютъ, что они уже умерли. Временами имъ кажется, что они еще могутъ убить себя. Впрочемъ, Наумовъ *себя* не собирается убивать, онъ проповѣдуетъ смерть *для другихъ*, самоуничтоженіе человѣческаго рода, его больная психика рисуетъ ему его самого въ видѣ какого-то апостола мрака, пророка смерти, противника жизни и свѣта.

Краузе серьезнѣе всѣхъ принимаетъ его проповѣдь, потому что она отвѣчаетъ пустотѣ въ его душѣ.

Именно о такихъ людяхъ говоритъ Заратустра у Ницше.

„Погруженные въ глубокое унынie и внимательные только къ маленькимъ случайностямъ тамъ ждутъ они, стиснувъ зубы.

Или же хватаются за сласти и смѣются при этомъ своему ребячеству,

они висятъ на жизни, какъ на соломинкѣ и смѣются, что еще висятъ на соломинкѣ.

Ихъ мудрость гласитъ:—глупецъ тотъ, кто остается жить и мы такъ же глупы. Это и есть самое глупое въ жизни!" *).

И въ другомъ мѣстѣ Заратустра говоритъ слова, знаменательные для героевъ г. Арцыбашева.

„Даже лишніе люди важничаютъ своей смертью, и даже пустой орѣхъ хочетъ, чтобы его разгрызли".

Меня могутъ спросить: а почему самоубійство плохо вообще? Разъ умирать, неизбѣжно, то не все ли равно *какъ*, и не все равно годомъ раньше или годомъ позже? И развѣ не имѣетъ права человѣкъ умереть по собственному желанію *трезво* и *разумно*, не желая жить, вмѣсто того, чтобы ждать, пока его пристукнетъ болѣзнь, старость или какая нибудь случайность?

Я отвѣчу, что *въ данномъ случаѣ* я даже не разбиралъ плохо или хорошо самоубійство, я отрицалъ самую его возможность, какъ поступка, вытекающаго изъ какихъ либо причинъ. Самоубійство въ 99 случаяхъ изъ ста — результатъ болѣзненнаго процесса, психическаго самоотравленія. Такъ его нужно разсматривать. Я совершенно не оцѣнивалъ самоубійство съ моральной стороны.

Самоубійство зависитъ само отъ себя. Это — безсознательная *черная магія*. Причина самоубійства *всегда* долгое и упорное создаваніе и культивированіе мыслей и настроеній, влекущихъ къ смерти и наконецъ дѣлающихъ *возможнымъ* послѣдній актъ, совершенно невозможный для человѣка, предварительно не воспитавшаго себя для него,

Разница между излагаемымъ здѣсь взглядомъ и обычнымъ заключается въ томъ, что обыкновенно самоубійствомъ называютъ *послѣдній актъ*, а я называю самоубійствомъ весь подготовительный процессъ, *изъ котораго и не изъ чего другого* вытекаетъ послѣдній актъ, какъ необходимое слѣдствіе.

Въ созданіи мифа самоубійства, какъ онъ существуетъ въ сознаніи современнаго человѣка, очень виновато искусство, постоянно невѣрно и неправильно рисовавшее картины самоубійства, пропуская внутренній подготовительный процессъ.

Согласно роману, Анна Каренина у Толстого бросается подъ поѣздъ, *потому что* Вронскій не вернулся. Для нея это былъ фактъ, вдругъ сказавшій ей все, что она знала, но боялась сказать себѣ раньше

*) Эта и послѣдующія цитаты изъ „Заратустры" по переводу Ю. М. Антоновскаго (Спб. 1911) съ нѣкоторыми измѣненіями по оригиналу.

Это и заставило ее рѣшиться на смерть. Такъ мы должны понимать.

Но въ дѣйствительности такъ не бываетъ, такъ не было и не могло быть. Несомнѣнно Анна Каренина *много и упорно* думала о самоубійствѣ. Въ романѣ этого не видно, такъ же какъ часто бываетъ не видно въ жизни.

Романисты, стараясь изобразить жизнь *такой, какой она кажется*, дѣлаютъ невиднымъ этотъ невидный въ жизни процессъ *мечтаній смерти*. И это большой грѣхъ искусства. Ради эффекта *неожиданной развязки* романисты сознательно пропускаютъ все то, что можетъ указать заранѣе на возможность приближающейся развязки, не хотятъ показать, *какъ* эта развязка подготовляется. И у читателей остается впечатлѣніе неожиданности, внезапности рѣшенія, совершенно ложное и искажающее ихъ пониманіе жизни.

Романъ г. Арцыбашева многое объясняетъ въ психологіи самоубійства. Нужно только меньше вѣрить тому, что *говорятъ* его герои, и глубже вникать въ то, *какъ* у нихъ получалось то, что они говорятъ.

Боясь страданія, боясь смерти, дѣйствующія лица г. Арцыбашева отрицаютъ всякій смыслъ въ жизни.

Наумовъ говоритъ:

Мнѣ кажется ненормальнымъ, что человѣчество, убѣдившись горькимъ опытомъ, что жизнь по существу несчастна, до сихъ поръ не догадалось понять, что смерть—лучшее, что оно можетъ предпринять, чтобы разъ навсегда прекратить эту безполезную и вѣчную пытку.

Вы видѣли когда нибудь счастливую жизнь? Нѣтъ? Я не видалъ человѣка, удовлетвореннаго своей судьбой, никогда не болѣвшаго, не страдавшаго, не плакавшаго... Вы видѣли? Покажите мнѣ, покажите, и я пошлю къ чорту свою идею.

Проповѣдники смерти всегда были. Ничего новаго въ томъ, что говоритъ Наумовъ нѣтъ. И мнѣ хочется опять отвѣтить на его слова словами Заратустры.

Можетъ быть, ни у одного мыслителя на Западѣ нѣтъ такой силы въ разбиваніи ложныхъ боговъ пессимизма, какъ у Ницше, хотя по обычной ироніи судьбы, создаваемой геніальностью публики и критики, пессимистомъ окрестили его самого.

Вотъ чахоточные душой,—говоритъ Заратустра, едва родились они, какъ уже начинаютъ умирать и жаждутъ ученій усталости и отреченія.

Но встрѣчается ли имъ больной или старикъ, или трупъ и тотчасъ говорятъ они—*жизнь опровергнута*.

Но только *они сами* опровергнуты и ихъ глаза, *видящіе одно лицо въ существованіи*.

Въ словахъ Ницше всегда много скрытаго смысла, глубокаго внутренняго содержанія. Такъ и въ этомъ случаѣ онъ понялъ настоящую причину ученій усталости и отреченія.

Человѣкъ уже вышелъ изъ рамокъ животной жизни, примитивный, наивный *матеріализмъ животнаго* его удовлетворить не можетъ. Онъ долженъ найти какое то другое пониманіе міра. И если онъ всетаки изъ упрямства, изъ косности, изъ лѣни мысли, будетъ стоять на матеріалистическомъ пониманіи всего окружающаго и самого себя, т. е. *будетъ видѣть только одно лицо въ существованіи*, то онъ непремѣнно придетъ къ ученіямъ смерти.

Человѣкъ не можетъ быть животнымъ, даже если бы онъ хотѣлъ. И поэтому онъ не можетъ быть строгимъ и послѣдовательнымъ *матеріалистомъ*.

Матеріализмъ, это—не система, это упрощенное *дефективное* мышленіе о вещахъ по ихъ внѣшнимъ признакамъ. Это лѣнь или безсиліе мысли, отказъ отъ трудныхъ задачъ.

Матеріализмъ, это — міросозерцаніе животнаго. У животнаго матеріалистическое отношеніе къ міру естественно и понятно. Животное не можетъ мыслить, для него нѣтъ отвлеченныхъ понятій.

Попробуйте войти во внутренній міръ собаки. Такого искренняго и убѣжденнаго матеріалиста, какъ собака, вы среди людей никогда не встрѣтите, даже среди героевъ г. Арцыбашева.

Для собаки во внѣшнемъ мірѣ вещи раздѣляются на съѣдобныя и несъѣдобныя. Отдѣльное и непріятное мѣсто занимаютъ въ мірѣ палки и камни. Вещь несъѣдобная, которая въ то же время не палка и не камень—въ полномъ смыслѣ словъ quantité negligeable и съ ней можно обращаться соотвѣтствующимъ образомъ.

Но уже у собаки ея отношенія къ людямъ, симпатія, преданность, готовность даже пожертвовать собой, начинаютъ колебать матеріалистическую систему. Но всетаки, довольно высоко развиваясь *эмоціонально*, въ своемъ умственномъ мірѣ собака остается матеріалистомъ. Она оцѣниваетъ міръ преимущественно по запаху.

Представьте себѣ, какимъ абсурдомъ показались бы собакѣ *облака*, если бы ей разсказать о нихъ.

Собака — полный и цѣльный матеріалистъ. Никакихъ отвлеченныхъ идей, никакихъ фантазій поэтовъ!

Факты! факты! и факты! трезвые, реальные факты, всегда съ опредѣленнымъ запахомъ.

Если бы собака могла передать намъ въ видѣ афоризмовъ нѣкоторыя положенія своего міропониманія, она сказала бы что нибудь въ родѣ слѣдующаго:

Безъ запаховъ фактовъ не существуетъ. Что не пахнетъ, то не существуетъ. Я пахну, значитъ я существую. — Что нибудь въ родѣ этого.

Вотъ это и значитъ *видѣть одно лицо въ существованіи.*

Но матеріализмъ нельзя смѣшивать *со всѣмъ точнымъ знаніемъ*, какъ это иногда дѣлаютъ и „справа“, и „слѣва“, и со стороны матеріализма, и со стороны идеализма, Настоящее *точное знаніе* совсѣмъ не матеріалистично, матеріалистично псевдо-знаніе, псевдо-наука. Настоящее знаніе, даже строго позитивное, давно вышло изъ предѣловъ матеріалистическаго пониманія міра.

Передо мной лежитъ рѣчь профессора Н. А. Умова, произнесенная на Менделѣевскомъ съѣздѣ 21-го декабря 1911 года, подъ заглавіемъ „Характерныя черты и задачи современной естественно-научной мысли“.

Вступительное слово къ предстоящимъ намъ работамъ, говоритъ проф. Н. А. Умовъ, всего умѣстнѣе посвятить переживаніямъ научной мысли въ ея исканіяхъ образа міра. Настоятельность научнаго труда на этомъ пути станетъ понятной, если мы обратимся къ завѣтамъ нашихъ великихъ подвижниковъ...

Эти завѣты представляютъ глубокіе мотивы цѣльнаго служенія естествознанію и людямъ. Высказать ихъ полезно въ наше время, направляющее мысль по преимущ ству къ вопросамъ устроенія жизни...

Вспомнимъ исповѣданіе естествоиспытателя.

Утверждать власть человѣка надъ энергіей, временемъ, пространствомъ.

. . . . . .

Познавать архитектуру міра и въ этомъ познаніи находить устой творческому предвидѣнію.

Творческое предвидѣніе—вѣнецъ естествознанія—открываетъ пути предусмотрительной и дѣятельной любви къ человѣчеству.

. . . . . .

Я рѣшаюсь, приподнять блестящую и знакомую вамъ завѣсу и открыть тайники научной мысли, стоящей на перевалѣ двухъ міровоззрѣній.

. . . . . .

Въ переживаемое нами время созвѣздія на небѣ нашей науки измѣнились, и вспыхнула новая звѣзда, по своему блеску не имѣющая себѣ равной.

. . . . . .

...Число по прежнему остается законодателемъ природы, но способное быть изображеннымъ оно ускользнуло изъ области міровоззрѣнія, полагавшаго возможнымъ изобразить міръ механическими моделями.

Открытое новое даетъ достаточное количество образовъ для построенія міра, но они ломаютъ его прежнюю знакомую намъ архитектуру и могутъ уложиться лишь въ новый стиль, далеко убѣгающій своими свободными линіями за предѣлы не только стараго внѣшняго міра, но и основныхъ формъ нашего мышленія.

Мнѣ предстоитъ вести васъ къ вершинамъ, съ которыхъ открываются перспективы, въ корнѣ реформирующія наше міропониманіе.

Гдѣ же и въ чемъ видитъ наука свои вершины? Резюмируя свои выводы проф. Н. А. Умовъ говоритъ:

Во всѣ пространственныя измѣренія замѣшивается время. Мы не можемъ опредѣлить геометрическую форму тѣла, движущагося по отношенію къ намъ, мы опредѣляемъ всегда его кинематическую форму. Такимъ образомъ наши пространственныя измѣренія въ дѣйствительности происходятъ не въ многообразіи трехмѣрномъ, т. е. имѣющемъ три измѣренія въ высоту, ширину и глубину, какъ этотъ залъ, а въ многообразіи четырехмѣрномъ: три первыхъ измѣренія мы можемъ изобразить тремя лентами рулетокъ, на которыхъ отмѣчены аршины, сажени или другія мѣры длины. Четвертое измѣреніе мы изобразимъ лентой кинематографа, на которой каждая точка соотвѣтствуетъ новой фазѣ явленій міра. Разстоянія точекъ этой линіи измѣряются часами.. Переходъ отъ одной точки этой ленты до другой соотвѣтствуетъ нашему понятію времени. Это четвертое измѣреніе мы назовемъ поэтому временемъ. Лента кинематографа можетъ замѣнить ленту любой рулетки и обратно.

Слишкомъ рано умершій геніальный математикъ Минковскій доказалъ, что всѣ эти четыре измѣренія равнозначущи. Какъ это понимать? Пріѣхавшіе изъ Москвы въ Петербургъ проѣзжали черезъ Тверь. Ихъ нѣтъ болѣе на этой станціи, но тѣмъ не менѣе она существуетъ. Такъ же точно тотъ моментъ, который соотвѣтствовалъ какому нибудь событію, уже протекшему, напр. зарожденію жизни на землѣ, не исчезъ, онъ существуетъ. Онъ не пережитъ вселенной, а только землей. Мѣсто этого событія въ четырехмѣрной вселенной опредѣляется нѣкоторымъ пунктомъ, и этотъ пунктъ существовалъ, существуетъ и будетъ существовать; теперь черезъ него, черезъ эту пройденную землей станцію проходитъ другой странникъ. Время не течетъ, какъ не течетъ пространство. Течемъ мы, странники въ четырехмѣрной вселенной. Время—такое же измѣреніе пространства, какъ высота, ширина и длина.

Новыя представленія облечены Минковскимъ въ изящную математическую теорію; мы не войдемъ въ воздвигнутый его геніемъ величественный храмъ; оттуда голосъ:

„Во вселенной дано все: для нея нѣтъ прошлаго и будущаго, она вѣчное настоящее: ей нѣтъ предѣловъ ни въ пространствѣ, ни во времени. Перемѣны происходятъ въ индивидуальностяхъ и соотвѣтствуютъ ихъ перемѣщенію по міровымъ путямъ въ четырехмѣрномъ, вѣчномъ и безпредѣльномъ многообразіи".

Эти картины въ области философской мысли должны произвести переворотъ большій, чѣмъ смѣщеніе Коперникомъ земли изъ центра вселенной. Со времени Ньютона, естествознанію не развертывались болѣе блестящія перспективы. Не звучитъ ли мощность естествознанія въ переходѣ отъ несомнѣннаго опытнаго факта — невозможности опредѣленія абсолютнаго движенія земли—къ вопросамъ психики!

Если вдуматься въ слова профессора Н. А. Умова, то нельзя не увидать, что переходъ науки къ чему-то новому не только долженъ совершиться, но совершается и въ значительной степени совершился.

Минковскій говоритъ о переходѣ естествознанія, сознающаго невозможность абсолютныхъ опредѣленій въ условныхъ областяхъ въ родѣ движенія земли, *къ вопросамъ психики.*

Проблема времени яснѣе и опредѣленнѣе всего ставитъ послѣдній и рѣшающій „програмный вопросъ“ науки.

Пониманіе времени, какъ четвертаго измѣренія пространства, (идентичнаго съ длиной, широтой и высотой) есть въ сущности *отказъ отъ гипотезы движенія.*

Разъ четыре измѣренія вселенной *равнозначущи*, какъ равнозначущи три измѣренія куба, то движенія по линіи четвертаго измѣренія существовать не можетъ. Можетъ существовать только иллюзія этого движенія. Кубъ можно переворачивать или мысленно смотрѣть на него съ разныхъ сторонъ, тогда „длина“ будетъ дѣлаться „шириной“ и „ширина“ — „высотой“. Для того, чтобы движеніе по времени могло существовать во вселенной, нужно прежде всего, чтобы четвертое измѣреніе чѣмъ-нибудь отличалось отъ первыхъ трехъ, и чтобы это отличіе было постояннымъ и неизмѣннымъ. Если измѣренія равнозначущи, это значитъ, что они могутъ мѣняться своимъ значеніемъ другъ съ другомъ, что одно можно принимать за другое, что *каждое* измѣреніе можно по очереди разсматривать, какъ длину, какъ ширину, какъ высоту и какъ временную протяженность міра. То-есть наше *время* можно разсматривать, какъ длину міра, а наше пространственное протяженіе по любой линіи разсматривать, какъ время.

Принятіе этого взгляда должно совершенно измѣнить наше пониманіе вселенной.

„Матерія представляетъ собой въ высокой степени маловѣроятное событіе во вселенной“,—говоритъ профессоръ Умовъ.

„Движеніе представляетъ собой еще менѣе вѣроятное событіе“,—скажетъ наука завтра.

Кинетическая или энергетическая вселенная будетъ признана такимъ же абсурдомъ, какимъ теперь признается матеріальная вселенная. А такъ какъ вселенная *всетаки существуетъ*, несмотря на абсолютную нереальность какъ матеріи, такъ и движенія, то основой вселенной придется признать единственно несомнѣнно существующее реальное и недоказуемое *сознаніе.*

„Переходъ естествознанія отъ невозможности доказанія опытныхъ фактовъ къ вопросамъ психики“, означаетъ начало перехода со стороны науки къ изученію *вселенной, какъ сознанія.*

Иначе говоря, это есть переходъ отъ позитивизма къ идеализму.

Наука въ лицѣ своихъ наиболѣе смѣлыхъ представителей начинаетъ сознавать, что позитивизмъ подходитъ къ концу, что въ своемъ исканіи образа міра онъ сказалъ уже, вѣроятно, все, что могъ сказать; сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, освободилъ человѣ-

ческій умъ отъ суевѣрій и путь дуалистическаго спиритуализма, и теперь самъ уступаетъ мѣсто направленію „съ болѣе широкой программой“—идеализму“.

Мнѣ кажется, *матеріализмъ* можно опредѣлить, какъ исканіе *абсолютнаго* въ позитивизмѣ, т. е. какъ извѣстное *суевѣріе позитивизма*.

Истинный позитивизмъ не претендуетъ ни на какія абсолютныя знанія—въ немъ все условно. Признаніе этой условности должно быть распространено на позитивизмъ въ цѣломъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться абсолютнымъ и всеобъемлющимъ.

Принципъ относительности, въ широкомъ смыслѣ, долженъ быть альфой и омегой позитивнаго разсужденія. Правильное и *полное* примѣненіе этого принципа выводитъ науку изъ тупиковъ матеріализма.

Дальше, „принципъ относительности“ долженъ сказать свое послѣднее слово и, признавъ относительнымъ *послѣдній абсолютъ* позитивнаго знанія, *человѣческій интеллектъ*, этимъ самымъ онъ долженъ признать возможность измѣненія и расширенія самаго интеллекта—что уже начинаетъ подтверждаться чисто экспериментально (Проф. В. Джемсъ и др.),—т. е. возможность другихъ формъ сознанія, не связанныхъ условіями пространства и времени, *для которыхъ міръ будетъ инымъ*.

Рѣчь профессора Умова необыкновенно интересна и характерна. Если въ нее вдуматься, она дѣйствительно покажетъ, что *наука* стоитъ, въ настоящее время, на рубежѣ двухъ міровъ.

Съ одной стороны, передъ ней раскрываются необъятные горизонты *идеализма*, а съ другой—кажущаяся реальность объективнаго міра не даетъ ей возможности сдѣлать послѣдній шагъ и признать *условность* позитивнаго знанія передъ лицомъ абсолютнаго и безконечнаго, уже открывающагося для математики.

Наука подошла къ порогу расширеннаго міропониманія. Объективный міръ постепенно потерялъ всѣ свои признаки, одинъ за другимъ отнимавшіеся у него и признававшіеся *формами воспріятія*, т. е. субъективными, внутренними *психическими* чертами, налагаемыми нами на внѣшній міръ, а не принадлежащими ему.

Если *главный признакъ* объективнаго міра—время не есть *условіе бытія вселенной*, а только условіе *человѣческаго* ума, то это должно мѣнять все наше представленіе о себѣ и вселенной.

Наука *не договариваетъ*, говоря о времени.

Она уже пришла къ идеѣ вселенной, для которой нѣтъ прошлаго и будущаго, къ идеѣ вселенной, которая есть *вѣчное настоящее*. И она *должна* сдѣлать конечные выводы изъ этой идеи и при-

знать, что *движеніе по времени* есть иллюзія, что прошлое и будущее *существуютъ*, что мы читаемъ *написанную книгу*, которая лежитъ въ насъ самихъ и только воображаемъ, что она *пишется* на нашихъ глазахъ и внѣ насъ.

Изъ пониманія *отсутствія времени* непремѣнно должно вытекать пониманіе отсутствія движенія.

И я понялъ, что времени нѣтъ,
Что недвижны узоры планетъ...
(*Бальмонтъ*).

Вѣчное настоящее современнаго естествознанія есть *вѣчное теперь* древней индійской философіи и мистиковъ всѣхъ временъ и народовъ.

Брама въ представленіи древней индійской философіи Веданты былъ *Вѣчнымъ Теперь*, говоритъ Е. П. Блаватская въ „Тайной Доктринѣ“ (The Secrete Doctrine).

„Gott ist ein ewges Nun“ „Богъ есть вѣчное Теперь“ писалъ мистикъ XVII вѣка.,— *Angelus Silesius.* („Cherubinischer Wandersmann“).

Успѣхи естествознанія привели его къ дверямъ идеализма *и мистики*, къ дверямъ *внутренняго круга.*

Я остановлюсь еще на замѣчательномъ разсказѣ „писателя Арцыбашева“ „О великомъ знаніи“, гдѣ говорится о человѣкѣ, который продалъ душу чорту и *узналъ все.*

Наумовъ говоритъ:

— „Этотъ вопросъ никогда не перестанетъ мучить людей. А если бы и переставъ, если бы, наконецъ, узнать все... У писателя Арцыбашева есть разсказъ „О великомъ знаніи“... Полуфантастическій, ироническій разсказъ... Тамъ у него нѣкій человѣкъ продалъ душу чорту за то, чтобы знать все... И узналъ!.. И на другой же день пошелъ, засунулъ голову въ помойную яму и такъ сдохъ... Арцыбашевъ не говоритъ, почему, что онъ узналъ?.. Но, вѣдь, это такъ и есть, такъ и должно быть: вѣдь, если узнать все, до конца, до самаго послѣдняго слова, то вѣдь тогда-то и наступитъ послѣдній ужасъ уже полнаго, конечнаго безсмыслія! Тогда уже окончательно и навсегда, не для чего и незачѣмъ будетъ жить!.. И, въ самомъ дѣлѣ, останется одно: пойти и засунуть голову, куда попало, хоть въ помойную яму, чтобы только ничего не видѣть, не слышать, не понимать и не знать!..“

Удивительно характерно въ этомъ, прежде всего стремленіе „засунуть голову въ помойную яму“, постоянно проводимое въ жизнь и являющееся естественнымъ результатомъ матеріалистическаго міропониманія, съ которымъ не можетъ примириться человѣческій духъ и какъ бы мститъ себѣ за него.

Это тяготѣніе къ помойнымъ ямамъ очень сильно чувствуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ романа „У послѣдней черты“, а такъ же и во многихъ другихъ произведеніяхъ современной русской литературы.

Самая идея о возможности *узнать все* звучитъ наивно до чрезвычайности. Такъ могутъ думать дѣти, дикари... Но матеріализмъ безконечно принижаетъ человѣка и спускаетъ его на такой уровень, съ какого, казалось бы, онъ давно уже вышелъ.

У Короленко есть разсказъ, въ которомъ молодой парень, полу-дикарь, кажется Микеша или Никеша, изъ объякутившихся русскихъ ямщиковъ, поселенныхъ на Ленѣ, спрашиваетъ его о „золотой книгѣ“, въ которой *все написано*.

Для „Микеши“ это естественно и понятно, его мысли непремѣнно должны принимать формы „кирпичиковъ съ прямыми углами“. Идея „знанія“ непремѣнно должна рисоваться ему въ видѣ „книги“, въ которой „все написано“, изъ которой раждаются всѣ другія книги.

И, конечно, въ моменты раздумья, мрачнаго настроенія, Микеша можетъ разсуждать о безцѣльности и тщетѣ познанія, можетъ думать: ну вотъ прочиталъ человѣкъ всю золотую книгу, узналъ все, а дальше?..

Дальше пустота. Все извѣстно, узнавать больше нечего. И бѣдному дикарю непремѣнно должно дѣлаться скучно и страшно передъ непривѣтливостью и холодомъ *до конца* извѣстной жизни.

Въ сущности такъ наивно все, что говорятъ герои г. Арцыбашева на эту тему, такъ по дикарски судятъ они, что даже не хочется возражать. Но эта грубая софистика, которой полонъ романъ, дѣйствуетъ на многихъ, самая наглость ея поражаетъ и заставляетъ людей теряться и молчать.

Въ самомъ дѣлѣ—*узнать все!..* а потомъ?...

Но вѣдь такъ могла бы разсуждать собака, запертая въ библіотекѣ. Она уже все обнюхала, все узнала, знаетъ, что ничего съѣдобнаго нѣтъ, другихъ собакъ здѣсь не было и ничего интереснаго узнать въ этихъ комнатахъ нельзя: — остается только пойти, сѣсть и выть около двери.

Въ дѣйствительности возможность познанія безконечна.

Но матеріализмъ исказилъ въ умахъ людей даже идею безконечности. — Безконечность представляютъ себѣ, какъ безконечное протяженіе пространства, какъ безконечную пустоту, наполненную вертящимися шарами солнцъ и планетъ, какъ безконечное повтореніе трехмѣрныхъ міровъ. И вѣчность представляютъ себѣ, какъ

безконечное протяженіе времени, непрерывный ходъ годовъ, тысячелѣтій и милліоновъ лѣтъ.

Но въ дѣйствительности безконечность и есть прежде всего безконечная возможность *новаго* познанія.

Міръ имѣетъ безконечное количество *значеній* и аспектовъ, которые вѣчно сливаются, мѣняются и переходятъ. Ничто не стоитъ, всё движется, всё растетъ, всё раскрывается.

Когда сознаніе постигаетъ одинъ аспектъ міра, передъ нимъ открывается новый...

Когда Садко скупаетъ товары московскіе, привозятъ товары новгородскіе...

Наумовъ разсуждаетъ о вселенной и о безконечности, какъ о *вещи*, которая ему не нравится, которая могла бы быть устроена иначе, удобнѣе *для него*.

„Ни боговъ никто *не видѣлъ*, ни царствія небеснаго *представить не можетъ*, ни безсмертія души *вообразить*“,—говоритъ онъ.

Какъ будто „боговъ“ непремѣнно нужно *видѣть*, царствіе небесное *представлять* и безсмертіе *воображать*.

Къ Наумову вполнѣ примѣнимы слова Мейстера Экхарда,—мистика XIII столѣтія:

„*Нѣкоторые люди хотятъ видѣть Бога глазами, какъ они видятъ корову*“.

Наумовъ захлебывается отъ проклятій.

„Неужели вы вѣрите,—говоритъ онъ, что можно вѣчно тѣшиться борьбой другъ съ другомъ, вѣчно мѣнять свои крошечныя правительства, вѣчно малевать картинки, вѣчно лѣчить больныхъ, вѣчно писать книжки, вѣчно лѣпить статуэтки, вѣчно строить театрики, вѣчно копать землю... вѣчно жить, жить — поймите, прежде всего это скучно и глупо“.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

Допустимъ,—что это не такъ, что когда развернутся небеса... и узнаемъ мы все, то тутъ то и обнаружится такой смыслъ, какого мы и не предчувствовали, такія цѣли, о которыхъ слабымъ своимъ человѣческимъ умомъ и предполагать не могли, и тутъ сразу все объяснится, и наступитъ полное... блаженство. Но на что же оно намъ „тогда“? Вѣдь я *человѣческимъ* разумомъ отъ него отказываюсь! Вѣдь я, какъ *человѣкъ*, запутался въ безмысліи, и, какъ *человѣкъ*, я никогда не выйду изъ него. Что же мнѣ до того, что *духъ* мой такъ возсіяетъ, какъ звѣзда утренняя, когда я тутъ въ смрадѣ и безмысліи тутъ задыхаюсь, какъ собака!.. А тѣмъ паче, если безсмертія, какъ на грѣхъ, и вовсе не окажется, то что мнѣ въ томъ, что кто-то, гдѣ-то возсіяетъ!.. Да вѣдь я того кто возсіяетъ, даже представить себѣ не могу!.. Да будь онъ проклятъ! Что мнѣ до того, что какой-то тамъ Иванъ Иванычъ, въ четыреста билліонномъ столѣтіи будетъ ходить въ голубыхъ ризахъ и пальмовой вѣткой обмахиваться? Онъ будетъ въ голубыхъ ризахъ съ пальмовой вѣткой прохаживаться, а я

тутъ, сейчасъ, какъ собака, издыхать въ грязи и мерзости?.. Да не хочу я этого вовсе!.. Не только не хочу страдать и жить для этого Ивана Ивановича, а пропади онъ пропадомъ! Пусть сдохнетъ со своими пальмами и блаженствами...

— Я объявляю войну жизни,—говоритъ Наумовъ. Я не признаю ее, отрицаю и проклинаю!

Ужасъ жизни для Наумова, какъ и для всѣхъ героевъ „Послѣдней черты", создается ихъ *непониманіемъ*, неумѣніемъ мыслить и ихъ *эгоизмомъ*. Каждый изъ нихъ хочетъ, чтобы жизнь существовала только для него. Какъ ребенокъ, который ловитъ луну, они хотятъ засунуть жизнь себѣ въ ротъ и удивляются, когда она проходитъ между пальцами.

Въ этомъ и заключается наивная трагедія эгоизма.

Чѣмъ больше человѣкъ хочетъ взять все *только для себя*, тѣмъ меньше онъ получаетъ.

Истинное наслажденіе только въ даваніи.

Объ этомъ опять удивительно хорошо говоритъ Заратустра у Ницше въ главѣ о *дарящей добродѣтели*.

„Я угадываю васъ, мои ученики, вы стремитесь, подобно мнѣ, къ дарящей добродѣтели. Что общаго у васъ съ кошками и волками?

Ваша жажда въ томъ, чтобы самимъ стать жертвою и даяніемъ: потому вы и жаждете собрать всѣ богатства въ своей душѣ.

Ненасытно стремится ваша душа къ сокровищамъ и всему драгоцѣнному, потому что ненасытно ваше *желаніе дарить*.

И вы заставляете всѣ вещи приблизиться къ вамъ и войти въ васъ, чтобы обратно текли онѣ изъ васъ, какъ дары вашей любви".

И дальше:

„Скажите мнѣ, мои братья, что считается у васъ самымъ худшимъ, не есть ли это вырожденіе? И нѣтъ ли вырожденія вездѣ, гдѣ нѣтъ дарящей души?

Вверхъ идетъ нашъ путь отъ рода къ другому роду болѣе высокому. Но ужасомъ является для насъ вырождающееся чувство, которое говоритъ: все для меня!"

Идеи Ницше совершенно совпадаютъ, даже въ формахъ ихъ выраженія, съ идеями „оккультизма". Въ книгѣ Элифаса Леви, „Dogme et Rituel de la Haute Magie", (вышедшей въ 1853 году) о которой я уже упоминалъ, въ главѣ IX „Посвященіе" говорится:

„Назначеніе человѣка въ томъ, чтобы обогащать себя всѣмъ, что онъ можетъ пріобрѣсти для того, чтобы послѣ, подобно Богу, имѣть славу и радость раздавать свои богатства".

Вотъ *эта цѣль* совершенно ускользаетъ отъ героевъ г. Арцыбашева, и жизнь кажется имъ безцѣльной и предназначенной для уничтоженія.

Наумовъ говоритъ:

„Все умираетъ! все растетъ, достигаетъ полнаго расцвѣта и умираетъ. Таковъ законъ. Почему духъ человѣческій вы исключаете изъ этого закона? Рано или поздно настанетъ время, когда духъ человѣческій, достигнувъ зенита, пойдетъ внизъ и станетъ, какъ туманъ надъ болотомъ...“

И опять объ этихъ настроеніяхъ говоритъ Заратустра:

— Мудрость утомляетъ, ничто не вознаграждается, ты не долженъ желать! — Эту новую скрижаль нашелъ я вывѣшенной даже на открытыхъ площадяхъ.

Разбейте о, мои братья, разбейте и эту новую скрижаль! Утомленные міромъ повѣсили ее, проповѣдники смерти *и тюремщики*,—потому что это проповѣдь, призывающая къ рабству!

Они дурно учились и далеко не лучшему и всему слишкомъ рано, и всему слишкомъ скоро—они плохо ѣли, и поэтому у нихъ испорченъ желудокъ.

Испорченный желудокъ есть ихъ духъ, онъ совѣтуетъ смерть“.

И послѣднее, конечно, глубоко вѣрно. Духъ не можетъ совѣтовать смерти. Но, если мѣсто духа занимаетъ испорченный желудокъ, то, конечно, въ результатѣ должна быть смерть.

И пожалѣть можно только о томъ, что люди съ „испорченнымъ желудкомъ“ вмѣсто духа — отравляютъ своимъ дыханіемъ здоровыхъ.

Міръ отвратителенъ героямъ г. Арцыбашева, но они не понимаютъ, что въ мірѣ, какъ въ зеркалѣ, они видятъ самихъ себя.

Для чистаго все чисто, говоритъ Заратустра, но для свиньи весь міръ превращается въ свинью.

Всѣ герои „Послѣдней черты“ страдаютъ безсмысленно и ужасно, совершенно не понимая причины своихъ страданій, видя ее не тамъ, гдѣ она дѣйствительно есть.

Имъ кажется, что ихъ заставляетъ страдать жизнь, но жизнь только отражаетъ ихъ самихъ; какъ зеркало, повторяетъ ихъ движенія, обрушивается на нихъ съ силой ихъ собственнаго *непониманія*.

Вотъ двѣ дѣвушки, обманутыя Михайловымъ:—Нелли и Лиза. Ихъ трагедія стара, какъ міръ. И противъ нея, такъ же какъ противъ всѣхъ старыхъ, какъ міръ, трагедій, можетъ быть только одно средство—освобожденіе духа отъ иллюзіи временнаго. Но отъ героинь г. Арцыбашева далеко это освобожденіе, въ нихъ совсѣмъ не чувствуется сознаніе *новой реальности*, не связанной съ фактами, они всѣ и цѣликомъ во власти фактовъ—и поэтому имъ не за что ухватиться въ моментъ горя и отчаянія, *когда факты обманываютъ*.

Авторъ не показываетъ намъ ихъ внутренняго міра. Мы

знаемъ о чемъ онѣ думаютъ, какъ онѣ видятъ жизнь и самихъ себя въ ней. Но въ томъ-то и ужасъ, что, можетъ быть, нечего показывать. Если бы у нихъ была *своя собственная*, внутренняя жизнь, онѣ не могли бы *такъ сильно* чувствовать ударовъ судьбы. Эти двѣ дѣвушки совсѣмъ не похожи другъ на друга, и трагедіи ихъ различны, но у нихъ есть общее именно въ томъ, что мы совершенно не видимъ, чѣмъ же онѣ живутъ, кромѣ своихъ романовъ и своихъ несчастій. Ихъ *душевный* міръ очень богатъ, любовь захватываетъ ихъ цѣликомъ и безъ остатка, но, гдѣ ихъ *духовный* міръ? Чѣмъ онъ питался? Изъ какого матеріала строился? Что онѣ читали? Что думали?

И вотъ тутъ, мнѣ кажется, мы приходимъ къ ихъ главной трагедіи. Несчастіе Лизы и Нелли совсѣмъ не въ томъ, что ихъ бросилъ Михайловъ, *а въ томъ, что онъ навѣрное читательницы г. Арцыбашева.*

Объ этомъ говоритъ пустота ихъ внутренняго міра, отсутствіе какихъ либо устоевъ, стремленій, мечтаній. Наумовъ даже ссылался на „писателя Арцыбашева“. Нелли и Лиза не ссылаются, можетъ быть, только потому, что вообще не резонируютъ. Но видно, что имъ не за что ухватиться.

Такіе славные русскіе типы, какъ Лиза, въ моментъ несчастія и горя, брошенныя, обманутыя и оскорбленныя, находятъ другой выходъ, кромѣ „съ моста въ рѣку“, если только то, что онѣ читали, слышали и видѣли, показало имъ хоть какую нибудь возможность новаго пути. Онѣ способны на огромное самопожертвованіе, на огромное отдаваніе себя. Имъ нужно видѣть только искорку свѣта въ дали, чтобы броситься къ ней всей душой и забыть свое личное горе и страданіе.

Почему ничто подобное не вспыхиваетъ здѣсь? Почему у Лизы не оказывается ни малѣйшей силы сопротивленія? Почему она безъ борьбы падаетъ подъ своимъ несчастіемъ?

Да именно потому, что эта сильная здоровая дѣвушка уже отравлена внутри какимъ-то ядомъ безсилія.

Откуда могъ проникнуть въ нее этотъ ядъ, кромѣ какъ оттуда, откуда она ждала свѣта, правды, новыхъ и свѣтлыхъ словъ, помощи, поддержки и указанія пути, *т. е. изъ литературы*? А какая литература могла быть доступна Лизѣ кромѣ нашей современной литературы.

Говорятъ: — скажи мнѣ, что ты читаешь, я скажу тебѣ, кто ты.

Точно такъ же можно сказать:—скажи мнѣ, кто ты, и я скажу тебѣ, что ты читаешь.

Мнѣ очень жалко бѣдную Лизу, но когда я представляю себѣ, что она должна была прочитать за свою короткую жизнь въ маленькомъ провинціальномъ городишкѣ, мнѣ ее дѣлается еще больше жалко. Я увѣренъ, что она читала „Санина“ и „Бездну“, и „Яму“, и „Ключи счастья“, но очень сомнѣваюсь, чтобы она читала, напримѣръ, Гете.

Нелли гораздо сильнѣе и ярче Лизы, она не падаетъ подъ первымъ ударомъ, она переноситъ ихъ очень много, способна на большія жертвы. И въ концѣ концовъ только Арбузову кажется, что Нелли *должна умереть* непремѣнно.

Но, можетъ быть, Нелли совсѣмъ не умретъ. Можетъ быть, въ ней возникнетъ такое презрѣніе къ нему, что она въ самой глубинѣ своего страданія найдетъ точку опоры и увѣренность въ самой себѣ. Можетъ быть, понявъ все ничтожество такихъ людей какъ Михайловъ и Арбузовъ, она пойметъ, что убивать себя изъ за нихъ просто *не стоитъ*. И, можетъ быть, послѣдній ударъ окажется тѣмъ спасительнымъ толчкомъ, который *разбудитъ ее* отъ сквернаго сна, и она съ радостью и съ облегченіемъ подумаетъ, что наконецъ хоть такой цѣной она избавилась отъ „любви“ Арбузова. Она будетъ тогда безъ сожалѣнія вспоминать о *своей* любви и своей жертвѣ, и безъ горечи думать о своихъ страданіяхъ, потому что будетъ чувствовать, что спала, видѣла тяжелые сны и проснулась. И память объ этомъ снѣ быстро уйдетъ отъ нея.

Но въ ней накопилось много ненависти. Михайловъ и Арбузовъ оба слишкомъ сильно топтали ее. Ея ненависть прорвалась въ тотъ моментъ, когда она пришла по женски отмстить Михайлову, пришла первая сказать ему, что Лиза утопилась. Эта ненависть можетъ помѣшать ей проснуться, потому что можетъ обратиться въ ненависть къ себѣ самой.

Арбузовъ—самый несчастный и самый непріятный типъ въ романѣ Арцыбашева.

Онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, для которыхъ бо́льшая часть міровой трагедіи заключается въ томъ, что міръ нельзя купить за цѣлковый, а еще лучше за полтинникъ, а потомъ куражиться надъ нимъ, какъ надъ своей собственностью, купленной задешево. Потомъ ихъ оскорбляетъ жизнь тѣмъ, что ѣсть больше извѣстной мѣры нельзя и пить больше извѣстной мѣры нельзя. А соблюдать мѣру, разсчитывать удовольствіе, это—уже мѣщанство. И передъ ними встаетъ мучительная дилемма — или объѣ-

даться, или быть мѣщанами. И они серьезно думаютъ, что другого выхода нѣтъ, развѣ еще застрѣлиться.

Арбузовъ прежде всего—хамъ.

Онъ „любитъ“ Нелли и въ пьяномъ пафосѣ разсуждаетъ—задушить ему ее или не задушить. Ему даже и въ голову не приходитъ, что онъ прежде всего долженъ что нибудь сдѣлать для нея, не требуя впередъ или немедленно уплаты. Онъ не понимаетъ, что онъ, богатый человѣкъ, можетъ и долженъ дать ей возможность жить, не боясь будущаго, уѣхать изъ этого маленькаго городишка, который весь кишитъ сплетнями на ея счетъ... вообще дышать.

Но ему даже въ голову не приходитъ, что его любовь можетъ выразиться въ чемъ нибудь, сдѣланномъ *для нея*, до такой степени онъ весь поглощенъ своей ревностью и *своимъ* страданіемъ.

Его ревность для него почти божество. Онъ вѣритъ ей, живетъ ей, питается ей, ей не рѣшится измѣнить ни за что на свѣтѣ. Онъ жестоко страдаетъ, но не понимаетъ, что главная причина его страданій въ немъ самомъ, въ его собственномъ непониманіи жизни и любви.

Онъ не рыцарь своей дамы! Весь — одна обида и оскорбленіе на то, что Нелли осмѣлилась увлечься Михайловымъ. Онъ — разсказываетъ Краузе, что подсматривалъ, какъ Нелли ходила къ Михайлову, и съ какимъ то внутреннимъ благоговѣніемъ и ужасомъ къ самому себѣ говоритъ, что пережилъ *даже это*. Онъ съ головой засосанъ трясиной фактовъ. Липкая грязь закрыла для него все остальное.

Сколько людей на землѣ страдаютъ отъ ревности, и всѣ они считаютъ ее *неизбѣжной*, создаваемой фактами, а не ими самими, и всѣ они смотрятъ на нее, какъ на сильное и *благородное* чувство. И имъ кажется, что ревность непремѣнный спутникъ и признакъ любви. Многихъ даже не удовлетворяетъ любовь безъ ревности. Человѣку,—который мучается ревностью, разжигаетъ и раздуваетъ ее въ себѣ, кажется, что его ощущенія бросаютъ на него какой то мрачный и трагическій свѣтъ и оттѣняютъ его благородство. Въ людяхъ прочно засѣла эта иллюзія благородства чувства ревности. Какъ это ни глупо, но для многихъ ревность это какой то патентъ на благородство. И испытывая это чувство, и мучая имъ себя, человѣкъ считаетъ себя въ правѣ и даже обязаннымъ ненавидѣть и мучить, и убивать. И все это опять кажется ему очень благороднымъ.

Именно такъ чувствуетъ Арбузовъ, но внутренняго благородства въ немъ нѣтъ ни на грошъ.

Мысли, настроенія и дѣйствія человѣка, который любитъ и „умѣетъ любить“, (напримѣръ, Сирано де Бержерака, служащаго Роксанѣ въ ея любви къ другому), были бы для него такъ же темны и непонятны, какъ для каффра темны и непонятны дѣйствія европейца, ухаживающаго за своей больной женой, вмѣсто того чтобы поднять ее съ постели ударами плетки и послать работать, а самому лечь и закурить трубку.

Арбузовъ хочетъ взять любовь, какъ нѣчто готовое, и онъ бѣсится на жизнь за то, что любовь то такъ, то иначе уходитъ отъ него. Онъ не понимаетъ, что любовь требуетъ непрерывнаго творчества, что она есть нѣчто, что не дается готовымъ, что нужно создавать. Онъ не понимаетъ того, что любовь это искусство,— сложное и трудное искусство, *которому нужно учиться.*

Если Арбузову сказать это, онъ пойметъ это очень примитивно и отвѣтитъ какимъ нибудь циническимъ замѣчаніемъ въ томъ смыслѣ, что ему нечего учиться.

Но въ томъ то и несчастіе такихъ людей, какъ Арбузовъ, что они не могутъ подняться выше циническаго отношенія къ жизни, которымъ сами удовлетвориться уже не могутъ, которое мучаетъ ихъ, не даетъ имъ жить.

Любовь—сложное и тонкое искусство, любить нужно *умѣть*, такъ же какъ нужно умѣть умирать. Любовь, такъ же какъ искусство,—способъ познанія міра и себя. Искусство можно опредѣлить, какъ средство приближенія къ экстазу. То же самое есть любовь. Но Арбузовъ не можетъ вмѣстить, что нельзя искать „экстаза“ съ ревностью, съ мракомъ въ душѣ, съ криками „задушу“!

Въ требованіи умѣть любить такъ же мало циническаго, какъ въ требованіи умѣть умирать.

Умѣть любить это значитъ прежде всего знать, *какъ, когда* и *въ чёмъ* нужно побѣждать свой эгоизмъ, свое личное чувствованіе. Любить это значитъ чувствовать за другого, такъ проникаться настроеніями и желаніями любимаго человѣка, что ощущать ихъ прежде и сильнѣе своихъ собственныхъ. Огромную роль въ любви играетъ та эмоція, которая выдѣлена французскими психологами подъ названіемъ „sensation d'être cause“. т. е. „ощущеніе себя причиной“. Эта эмоція есть, можетъ быть, раффинированная чувственность, но въ ней лежитъ уже начало эволюціи *не личнаго* элемента.

И послѣдняя сцена Арбузова съ Нелли, когда уже умеръ Михайловъ, будто бы стоявшій между ними, и Нелли отдается ему, лучше всего рисуетъ его внутренній міръ.

Арбузовъ настолько рабъ своей *послѣдней* эмоціи, настолько не умѣетъ владѣть собой, настолько не знаетъ и не понимаетъ самого себя, что онъ не можетъ пережить ощущенія „пустоты достиженія", тотъ вѣчный „обманъ факта", среди котораго живетъ человѣкъ.

Ему кажется, что онъ обманутъ, обманутъ Нелли, *онъ ничего не почувствовалъ*. Нелли ничего не дала ему.

И онъ, *безъ малѣйшей мысли о самой Нелли*, бросаетъ ее, бѣжитъ, скачетъ „къ чорту" на своей бѣшеной тройкѣ и чувствуетъ, что теперь онъ уже убилъ себя, убилъ свою цѣль, жизнь и любовь,— что теперь ему только и остается быть заживо погребеннымъ въ пещерахъ монастыря, въ „прокурорской кельѣ", подъ тысячепудовой горой.

Про пещеры Арбузовъ раньше говоритъ въ разговорѣ съ Михайловымъ.

Онъ разсказываетъ тогда про одного прокурора, который жилъ безобразной жизнью, а потомъ послѣ того, какъ повѣсилась одна дѣвушка, надъ которой онъ продѣлалъ что-то, чего даже разсказать нельзя, „загрустилъ" и кончилъ тѣмъ, что ушелъ въ монастырь, постригся въ схимники, устроилъ себѣ келью въ глубинѣ пещеръ и прожилъ тамъ семнадцать лѣтъ въ полномъ молчаніи, носилъ вериги и умеръ, не сказавъ никому ни слова.

„Въ нынѣшнемъ году заѣзжалъ я въ этотъ монастырь,—пошелъ въ пещеры, далъ монаху на чай, чтобы оставилъ меня одного, и часа три просидѣлъ въ этой самой прокурорской кельѣ... Келья маленькая, прямо въ скалѣ выдолбленная, большой темный образъ, свѣчка горитъ... оконъ нѣтъ, только маленькая отдушина въ кельѣ продѣлана, да и то такъ, что и не видно изъ нея ничего... Тишина мертвая, надъ головой тысячепудовая гора виситъ, духъ тяжелый. Первые полчаса было занятно: никого нѣтъ, сидишь одинъ, смотришь, какъ свѣча горитъ... Потомъ скучно, тошно стало... Тоска нашла смертная, и вся гадость, какая въ жизни была, точно наверхъ всплыла... Гадко стало!.. Однако пересидѣлъ, не ушелъ... И стала меня эта тишина засасывать: мысли пошли, медленно такъ, глубоко... куда-то вся жизнь отошла, воспоминанія стерлись, потускнѣли... Ничего не надо, ни о чемъ не думается, только передъ глазами свѣча горитъ, и лики на образѣ шевелятся. Сталъ я даже какъ будто въ забытье впадать... И почувствовалъ, повѣрилъ вдругъ, что это можно... семнадцать лѣтъ одному подъ землей высидѣть... потому что душа сама живетъ, сама себѣ жизнь создаетъ... Все, что казалось прежде важнымъ, необходимымъ, мучительнымъ, стало вдругъ словно нарочно!.. Такъ забава какая-то, въ которой никакой потребности и нѣтъ. Такъ какъ то ясно, отчетливо почувствовалось, что жизнь не въ этомъ, что люди ходятъ, говорятъ кругомъ, а въ самой душѣ, въ какой то одной своей точкѣ, а точка та громадная, сама себя наполняющая, сама себя вмѣщающая... И когда пришелъ монахъ, не захотѣлось выходить... А вышелъ на свѣтъ, на солнце, и все мнѣ странно какъ то показалось: точно не настоящее, а какъ картонъ размалеванный... и голоса, и лица, все картонное... и солнце свѣтитъ сухо, какъ нарисованное...

— И знаешь, — началъ опять Арбузовъ очень тихо и вдумчиво: не выхо-

дить у меня изъ головы эта келья!.. Точно все это—одна фантасмагорія пестрая, а настоящее именно тамъ, подъ землей, въ той точкѣ, которая у каждаго въ самой глубинѣ души, куда жизнь и не доходитъ вовсе... Я въ схимники уйду, Сережа!—вдругъ прибавилъ Арбузовъ, и лицо его потемнѣло".

Въ этомъ разсказѣ звучитъ самое лучшее, что есть въ Арбузовѣ, что есть въ каждомъ человѣкѣ, за что онъ и хватается, какъ за послѣднюю соломинку, въ моментъ разрыва съ жизнью.

И послѣ мучительной сцены съ Нелли, послѣ бѣшеной скачки онъ кричитъ кучеру:—сворачивай направо—въ монастырь! И мы можемъ предположить, что жизнь Арбузова кончится въ прокурорской кельѣ.

Это не худшій выходъ изъ тѣхъ, которые у него были. Тишина и одиночество много скажутъ ему.

Но они не скажутъ всего, что могутъ сказать, потому что Арбузовъ бросаетъ міръ, *не понявъ его.* Человѣкъ имѣетъ право уйти отъ міра только тогда, когда настолько впитаетъ его въ себя, что міръ станетъ ему не нуженъ. Вѣдь для чего нибудь мы живемъ на землѣ. Если бы все дѣло заключалось въ томъ, чтобы уйти отъ жизни, то въ сущности не все ли равно какимъ образомъ уйти. Но дѣло именно не въ томъ, чтобы уйти или отказаться отъ чего нибудь,—а въ томъ, чтобы изжить все до конца *и понять.*

Арбузовъ ничего не понялъ въ жизни, прежде всего и хуже всего не понялъ любви.

Дастъ ли ему это пониманіе „голосъ молчанія", который онъ услышитъ въ своей пещерѣ?

Сказать трудно.

Углубляясь въ самого себя, слушая въ тишинѣ самого себя, погружаясь въ безконечность въ самомъ себѣ, Арбузовъ въ концѣ концовъ уйдетъ отъ жизни, и передъ нимъ начнутъ раскрываться новыя постиженія, тѣ роскошные сіяющіе цвѣты, которые вырастаютъ въ темныхъ подземныхъ пещерахъ отшельниковъ, но эти цвѣты будутъ „не отъ міра сего". А „міръ"—жизнь, со всей сложностью своихъ отношеній, останется для него такимъ же темнымъ и непонятнымъ, какъ прежде.

И при томъ его ждутъ большія опасности въ пещерѣ. Мистика такъ же, какъ смерть и любовь, требуетъ *умѣлаго подхожденія* къ себѣ. Въ мистику нельзя бросаться внизъ головой.

Арбузовъ это — человѣкъ, окруженный самимъ собой, міромъ своей „психологіи", міромъ своихъ душевныхъ переживаній. И нужно помнить, что всѣ настроенія и вліянія мистическаго міра будутъ доходить до его сознанія, только преломляясь въ этой призмѣ *его самого.* Въ какомъ видѣ дойдутъ они до него? Въ безумныя

видѣнія могутъ превратиться для него мистическія ощущенія. И мистика можетъ такъ же обмануть его, какъ обманула любовь. Темная пещера можетъ превратиться для него въ адъ, и его могутъ ждать тамъ не успокоеніе и тишина, а ужасы буйнаго сумасшествія. Въ исторіи подвижничества можно найти много примѣровъ такихъ отшельниковъ, которыхъ въ концѣ концовъ *побѣждаетъ дьяволъ*.

Что это значитъ?

Это значитъ, что люди съ непогашенной душевной жизнью, заключенные въ ней, отдавшіеся ей, пытаются уйти отъ себя и отъ міра, не потому, что они познали себя и міръ, и имъ больше не нужны ихъ собственное Я и всѣ *факты*, а именно потому, что они ничего не познали, ничего не поняли, и бѣгутъ отъ своего непониманія. Но *ихъ непониманіе* въ тишинѣ одиночества принимаетъ фантастическія формы, обрушивается на нихъ и уноситъ ихъ сознаніе въ вихрѣ безумія.

Неумѣніе жить, неумѣніе понимать жизнь, это — проклятіе героевъ Арцыбашева.

Треневы, мужъ и жена, кажутся прикованными къ какому-то огненному колесу пытокъ и ласкъ, влюбленности и злобы.

Взаимная ревность и раздраженіе, постоянное, то глухо клокочущее внутри, то вырывающееся наружу въ бѣшеныхъ сценахъ, является доминирующей нотой ихъ жизни. И въ концѣ концовъ привычка отдаваться раздраженію, неумѣніе бороться съ нимъ приводитъ Тренева къ ужасному концу, котораго онъ самъ не предполагалъ и не ожидалъ за пять минутъ, но къ которому, самъ того не сознавая, вѣроятно, много разъ подходилъ раньше въ такихъ же сценахъ злобы и отчаянія.

Въ чемъ же здѣсь дѣло? Почему, откуда этотъ ужасъ? Откуда ощущеніе безнадежности, которое остается въ душѣ?

Отвѣтъ гораздо легче и яснѣе, чѣмъ можетъ это казаться.

Вся жизнь Треневыхъ это—безсознательная, дикарская жизнь, безъ всякихъ признаковъ мысли.

Авторъ не показываетъ намъ, какъ проходитъ ихъ время часъ за часомъ, но ясно, что это—только по внѣшности культурная жизнь, а внутренно *глубоко дикарская* съ пассивнымъ приниманіемъ всѣхъ бытовыхъ формъ, безъ всякой попытки *строительства*.

А между тѣмъ выходъ и спасеніе для всѣхъ Треневыхъ, имя же имъ легіонъ, именно *въ строительствѣ* внутреннемъ и внѣшнемъ.

Только это можетъ отвлечь ихъ вниманіе отъ заколдованнаго круга *душевной жизни*, только это можетъ помочь имъ найти выходъ и дѣйствительно выйти.

Выходъ и труднѣе, и легче, чѣмъ они могутъ думать. Онъ легче, потому что въ нихъ самихъ. И труднѣе, потому что онъ требуетъ коренной ломки всего, что составляетъ ихъ жизнь, — всѣхъ мнѣній, чувствъ, привычекъ, отношеній съ людьми.

Жена Тренева, сама того не замѣчая, культивируетъ въ себѣ вѣчную злобу и ненависть противъ всѣхъ женщинъ молодыхъ и красивыхъ, какъ противъ *возможныхъ* соперницъ. Она не можетъ безъ какого-то шипѣнія говорить ни про Женечку, ни про несчастную Лизу.

Такія залежи злобы въ душѣ не могутъ создаваться безнаказанно. Онѣ прорываются во всякую минуту и по всякому поводу, до безконечности усиливаютъ всякое раздраженіе, придаютъ необыкновенную остроту и способность наносить больныя раны каждому рѣзкому слову.

Настроенія обиды и раздраженія его жены такъ сильно дѣйствуютъ на Тренева именно потому, что въ ней эти состоянія глубоко воспитаны и культивированы.

Внутренній міръ самого Тренева требуетъ совсѣмъ другой внѣшней жизни, чѣмъ та, которую онъ ведетъ. Это умный и внутренно-благородный человѣкъ, душа котораго стонетъ по *сознательной* жизни. Смутно онъ даже понимаетъ это. И вѣчно страдаетъ отъ сознанія своего слабоволія.

— Онъ не дѣлалъ никогда того, что хотѣлось, служилъ въ военной службѣ, которую не любилъ... не останавливалъ товарищей, когда они били солдатъ, не говорилъ того о людяхъ, что думалъ. Всю жизнь онъ страдалъ отъ недостатка воли жестокой и прямой.

Вотъ это и есть главная трагедія Тренева. Сила поступать *по своему* должна быть воспитана. Одна уступка влечетъ за собою другую. А жизнь Тренева, это — одинъ сплошной рядъ уступокъ. И подъ конецъ въ моментъ бѣшенства онъ уступаетъ безсознательно воспитанной имъ въ самомъ себѣ мысли о самоубійствѣ.

Опять здѣсь огромное мѣсто занимаетъ проблема любви.

„Любовь“ Треневыхъ лишена духовнаго содержанія, и въ такомъ видѣ это — „пустой футляръ“, который ихъ самихъ не удовлетворяетъ, создаетъ ощущеніе пустоты.

Мнѣ хочется привести нѣсколько словъ о любви изъ новой книги Мабель Коллинзъ, на которую я уже ссылался.

„То, что называется любовью на обыкновенномъ человѣческомъ языкѣ, страсть, которая пробуждается при соприкосновеніи двухъ личностей, не есть

просто средство, при помощи котораго приходятъ на землю новыя поколѣнія. Люди, знаніе и зрѣніе которыхъ ограничено матеріальными вещами, думаютъ такъ. Но люди, уже поднявшіе, хотя бы немного, *желѣзный засовъ*, закрывающій *золотыя ворота* (т. е. освободившіеся отъ *иллюзіи*, закрывающей доступъ *къ реальному*), хорошо знаютъ, что страсть, которую люди называютъ любовью, имѣетъ другое и высшее назначеніе, чѣмъ даже созданіе жизни въ этомъ мірѣ. Любовь создаетъ жизнь въ мірѣ потустороннемъ (in the world beyond). Это—ступенька отъ земли къ небу, отъ вещей матеріальныхъ къ вещамъ духовнымъ.

Но и Треневъ и его жена не понимаютъ, что любовь это *путь*, средство къ чему то высшему. Не понимаютъ, что, если это высшее *абсолютно не достигается*, то средство не можетъ замѣнить цѣли.

И они фатально не могутъ устроить свою жизнь, свои внутреннія отношенія.

Тутъ много мѣшаетъ безсознательный укоренившійся *матеріалистическій* взглядъ на семью, какъ на внѣшній союзъ, основанный на внѣшнихъ формахъ, непониманіе того, что семья—глубоко-оккультный „эзотерическій“ союзъ, который долженъ строиться по правиламъ тѣхъ союзовъ, въ которыхъ люди сознательно соединяютъ свои души въ одно *общее существо*, общее сознаніе.

Такіе союзы могутъ достигать цѣли и дѣйствовать только при полномъ единствѣ мыслей и чувствъ. Первымъ правиломъ эзотерическаго союза для достиженія этого единства ставится то, что членъ союза не имѣетъ права *ни въ какомъ случаѣ* говорить другому что нибудь, могущее быть непріятнымъ ему. Онъ долженъ всегда, прежде чѣмъ говорить, подумать, не будетъ ли другому непріятно услышать то, что онъ хочетъ сказать и, если у него является сомнѣніе, то промолчать.

Семья—эзотерическій, т. е. внутренній, а не внѣшній союзъ, и не можетъ существовать безъ примѣненія этого правила.

Во всякой „дружной“ семьѣ это правило примѣняется безсознательно. Но у „Треневыхъ“ существуетъ какая то глубоко извращенная идея, что душевная близость заключается въ правѣ говорить другому непріятныя вещи, въ правѣ показывать свои дурныя настроенія и дурныя свойства характера, которыя прячутся отъ „постороннихъ“.

Кромѣ того Треневы необыкновенно легко *прощаютъ себѣ* безобразныя сцены, которыя устраиваютъ. Прощеніе—очень хорошая вещь когда оно относится къ другому. Но „Треневы“ слишкомъ легко прощаютъ все *себѣ*. Если бы они знали, что каждое слово, каждый крикъ, каждая сцена *должны имѣть послѣдствія*, они не шли бы на нихъ такъ легко.

Бѣгство отъ послѣдствій своихъ собственныхъ поступковъ или

стремленіе бѣжать отъ нихъ это—одинъ изъ самыхъ трагическихъ симптомовъ нашей жизни, влекущій за собой сотни другихъ трагедій, потому что онъ уничтожаетъ весь смыслъ *уроковъ жизни.*

Извращенный взглядъ на душевную близость, какъ на право не стѣсняться, еще больше укрѣпляется въ Треневыхъ *чувствомъ собственности*, которое они питаютъ другъ къ другу. Это чувство собственности, соединяемое „Треневыми“ съ „любовью“, можетъ быть ихъ главное проклятіе. Они не хотятъ и не умѣютъ признавать свободы другъ друга. Особенно жена. Она во всемъ хочетъ налагать на мужа свою волю, совершенно не желаетъ признавать его права чувствовать и думать по своему. И это вѣчное насиліе создаетъ вѣчный протестъ и вѣчную борьбу. Жена Тренева не понимаетъ, что нельзя жить въ атмосферѣ непрерывнаго подозрѣнія и „обвиненія“, которую она создаетъ своему мужу. Онъ всегда въ чемъ нибудь виноватъ въ ея глазахъ, всегда въ чемъ нибудь подозрѣвается...

Реальный выходъ для Треневыхъ могъ бы быть только въ полной перестройкѣ жизни, въ признаніи свободы другъ друга, свободы чувствовать, говорить, жить... и во внутренней *моральной культурѣ*, въ полномъ *перевоспитаніи* самихъ себя. А для этого прежде всего нужно сознать необходимость этого, умѣть понимать, умѣть мыслить.

Неумѣніе мыслить все время чувствуется въ разсужденіи всѣхъ героевъ „послѣдней черты“. Иногда оно производитъ необыкновенно тягостное впечатлѣніе, когда чувствуется, что человѣкъ уже ищетъ правильнаго пониманія, почти нащупываетъ его, но не можетъ схватить потому, что его умъ окруженъ цѣлой сѣтью ложныхъ построеній и матеріалистическихъ софизмовъ, не подпускающихъ его къ истинѣ, которую онъ почти видитъ.

Таковъ студентъ Чижъ. Онъ полонъ самыхъ искреннихъ чувствъ и хорошихъ стремленій, но онъ не можетъ осмыслить жизни и своего мѣста въ ней, и она вся превращается для него въ душный провинціальный городишко со свиньями, лежащими поперекъ троттуара,—городишко, гдѣ можно только пить и въ концѣ концовъ повѣситься.

Онъ искренно ищетъ отвѣтовъ на мучительныя дилеммы—почему, для чего и для кого нужно жить и работать, но ничего не находитъ. Иногда ему кажется, какъ въ разговорѣ съ Наумовымъ, что онъ *можетъ* разбить всѣ теоріи проповѣдника смерти, только вотъ сейчасъ не можетъ найти нужныхъ словъ. Иногда наединѣ съ самимъ собой онъ вдругъ приходитъ къ самому трагическому

отрицанію всего, чѣмъ по его мнѣнію можно жить. Тогда почва уходитъ у него изъ подъ ногъ, онъ внутренно тонетъ. *Временныя* идеи его перестаютъ удовлетворять. Онъ подходитъ къ вѣчнымъ, подходитъ къ нимъ съ несовершеннымъ орудіемъ, съ логикой временныхъ идей и, понятно, видитъ въ вѣчныхъ идеяхъ только пародію временныхъ. Онъ не можетъ жить безъ мечты о будущемъ, о будущемъ человѣчества, и, когда ему кажется, что эта мечта его обманываетъ, передъ нимъ раскрывается какая-то черная бездна.

Маленькому студенту даже странно казалось: вѣдь не для того же въ концѣ концовъ родился онъ, чтобы бѣгать по урокамъ, шлепать по грязи рваными калошами, безплодно и тоскливо мечтать и умереть безъ смысла и слѣда?.. Въ этомъ было что-то ужъ слишкомъ нелѣпое. Вѣдь онъ же — человѣкъ!

Почему всѣ думаютъ и говорятъ, что жизнь—для думающихъ, чувствующихъ, умныхъ людей?.. А вотъ онъ, Чижъ, интеллигентный, мыслящій человѣкъ, долженъ голодный и холодный дрожать за завтрашній день, а тутъ же рядомъ именно самые глупые, не только ничего не дающіе жизни, но даже вредные ей, живутъ въ свое удовольствіе и плевать хотѣли на всѣ прекрасныя идеи!..

Лучшіе люди, пророки, которымъ лицемѣрно молится человѣчество, герои, не отступающіе ни передъ какой жертвой, гибнутъ и гибнутъ... Они только для того и живутъ, чтобы своей кровью спаивать кирпичики общаго счастья... Развѣ не такъ?... Вся исторія человѣчества есть исторія гибели мучениковъ мысли и слова, и каждая эпоха — апоѳеозъ торжествующей пошлости!.. Имъ, тупымъ животнымъ, все: богатство, новыя изобрѣтенія, красивыя зданія, прекрасныя женщины, почетъ, роскошь... а горе, мучительныя раздумья, нужда и страданья — удѣлъ Чижей, маленькихъ и большихъ Чижей!.. Было такъ, такъ будетъ и всегда! Всегда? Это страшное слово! Въ немъ конецъ и смерть всему!.. Но вѣдь тогда — все нелѣпость!.. Тогда кто же правъ, кто разумнѣе? Христы или Ротшильды?

Но маленькій студентъ храбрился. Онъ не могъ допустить даже вопроса, потому что вопросъ, это — уже сомнѣніе, а одна минута сомнѣнія сводила на смарку всю его жизнь, все, во что онъ привыкъ вѣрить, чему поклонялся.

. . . . . .

Не всегда такъ будетъ! — не сдаваясь тоскѣ, подбадривалъ онъ себя.. Когда-нибудь да придутъ же новыя времена... Будутъ жить иные люди... Умъ и талантъ станутъ хозяевами жизни... Тогда будетъ хорошо!.. Будетъ же, будетъ!.. Тогда и въ голову никому не придетъ вообразить существованіе вотъ такого несчастнаго, голоднаго, вѣчной нищетой раздраженнаго студента... Тогда не будетъ тоски и... рваныхъ калошъ... Люди будутъ свободны, счастливы и свѣтлы лицомъ!

И съ упорствомъ фанатика, сжимая зубы, Чижъ повторялъ вслухъ:

— Будетъ же, будетъ!..

Это прекрасное будущее рисовалось Чижу какимъ-то свѣтлымъ днемъ подъ куполомъ высокаго, свободнаго неба. Даже какъ-то не представлялось возможнымъ, чтобы и тогда могъ итти дождь, быть холодъ и грязь и чисто физическія страданія... Далекое сіяніе радостнаго дня оттуда, изъ вѣчности, озаряло душу и въ свѣтѣ его таяла тоска, поднималось бодрое, боевое настроеніе.

Но, когда маленькій студентъ представилъ себѣ короткошеяго, узколобаго купца Треуголова, а рядомъ съ нимъ невѣдомаго человѣка будущаго съ яснымъ лицомъ художника и мудреца, ему вдругъ такъ понятно стало громадное разстояніе между ними, такъ отчетливо представленіе о цѣлыхъ тысячелѣтіяхъ борьбы и страданій, что душа упала, точно взлетѣвшая и подстрѣленная птица.

Будетъ, не можетъ не быть, конечно... но когда?.. Гдѣ будетъ тогда маленькій студентъ съ его раздраженнымъ сердчишкомъ, рваными калошами и плохенькимъ пальто?.. Его не будетъ вовсе и нигдѣ. Даже смѣшно будетъ вспоминать о немъ!..

Внезапно въ немъ вспыхнула злоба.

А стоитъ ли все это хваленое счастье, весь этотъ золотой вѣкъ, все грядущее человѣчество вотъ этихъ незамѣтныхъ страданій одного маленькаго голоднаго, обиженнаго студента?.. Вѣдь вотъ какой онъ жалкій и несчастный, какъ плохо ему живется, а онъ думаетъ о вашемъ счастьѣ, люди будущаго!.. Такъ думаетъ, такъ мечтаетъ, точно въ этомъ единственное счастье его самого. Онъ не заботится такъ о себѣ, а вѣдь онъ могъ бы быть гораздо счастливѣе, если бы меньше думалъ о васъ и больше о себѣ... А вы, счастливые люди будущаго... каковы еще будете вы? А не будете ли вы чужды и противны маленькому студенту? Стоите ли вы его страданій, оправдаете ли его мечтанія?

И сколько еще понадобится такихъ маленькихъ незамѣтныхъ мечтателей, сколько крови и мукъ, чтобы вы, будущіе, наслаждались жизнью!.. Не слишкомъ ли дорогая цѣна, не слишкомъ ли велика жертва для васъ... счастливыя свиньи будущаго.

Эта дерзкая мысль такъ внезапно возникла, такъ была чужда ему, что Чижъ даже испугался. Точно смертельно оскорбилъ самое дорогое, точно скощунствовалъ надъ святыней.

Чижъ самъ пугается своихъ мыслей, пытается найти что-нибудь положительное, и ничего не находитъ. Его разсужденія кажутся ему мучительно вѣрными. Выхода нѣтъ! И невольно онъ самъ все время попадаетъ въ тонъ съ Наумовымъ. Онъ не хочетъ этого, боится и, въ концѣ концовъ, падаетъ въ общую яму. Ухватиться ему не за что. Временное само отрицаетъ себя. Пути къ вѣчному закрыты непониманіемъ, неумѣніемъ мыслить.

Какъ много можно отвѣтить на все, что онъ думаетъ и, какъ трудно отвѣтить, не введя во внутренній кругъ этого бѣднаго Чижа совершенно новыхъ для него идей и настроеній, совершенно новаго пониманія. Какъ всѣ слабые люди, онъ разрывается на десятки частей, между калошами и сверхчеловѣкомъ, не понимая и не сознавая, что первое, что нужно просто для того, чтобы *жить*, это— нѣкоторое, хотя бы относительное единство. Не умѣя разрѣшать самыхъ простыхъ житейскихъ вопросовъ, или не выработавъ своего отношенія къ нимъ, вѣчно качаясь между двумя полюсами, между попытками сверхличнаго взгляда и маленькаго личнаго, онъ берется за труднѣйшія проблемы, хочетъ мыслить непремѣнно сопоставленіемъ крайностей (Христы и Ротшильды). Это стремленіе

сразу къ самому трудному, помимо возможнаго и доступнаго, тоже признакъ слабости. Чижъ боится сомнѣній, хочетъ, чтобы все было свѣтло и ясно. И думаетъ, что этого уже достаточно, что мечты объ общемъ благополучіи и недовольство дѣйствительностью это своего рода патентъ на интеллигентность и на право оставлять въ мракѣ и запустѣніи свою собственную душу,—въ чемъ въ дѣйствительности заключается причина всѣхъ его бѣдъ и несчастій.

Ему такъ же, какъ другимъ „героямъ послѣдней черты“, совершенно чужда мысль, что въ мірѣ есть *все*, всѣ возможности, а изъ нихъ человѣкъ выбираетъ то, что есть въ немъ самомъ.

И въ послѣдней части романа, въ разговорѣ съ канцеляристомъ Рысковымъ, послѣ похоронъ Краузе, Чижъ не находитъ что отвѣтить на вопросъ, почему *надо* жить?

Этотъ разговоръ является „моралью“ всего романа, моралью, которую непремѣнно воспримутъ изъ романа другіе Чижи и другіе Рысковы.

— Да... — произнесъ, наконецъ, Чижъ. — Ну, что вы на все это скажете?

— Что-жъ... — меланхолически отвѣтилъ Рысковъ, — я самъ объ этомъ часто думаю,.. Что въ самомъ дѣлѣ канитель тянуть!.. Тутъ по крайней мѣрѣ разомъ!.. Я, знаете, совершенно согласенъ съ господиномъ Наумовымъ.

Чижъ даже остановился.

— Что вы говорите, Рысковъ? съ негодованіемъ воскликнулъ онъ.—Чортъ знаетъ, что такое! Бремя ли такое подлое, въ воздухѣ ли что носится, что ли? Неужели вы не понимаете, что это просто глупо, малодушно и подло?

— Ну-у—возмущенно протянулъ Рысковъ.

— Не ну, а да... Самоубійца это человѣкъ, который сдается передъ жизнью, бѣжитъ передъ нею, какъ трусъ! Человѣкъ не имѣетъ, прежде всего, права прекращать жизнь, разрушать то, что не имъ создано.

— Да почему же, Кириллъ Дмитріевичъ?—неувѣренно возразилъ Рысковъ

Отъ этого коротенькаго простого вопроса маленькій студентъ немного смѣшался, потому-что такого же короткаго и простого отвѣта не было. Рысковъ замѣтилъ его замѣшательство и неопредѣленно помахалъ палочкой..

— Странный вопросъ! возмущенно сказалъ Чижъ.

— Чего же—странный? чуть чуть даже насмѣшливо возразилъ Рысковъ.— По моему самый настоящій вопросъ: вы говорите не имѣетъ права, а я спрашиваю—почему?

— Да потому что не вы жизнь создали! повторилъ маленькій студентъ, раздражаясь отъ сознанія неубѣдительности своего отвѣта.

Рысковъ чуть чуть усмѣхнулся.

— Ну, такъ что жъ, что не я...—замѣтилъ онъ не безъ снисходительности,—я вѣдь не просилъ, чтобы мнѣ ее навязывали, и хранить ее не обязывался... Это только такъ говорится, Кириллъ Дмитріевичъ, а на самомъ дѣлѣ... одни слова!.. А ежели мнѣ жить надоѣло? Ежели мнѣ тяжело жить?

— Тяжело!.. Мало ли чего!—Жизнь не развлеченіе, Рысковъ, а долгъ, и какъ бы ни было тяжело, а надо бороться, а не падать духомъ!

— Да вы все, Кириллъ Дмитріевичъ, говорите, «надо, надо», а почему— надо?

. . . . . .

И Чижъ не находитъ, что отвѣтить, все, что онъ говоритъ, необыкновенно однообразно, плоско и безсильно.

Онъ опять говоритъ о человѣчествѣ, о свѣтломъ будущемъ, но самъ плохо вѣритъ своимъ словамъ. Даже несчастный Рысковъ чувствуетъ свою побѣду надъ нимъ и снисходительно смотритъ на Чижа, какъ на человѣка, берущагося за безнадежную задачу.

Чижъ всетаки взвинчиваетъ себя, заставляетъ на минуту повѣрить тому, что самъ говоритъ.

— Унынiе проходитъ, общество просыпается! — говоритъ онъ. — Наумовъ и Краузе это тѣни уходящей ночи... Не бѣжать трусливо отъ жизни, а бороться и работать должны мы, всѣ, для кого человѣчество — не пустой звукъ.

. . . . . .

Сначала какъ будто что-то шевельнулось въ душѣ Рыскова, но туманныя слова „будущее, народъ, человѣчество" навѣяли на него только унынiе. Даже стало досадно на горячившагося маленькаго студента.

„А ему-то—что? Чего онъ-то радуется?" подумалъ Рысковъ и сказалъ:

— Да не все ли вамъ равно, Кириллъ Дмитріевичъ?.. Вѣдь это еще когда будетъ!

. . . . . .

А кругомъ были сѣрые заборы, мѣщанскiе домики, огороды, пустыри заросшiе жесткой крапивой и пышно разросшимся чертополохомъ. По самой серединѣ улицы, крутя хвостикомъ, шла ко всему равнодушная свинья.

. . . . . .

Для пущаго посрамленiя всяческихъ „идей", авторъ заставляетъ Чижа, среди попытокъ отвѣтить что-нибудь Рыскову, наткнуться на свинью, ставшую поперекъ тротуара, и уже окончательно замолчать, чувствуя улыбку несчастнаго казначейскаго писца.

Послѣ этого разговора надъ маленькимъ городишкомъ проносится новый вихрь смертей. Повѣсился Рысковъ, утопилась Лиза, застрѣлился Михайловъ. Въ концѣ концовъ вѣшается на вѣшалкѣ для платья и мечтавшiй о сверхчеловѣкѣ студентъ Чижъ. Его послѣдніе дни были полны тоски, отчаянiя и той особенной россiйской мути, которая создается привычнымъ похмѣльнымъ состоянiемъ.

Былъ онъ пьянъ безобразно и пошло; опустился до того, что падалъ на улицахъ, пѣлъ и цѣловался съ какими-то чиновниками изъ полицейскаго правленiя; потомъ было жестокое похмѣлье и невыносимое сознанiе полнаго одиночества...

Никого изъ тѣхъ, кого онъ зналъ и сколько-нибудь считалъ за людей не осталось кругомъ. Что-то смутное и страшное пронеслось надъ городомъ и унесло всѣхъ, какъ будто и не были никогда. Какъ въ туманѣ вспоминались ему лица корнета Краузе, Наумова, Лизы, Михайлова... Опустившiйся и пьяный старый докторъ Арнольди одинъ остался съ нимъ и безсмысленно бормоталъ

— Я и такъ уже давно умеръ!..

А кругомъ какіе-то мѣщане, купцы, попы, офицеры и чиновники служили, играли въ карты, пили, женились и плодили дѣтей, чтобы выросли эти дѣти и стали такими же купцами, мѣщанами, чиновниками и офицерами, и такъ же служили, пьянствовали и плодились бы безъ конца и смысла.

Стоитъ ли держаться за *такую* жизнь? Нѣтъ! Конечно, нѣтъ! И подъ музыку этихъ похмѣльныхъ настроеній и похмѣльной тоски кончается существованіе маленькаго студента, мечтавшаго о большихъ вещахъ.

Что погубило его?

— Русская дѣйствительность,—скажетъ другой Чижъ,—отсутствіе возможности борьбы, свѣтлыхъ стремленій, дѣятельности,— скука и грязь провинціальнаго городишки...

Но это—безсильная и скверная ложь! Чижа погубила именно эта ложь, потому что онъ самъ думалъ такъ.

Чижу, кажется, что можно допускать въ свою душу скуку и мракъ, немножко подвывать отъ жизненныхъ неудачъ, немножко развратничать, немножко сквернословить, жить въ грязи и гадости и рѣшать вопросы мірозданія. И если при такихъ условіяхъ вопросы мірозданія не хотятъ рѣшаться, то виноваты они, эти вопросы и все мірозданіе, а совсѣмъ не онъ—Чижъ, потому что онъ жертва условій и обстоятельствъ, и „провинціальной тины“ и „русской дѣйствительности“.

Все это—софистика слабости.

Послѣ жестокаго пьянства, съ головокруженіемъ, съ мучительной тошнотой, со сверлящей болью въ головѣ, съ распущенными нервами, съ невозможностью на секунду сосредоточить на чемъ-нибудь вниманіе, нельзя ѣхать верхомъ на горячей лошади, каждую минуту готовой испугаться, броситься въ сторону, помчаться на домъ, на дерево, начать капризничать или играть, притворяясь, что капризничаетъ или пугается. Это физически невозможно! Лошадь сброситъ при такихъ условіяхъ даже опытнаго ѣздока, а тѣмъ болѣе новичка, при каждомъ толчкѣ теряющаго стремена. — Тутъ нужно все вниманіе, все самообладаніе, все спокойствіе. Чѣмъ раздраженнѣе и пугливѣе лошадь, тѣмъ спокойнѣе и хладнокровнѣе долженъ быть ѣздокъ. Онъ долженъ видѣть все кругомъ и впереди раньше лошади, ни въ какомъ случаѣ и ни отъ чего не долженъ пугаться или сердиться, тогда онъ можетъ сдѣлать съ лошадью все, что хочетъ.

А для этого онъ долженъ быть прежде всего весь собранъ, весь въ рукахъ у самого себя, готовый каждую секунду вложить *всего себя* въ то или другое движеніе.

Но гдѣ ужъ тутъ думать о сосредоточіи всѣхъ силъ и всего вниманія, когда желудокъ переворачивается отъ тошноты, когда „мутитъ“ и „тянетъ“, и раскалывается на части голова, и сердце останавливается, и хочется только „поскорѣй умереть“. Нѣтъ, тутъ ужъ нечего думать, нужно скорѣе бросать поводья и стремена и падать безъ всякой попытки борьбы.

И въ такомъ состояніи, когда нѣтъ силъ просто держаться на лошади, нельзя стремиться къ какой-нибудь цѣли, нельзя скакать на большой призъ, нельзя брать препятствія.

Ѣздокъ передъ скачкой долженъ тренироваться, привыкнуть къ усталости, къ головокружительной быстротѣ, долженъ умѣть опытнымъ глазомъ разбираться въ мелькающихъ кругомъ предметахъ, и главное онъ долженъ быть во всеоружіи своихъ силъ и способностей. Онъ не долженъ быть ни разсѣяннымъ, ни больнымъ, ни усталымъ; долженъ передъ скачкой правильно ѣсть, правильно спать, не пить, быть здоровымъ и бодрымъ. Ни одному жокею не придетъ въ голову скакать „съ похмѣлья“. Онъ прекрасно знаетъ, что сломаетъ себѣ шею. И не можетъ онъ на сѣдлѣ отдаваться тоскѣ и скукѣ по поводу своихъ жизненныхъ неудачъ или несовершенствъ мірозданія. Если, ставя ногу въ стремя, онъ не оставитъ всего этого внизу, на землѣ, то первый же ровъ или первая изгородь покончатъ его скачку.

Все это знаетъ каждый жокей, но увы не знаетъ бѣдный маленькій Чижъ. Онъ не знаетъ правилъ и условій скачки, не понимаетъ и не сознаетъ своего участія въ ней. А положеніе его, послѣ того, какъ онъ коснулся идей вѣчнаго, именно таково. Онъ уже не пѣшеходъ въ рваныхъ калошахъ. Онъ уже на конѣ, несущемъ его въ неизвѣстную даль. И онъ долженъ держаться или падать, хочетъ онъ этого, или не хочетъ. Въ этомъ и заключается главная трагедія Чижа, что онъ не сознаетъ скачки, не ощущаетъ коня, не держитъ поводьевъ, *самому себѣ кажется пѣшеходомъ въ рваныхъ калошахъ*, тогда какъ на дѣлѣ ничего этого давно уже нѣтъ, и онъ въ дѣйствительности былъ бы безконечно далекъ отъ провинціальнаго городишки, *если бы только онъ это созналъ*.

Исканіе вѣчнаго, стремленіе къ безконечному это—начало бѣшеной скачки съ препятствіями къ чуть видной и временами исчезающей цѣли.

Это—steeple chase, „погоня за шпицемъ“, когда цѣлью скачки берется далекая, чуть видная на горизонтѣ колокольня, и къ ней пускаются ѣздоки, кто какъ можетъ, кто какъ хочетъ, безъ дороги, черезъ лѣса, черезъ поля.

Такая „скачка на колокольню“ начинается въ душѣ человѣка,

когда онъ коснется вопросовъ вѣчнаго. Онъ видитъ вдали свой шпицъ. Но онъ не видитъ лежащихъ между нимъ и колокольней враговъ, болотъ, ручьевъ, изгородей и зарослей кустарника. Онъ пускается къ своей цѣли и въ первой же низинѣ теряетъ ее. Ее больше не видно! Гдѣ она, въ какой сторонѣ? Тутъ начинается самое трудное. Ѣздокъ долженъ помнить и ни на одну секунду не забывать, *что цѣль есть*, что онъ видѣлъ ее. И онъ долженъ правильно держать направленіе, даже тогда, когда совершенно не видно цѣли.

И онъ не можетъ разрѣшать себѣ тоски и унынія, ничего ослабляющаго, разбивающаго вниманіе. Онъ не можетъ позволять себѣ тратить, разбрасывать силы, не можетъ забывать, что онъ на конѣ, что передъ нимъ свѣтлая цѣль, и что одного мгновенія слабости или невниманія достаточно для того, чтобы потерять направленіе, которое послѣ уже не найдешь, или просто полетѣть въ оврагъ съ конемъ и со всѣмъ.

Исканіе вѣчнаго это — скачка по *внутреннему кругу*, къ внутренней цѣли, черезъ внутреннія препятствія. Чтобы побѣдить въ этой скачкѣ, нужно прежде всего чувствовать „настроеніе скачки“, не принимать ее за мертвое сидѣнье на одномъ мѣстѣ — и затѣмъ нужно постоянное и неослабное „держаніе себя въ рукахъ“, постоянная и неослабная внутренняя тренировка.

Чижъ весь одна распущенность. На первыхъ же страницахъ романа мы видимъ его, подавленнаго скукой, отдающагося ей безъ всякой борьбы.

„Скука дьявольская магія“ *), — она больше всего на свѣтѣ внутренно ослабляетъ человѣка, лишаетъ его внутренняго „упора“, упругости, силы сопротивленія.

Человѣку, ставящему себѣ свѣтлыя цѣли, нужна внутренняя свѣтлость. Чижъ самъ подготовлялъ тотъ мракъ, который окуталъ его въ послѣдніе дни его жизни. Его постоянные прорывы маленькой и безсильной злобы и досады, нечистыя и опять безсильныя поглядыванія на Лизу, циническія словечки... все это *не тренировка* для тѣхъ идей, за которыя онъ берется.

Извѣстная моральная тренировка такъ же необходима для подхожденія къ нѣкоторымъ идеямъ, какъ физическая тренировка необходима для скачки съ препятствіями.

Сравненіе „исканій вѣчнаго“ со скачкой не простая метафора. Въ умѣ человѣка, касающагося глубинъ и высотъ мірозданія, дѣйствительно начинается *скачка идей*, за которой онъ долженъ умѣть

*) Н. Бердяевъ.—„Философія свободы“.

поспѣвать, и которой онъ долженъ умѣть давать мѣсто и просторъ. Въ эту скачку не должны вмѣшиваться рваныя калоши и маленькія личныя озлобленія на жизнь. Когда въ скачкѣ идей рядомъ со сверхчеловѣкомъ несутся рваныя калоши, дѣло очень скверно.

У Чижа все это спутано, все не раздѣлено, все мѣшаетъ одно другому. Поэтому его такъ легко и сбрасываетъ съ себя жизнь, уносясь въ своемъ бѣшеномъ бѣгѣ.

Конечно, очень легко морализировать о необходимости гармоніи и внутренняго единства, но совсѣмъ не такъ легко создать эту гармонію, *когда ее нѣтъ*. Какъ ни важенъ и какъ не самодовлѣющъ внутренній міръ, на немъ не можетъ не отражаться дисгармонія внѣшняго міра. Что же подѣлать, если человѣкъ чувствуетъ дисгармонію жизни? Вѣдь нельзя его заставить чувствовать гармонію. — Остается только одно, осознать необходимость и неизбѣжность дисгармоніи міра (т. е. понять, что *съ точки зрѣнія отдѣльнаго Я* гармоніи быть не можетъ) понять ее, понять невозможность гармоніи *и съ этимъ научиться жить!*

Съ гармоніей жить не трудно... Но она часто покупается большими уступками:—отдачей своей воли, предрѣшеннымъ ограниченіемъ горизонтовъ и т. п. Такой цѣной ее лучше не надо.

Что требуется, это: научиться жить своей волей, не ограничивая горизонта; сознавая *невозможность* рѣшить уравненіе съ безконечнымъ числомъ неизвѣстныхъ, называемое жизнью—*и всетаки не падать.*

„Убей въ себѣ желаніе утѣшенія“. (Kill out desire of comfort) говоритъ авторъ „Свѣта на пути“.

Если невозможна гармонія, нужно по крайней мѣрѣ научиться не смѣшивать большое съ маленькимъ, вѣчное съ временнымъ; думая о калошахъ, не думать о сверхчеловѣкѣ, а, думая о сверхчеловѣкѣ, не думать о калошахъ.

Нужно понять, что это типичное русское смѣшеніе всего въ одну кучу и опошленіе великаго пристегиваніемъ къ нему смѣшного и жалкаго есть просто результатъ умственной распущенности, отсутствія дисциплины мысли, въ свою очередь являющейся въ результатѣ отсутствія правильной тренировки моральной и интеллектуальной.

Затѣмъ, подходя къ вопросамъ вѣчнаго, нужно понять *ихъ стиль*, нужно понять, что есть вещи, которыя съ ними соединяться не могутъ и не должны.

Возможны паденія, *но не всякія*. Есть такія паденія, которыя уже недопустимы для людей, ощутившихъ вкусъ вѣчнаго.

Въ ужасѣ и смятеніи послѣ убійства старухи, Раскольниковъ у Достоевскаго вдругъ соображаетъ, что „Наполеонъ не лазилъ по укладкамъ“, не рылся въ какихъ-то сундучкахъ подъ кроватью старухи-ростовщицы. И молніей у него въ умѣ вдругъ пробѣгаетъ сознаніе, что въ этомъ и есть разница между нимъ и Наполеономъ, что онъ просто убійца, „преступникъ“, и больше ничего. А потомъ онъ сознаетъ, что даже и, какъ простое убійство, его дѣло не удалось и не могло удасться, потому что въ немъ опять не было стиля, потому что „не барское дѣло съ топоромъ ходить“.

Раскольниковъ тоже человѣкъ полный исканій вѣчнаго. „Убійство“ не можетъ сочетаться съ этими исканіями.

Чижъ не убиваетъ, но онъ постепенно и систематически отравляетъ себя бездѣльемъ, скукой, нерѣшимостью чувствовать и желать. Его желанія слабы и безсильны. Онъ облизывается на Лизу и на Женечку и на другихъ женщинъ, но даже тутъ не въ силахъ показать себя въ чемъ-нибудь активномъ.

Несчастіе Чижа еще въ томъ, что онъ „студентъ“ да еще „высланный“. Это создаетъ у него въ умѣ очень опредѣленное представленіе о себѣ самомъ, представленіе, съ которымъ прежде всего не вяжется никакая мысль о работѣ. Ему уже нуженъ „интеллигентный трудъ“. Интеллигентный трудъ заключается въ томъ, чтобы сидѣть и зѣвать отъ скуки съ мальчишками Треуголовыми. Чижу даже и въ голову не приходитъ мысль, что любой физическій трудъ является безконечно лучшей рамкой и обстановкой для тѣхъ мыслей, какія его занимаютъ, чѣмъ его „интеллигентное“ провожденіе времени.

Если бы той же сѣрой и скучной осенью, въ этомъ же самомъ городишкѣ, Чижъ догадался бы пойти копать картофель или рубить капусту, то въ результатѣ онъ, вѣроятно, не повѣсился и навѣрное бы „выравнялся“ въ своемъ внутреннемъ steeple chase.

Физическій трудъ не панацея отъ всѣхъ человѣческихъ бѣдъ. Люди, которымъ предоставлено судьбой копать картофель или рубить капусту, сколько они хотятъ, мало выигрываютъ отъ этого. *Но для Чижа* это могло бы быть спасеніемъ, если бы онъ сумѣлъ подойти къ этому *просто*, безъ всякихъ мыслей „о четырехъ упряжкахъ“ и о спасеніи человѣчества при помощи копанія картофеля.

Но бѣда Чижей въ томъ, что они уже ничего не могутъ сдѣлать просто, а все съ ужимкой. Для всего у нихъ есть названія, на все наклеены ярлычки. Физическій трудъ—на языкѣ Чижа, это будетъ значить „толстовство“ или „опрощеніе“. Но какъ было бы хорошо, если бы онъ просто могъ покопать картофель безъ „толстовства“ и безъ опрощенія“, и вообще безъ идей. Просто картофель

ради картофеля! Отъ „идей“ тоже нужно умѣть отказываться временами.

Вообще очень жаль, что многимъ изъ „героевъ послѣдней черты“ не пришла въ голову простая и спасительная мысль, что ничто въ ихъ жизни не оправдываетъ *некопаніе ими картофеля.*

Вѣдь въ сущности они всѣ очень простые люди, безъ всякихъ особенныхъ внутреннихъ „зигзаговъ“, загадочнаго и фатальнаго въ нихъ ничего нѣтъ.—Поэтому такое простое средство могло бы оказаться для нихъ самымъ дѣйствительнымъ. Они просто всѣ перевернуты внутренно, а перевернулись отъ неумѣнія мыслить и бездѣлья. Физическая усталость, которая даетъ крѣпкій сонъ, является прекраснымъ средствомъ для тренировки Я, когда Я начинаетъ ощущать свое родство съ безконечнымъ. Безнаказанно жить однимъ внутреннимъ міромъ могутъ только люди очень высокой внутренней культуры. Болѣе простымъ людямъ нужна работа, *занимающая время,* и физическій трудъ въ этомъ случаѣ—самое лучшее, что можетъ быть.

И, кто знаетъ, если бы Чижу, Арбузову, корнету Краузе, Треневу кто нибудь во-время посовѣтовалъ бы просто *работать,* и если бы они согласились послѣдовать этому совѣту, то, можетъ быть, ходъ событій былъ бы совсѣмъ другой.

И, можетъ быть, тогда „писатель Арцыбашевъ“ не написалъ своего романа, а если бы и написалъ, то не могъ бы всетаки расправиться со всѣми своими героями такъ, какъ въ прежнія времена расправлялись пираты съ пассажирами захваченнаго въ морѣ корабля.

О сверхчеловѣкѣ.

Es gibt kein Aussen! Aber das vergessen wir b·i allen Tönen...
„Also sprach Zarathustra".

Нѣтъ ничего внѣ насъ! Но это забываемъ мы при всякомъ звукѣ.
„Такъ говорилъ Заратустра".

Идея сверхчеловѣка существовала у всѣхъ народовъ и во всѣ вѣка. Мѣнялась только ея форма и мѣсто, которое отводили сверхчеловѣку во времени.

Иногда сверхчеловѣка видѣли въ прошломъ, въ „золотомъ вѣкѣ", въ сказочномъ быломъ; иногда ждали въ будущемъ; иногда предполагали въ настоящемъ—въ неизвѣстныхъ странахъ, за морями, за непроходимыми пустынями, за горными цѣпями,

Но такъ или иначе люди всегда вѣрили, что были, есть или будутъ существа могущественнѣе и сильнѣе ихъ, и существа не божественныя, а смертныя. Сказанья и легенды всѣхъ древнихъ народовъ полны такими сверхлюдьми. Всѣ мистическія поэмы и преданія Индіи говорятъ о герояхъ, царяхъ, пустынникахъ и святыхъ, обладавшихъ необыкновенной долговѣчностью, жившихъ тысячи и десятки тысячъ лѣтъ, имѣвшихъ даръ провидѣнія будущаго и другія „сверхчеловѣческія" силы и способности. Въ греческихъ миѳахъ, кромѣ боговъ и людей, очень большое мѣсто занимаютъ *полубоги*—или ведущіе борьбу съ богами, или являющіеся ихъ посланниками и исполнителями ихъ воли. Титанъ, похитившій у неба огонь и принесшій его на землю, это и есть сверхчеловѣкъ, родственный и богамъ, и людямъ. Въ легендахъ, въ сказкахъ, въ былинахъ всѣхъ народовъ мы встрѣчаемъ великановъ, богатырей, волшебниковъ—и въ этихъ образахъ всегда заключено представленіе данной эпохи о сверхчеловѣкѣ.

Идея сверхчеловѣка никогда не покидала сознанія человѣчества. Всѣ древніе народы вѣрили въ предшествовавшія имъ расы гигантовъ. Находили даже оставленные ими памятники,—„циклопическія постройки"; объясняли работой исчезнувшихъ великановъ

разные курьезы природы, естественные мосты, неожиданныя нагроможденія скалъ среди равнинъ и т. п. И, видя эти памятники, люди не хотѣли вѣрить, что таинственныя и могущественныя существа исчезли совсѣмъ съ лица земли—наоборотъ, всегда вѣрили, что они *гдѣ то* живутъ.

Но въ то же время, даже вѣря въ сверхчеловѣка въ прошедшемъ или въ настоящемъ—люди всегда ждали его въ будущемъ, какъ спасителя человѣчества или освободителя народа, какъ мессію, вождя, пророка, царя.

Образъ сверхчеловѣка слагался изъ очень сложныхъ элементовъ. Это былъ всегда продуктъ народнаго творчества, вкладывавшаго сюда представленія, возникавшія изъ очеловѣченія грозныхъ силъ природы или соединявшаго въ одинъ образъ смутныя свѣдѣнія о какомъ нибудь другомъ дикомъ или наоборотъ болѣе культурномъ племени.

Такъ разсказы о людоѣдахъ, приносимые путешественниками, соединялись въ сознаніи древнихъ грековъ въ образъ циклопа Полифема, пожравшаго спутниковъ Одиссея. Неизвѣстный народъ, неизвѣстная раса очень легко превращались въ миѳахъ въ одно сверхчеловѣческое существо.

Большую роль здѣсь играло смутное ощущеніе того или другого „коллективнаго сознанія“ народа, расы, племени. „Коллективное сознаніе“, дружественное или враждебное—*душа народа*,—въ народномъ творчествѣ принимало формы и образъ сверхчеловѣческаго существа. Древніе народы художественной интуиціей всегда ощущали свою коллективную душу и души другихъ народовъ, и эти ощущенія выливались у нихъ въ аллегорическіе образы миѳовъ.

Но наше время начало искать въ идеѣ сверхчеловѣка *новой* реальности. Мы не вѣримъ больше въ сверхчеловѣка въ прошедшемъ, не надѣемся встрѣтить его въ настоящемъ. Глубоко проникшій матеріализмъ уничтожилъ въ сознаніи людей ощущеніе *души народа*. Это ощущеніе больше не доходитъ до сознанія, и народное творчество миѳовъ прекратилось. Сверхчеловѣческіе образы въ искусствѣ, какъ Фаустъ или Манфредъ, остаются мало понятными. Наше время строитъ иное пониманіе сверхчеловѣка, и, исходя изъ своихъ обычныхъ позитивныхъ воззрѣній, оно представляетъ его себѣ только въ будущемъ, какъ новый типъ человѣка.

Идея сверхчеловѣка въ умѣ современнаго человѣчества стала идеей *будущаго людей*. Сверхчеловѣкъ это—будущій человѣкъ. И

въ этомъ видѣ идея сверхчеловѣка является замѣчательно яркимъ признакомъ отношенія къ будущему. Смотритъ человѣкъ на будущее съ точки зрѣнія идеи сверхчеловѣка или нѣтъ, это мѣняетъ весь характеръ его міросозерцанія.

Всѣ *теоріи будущаго* различаются между собой именно своимъ отношеніемъ къ идеѣ сверхчеловѣка. Это—ихъ основной признакъ дѣленія. И несчастіемъ преобладающихъ общественно-историческихъ теорій нашего времени, и показателемъ ихъ бѣдности является именно то, что часто въ нихъ нѣтъ идеи сверхчеловѣка, что онѣ не разсматриваютъ историческій процессъ, какъ путь къ сверхчеловѣку.

Мы плохо понимаемъ, что именно идея сверхчеловѣка опредѣляетъ характеръ общественныхъ теорій—дѣлаетъ ихъ высокими и яркими или сѣрыми и плоскими; потому что ничего нельзя представить себѣ болѣе скучнаго и мѣщански ограниченнаго, чѣмъ теорія будущаго безъ идеи сверхчеловѣка.

Но есть направленія мысли, которыя и въ наше время разсматриваютъ путь человѣчества именно, какъ медленное и трудное восхожденіе на новую ступень. И рядомъ съ теоріями, такъ сказать потерявшими сверхчеловѣка, существуютъ системы, цѣликомъ основанныя на этой идеѣ.

Среди нихъ очень интересное мѣсто занимаетъ теософическая система Блаватской и ея послѣдователей: Анни Безантъ и другихъ. Эта система имѣетъ много развѣтвленій, создала большую литературу, затрагиваетъ самыя разнообразныя области, принимаетъ у нѣкоторыхъ авторовъ очень индивидуальный характеръ, но ее всегда можно узнать по идеѣ сверхчеловѣка, проникающей всѣ ея построенія, относящіяся къ человѣку и человѣчеству. Идея сверхчеловѣка особенно интересна здѣсь по тѣмъ *этическимъ* принципамъ, которые изъ нея выводятся. Моральная сторона занимаетъ преобладающее мѣсто въ теософическихъ ученіяхъ—и это есть *моралъ сверхчеловѣка.*

Затѣмъ большую роль играетъ идея сверхчеловѣка во всѣхъ параллельныхъ символическихъ системахъ „герметической философіи“, во всемъ „западномъ оккультизмѣ“ и въ масонскихъ ученіяхъ. Вся „магія“ основана на идеѣ возможности превратить человѣка въ „мага“ или въ сверхчеловѣка. *Колода картъ* „Таро“, рисуя отношенія между Богомъ, человѣкомъ и вселенной, въ то же время рисуетъ путь отъ человѣка. (*Безумный*) къ сверхчеловѣку—*Магъ* (въ старинныхъ Таро—*Le Bateleur*). Съ этими системами тѣсно связаны ученія различныхъ мистическихъ школъ и отдѣльныхъ мистиковъ.

Много общаго съ ними имѣетъ міровоззрѣніе Ницше, у котораго тоже такое большое мѣсто занималъ „сверхчеловѣкъ“, очень близкій по идеѣ къ *„Посвященному“* западнаго оккультизма.

Вообще всѣ философскія системы, связанныя съ религіознымъ пониманіемъ міра (хотя бы внѣ всякаго культа), заключаютъ въ себѣ идею сверхчеловѣка, являющагося посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ (между конечнымъ и безконечнымъ).

Но въ настоящее время въ Европѣ для обычнаго позитивнаго міропониманія идея сверхчеловѣка стоитъ какъ то обособленно какъ своего рода философскій курьезъ, не связанный ни съ чѣмъ другимъ. Матеріалистическая западная мысль не умѣетъ рисовать идею сверхчеловѣка въ нужныхъ тонахъ, всегда искажаетъ эту идею, боится ея конечныхъ выводовъ, а въ своихъ соціально-политическихъ теоріяхъ отрекается отъ нея, не замѣчая того, что вмѣстѣ съ идеей сверхчеловѣка она отрекается отъ *идеи эволюціи.*

Это отреченіе странно потому, что оффиціально признанной основой позитивныхъ взглядовъ на человѣка и на весь міръ является эволюціонная теорія.

Мы знаемъ, и это знаемъ уже твердо, что ничто не появилось на землѣ въ готовомъ видѣ. Все развивалось изъ чего-нибудь низшаго, болѣе простого. И точно такъ же мы знаемъ, что ничто не стоитъ, все движется, все эволюціонируетъ, все развивается, все усложняется, все утончается, все совершенствуется. Процессъ эволюціи мы видимъ или во всякомъ случаѣ признаемъ во всей природѣ—эволюціонируютъ солнечная система, міры, эволюціонируетъ вся жизнь на землѣ, эволюціонируютъ виды растеній и животныхъ, эволюціонируютъ знанія человѣка, эволюціонируютъ формы общественно-политической жизни, законы, учрежденія—только *человѣкъ* въ представленіи нашихъ теорій будущаго всегда остается „неизмѣннымъ“. Мы такъ привыкли къ этому взгляду, что не замѣчаемъ всей его несообразности и глубокаго противорѣчія съ основаніями нашего собственнаго пониманія міра. Когда мы смотримъ впередъ, мы видимъ, что все внѣшнее должно мѣняться и мѣняется, но перемѣнъ *въ человѣкѣ* мы представить себѣ не можемъ.

Мы не умѣемъ примѣнять идеи эволюціи къ человѣку, не умѣемъ даже думать объ этой эволюціи рисуемъ себѣ все, кромѣ нея. Представляемъ себѣ въ будущемъ новый строй, новыя учрежденія, а человѣка всегда видимъ такимъ же, какой онъ есть теперь.

Между тѣмъ выдѣлить человѣка изъ общаго хода жизни, вы-

нести его изъ колеса эволюціи, конечно, невозможно. *Человѣкъ* внутренно растетъ, эволюціонируетъ такъ же, какъ и все остальное. И поэтому всѣ теоріи будущаго, которыя переносятъ въ даль такого человѣка, какой онъ есть сейчасъ, глубоко ложны. Если все развивается, если все эволюціонируетъ, если все переходитъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ, то и внутренній типъ человѣка непремѣнно долженъ эволюціонировать, развиваться, стремиться къ превращенію въ высшій типъ. И это превращеніе должно итти непрерывно и безостановочно. Если мы признаемъ, что существующіе виды и типы не явились на землѣ готовыми, а развились изъ низшихъ, то мы должны будемъ признать, что изъ существующихъ типовъ должны развиваться высшіе. При этомъ развитіе новаго типа совершается за счетъ исчезновенія стараго. Новый типъ, создаваясь изъ стараго, какъ бы преодолѣваетъ, побѣждаетъ его, занимаетъ его мѣсто.

Объ этомъ говоритъ Заратустра у Ницше.

«Я учу васъ о сверчеловѣкѣ. *Человѣкъ есть нѣчто, что должно быть преодолѣно.* Что сдѣлали вы, чтобы преодолѣть человѣка?

. . . . . .

Что такое обезьяна по отношенію къ человѣку?—Посмѣшище или мучительный позоръ. И тѣмъ же самымъ долженъ быть человѣкъ для сверхчеловѣка—посмѣшищемъ или мучительнымъ позоромъ.

. . . . . .

Даже мудрѣйшій изъ васъ это только форма, колеблющаяся «между привидѣніемъ и деревомъ»

. . . . . .

Человѣкъ—это канатъ надъ пропастью... Опасно прохожденіе, опасно остаться въ пути, опасенъ взоръ, обращенный назадъ, опасны страхъ и остановка.

. . . . . .

Въ человѣкѣ важно то, что онъ мостъ, а не цѣль; въ человѣкѣ можно любить только то, что онъ переходъ и уничтоженіе».

Вотъ эти слова Заратустры къ сожалѣнію не вошли въ обиходъ нашей мысли. И, когда мы рисуемъ себѣ картины будущаго, мы такъ сказать потакаемъ въ нихъ тѣмъ сторонамъ человѣческой природы, которыя должны быть отброшены на пути.

Что въ сущности представляетъ собой стремленіе создать идеальный порядокъ *изъ борьбы противоположныхъ интересовъ*, воспользовавшись классовымъ антагонизмомъ, недовольствомъ и пр., какъ не попытку санкціонировать и утвердить тѣ стороны жизни, которыя должны быть отброшены *совсѣмъ*.

Homo homini lupus—на признаніи этого строятся всѣ современныя теоріи политической и классовой борьбы.

Человѣкъ человѣку—волкъ. Нужно только заключить въ надле-

жащія рамки эти волчьи инстинкты людей; надѣть на волковъ хорошіе намордники, посадить ихъ на крѣпкія цѣпи или запереть въ прочныя клѣтки, и они не будутъ грызть другъ друга, а будутъ счастливо плодиться и множиться.

Мысль о томъ, что волчьи инстинкты нужно *уничтожать*, а не *утилизировать*, здѣсь даже не возникаетъ. Все волчье въ человѣкѣ считается *даннымъ*, съ которымъ нужно оперировать, не предполагая возможности его измѣненія.

Этотъ окаменѣлый взглядъ на человѣка считается непремѣнной принадлежностью нашихъ прогрессивныхъ общественныхъ теорій. Всѣ эти теоріи за исключеніемъ немногихъ, не пользующихся популярностью, имѣютъ въ виду только *человѣка* и его будущее. Онѣ стремятся устроить жизнь *человѣка*, дать *человѣку* возможное счастье; освободить *человѣка* отъ ненужныхъ страданій, отъ несправедливости и пр. Вся ихъ цѣль въ человѣкѣ и для человѣка. Представляя себѣ будущее, эти теоріи все хотятъ подчинить *человѣку*, совершенно не желая считаться съ реальнымъ фактомъ, что самъ человѣкъ долженъ измѣниться и непрерывно мѣняется. И онѣ хотятъ строить, не имѣя въ виду, что долженъ притти *новый хозяинъ*, которому можетъ совсѣмъ не понравиться все, что построено и начато.

Наши общественныя теоріи рисуютъ себѣ идеальный строй, идеальныя учрежденія, но идеальныя для *современнаго* человѣка.

И, проникаясь этими теоріями, люди стремятся создать наилучшія условія *для жизни* человѣка, не понимая того, что нужно создавать условія *для эволюціи человѣка*.

Условія общественныя и политическія оцѣниваются съ точки зрѣнія *настоящаго*, а не съ точки зрѣнія *будущаго*. И при этомъ все вниманіе обращается исключительно на внѣшнее; внутреннее считается только продуктомъ внѣшняго. Сторонники матеріалистическаго пониманія исторіи совершенно не хотятъ знать, что тотъ или другой общественный и политическій строй является только отраженіемъ внутренняго строя людей данной эпохи, даннаго народа, данной страны.

Разумѣется, взглядъ на человѣка съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи ни для кого не является тайной и логически вытекаетъ изъ основныхъ положеній даже строго позитивнаго пониманія міра. Но мы очень хорошо умѣемъ забывать этотъ взглядъ, когда онъ нарушаетъ стройность и послѣдовательность искусственно созданныхъ системъ. И когда для этихъ системъ нужно, чтобы *человѣкъ* былъ чѣмъ то устойчивымъ и постояннымъ, мы совер-

шенно забываемъ, что человѣкъ, это — переходная форма, которую никогда нельзя брать безъ отношенія ея къ низшей, предшествующей и къ высшей, послѣдующей.

Разумѣется, съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи всякая форма есть переходная между низшей и высшей. Но есть болѣе установившіеся виды, болѣе, такъ сказать, прочные, болѣе долгіе, болѣе опредѣленные—и есть явно неустойчивые, явно колеблющіяся между двумя крайностями. Такія колеблющіяся формы какъ будто совмѣщаютъ въ себѣ различные типы, заключаютъ въ себѣ черты, совершенно несвязанныя одна съ другой, несовмѣстимыя, противоположныя, не могущія ужиться вмѣстѣ.

Именно таковъ человѣкъ. Это — форма, переходная по преимуществу,—двигающаяся, становящаяся, мѣняющаяся почти на нашихъ глазахъ. Даже для самаго поверхностнаго взгляда, если только онъ не связанъ заранѣе какими нибудь теоріями, человѣкъ— совершенно неопредѣлившееся существо, сегодня иное, чѣмъ вчера, завтра иное, чѣмъ сегодня.— такое существо, изъ котораго непремѣнно долженъ выработаться новый, болѣе устойчивый типъ.

Въ человѣкѣ борется столько противоположныхъ началъ, что гармоническое существованіе ихъ всѣхъ вмѣстѣ, гармоническое сочетаніе, совершенно невозможно. Душа человѣка слишкомъ сложная комбинація, чтобы всѣ кричащіе въ ней голоса могли соединиться въ одинъ согласный хоръ! Въ человѣкѣ живутъ всѣ царства природы. Человѣкъ, это — маленькая вселенная. Въ немъ идетъ непрерывная смерть и непрерывное рожденіе, ежесекундное поглощеніе одного *существа* другимъ, пожираніе слабаго сильнымъ, идетъ эволюція и вырожденіе, ростъ и вымираніе. Въ человѣкѣ есть все отъ минерала до Бога. И желанія Бога въ человѣкѣ, т. е. стремленія его духа, сознающаго свое единство съ безконечнымъ сознаніемъ вселенной, не могутъ быть гармоничны съ инерціей камня, съ его стремленіемъ кристаллизоваться, съ соннымъ переливаніемъ соковъ въ растеніи и съ медленнымъ поворачиваніемъ къ солнцу; съ голосомъ крови животнаго — и съ „трехмѣрнымъ сознаніемъ“ *человѣка*, основывающемся на выдѣленіи *себя* изъ міра, на противопоставленіи міру своего Я и на признаніи реальности всѣхъ кажущихся формъ и дѣленій.

Человѣкъ невѣроятно сложное существо, не сознающее своей сложности. Поэтому именно отъ человѣка уходитъ, какъ его собственная тѣнь, мечта о счастьи, т. е. о гармоническомъ существованіи, о „соотвѣтствіи внутренняго съ внѣшнимъ“. И поэтому *счастье* возможно только въ мечтахъ, когда человѣкъ можетъ выдѣлить одну свою сторону, одно желаніе и забыть

объ остальныхъ. Чѣмъ больше человѣкъ внутренно развивается, тѣмъ ярче начинаетъ онъ ощущать *одновременно* разныя стороны своей души. И онъ начинаетъ желать такъ многаго, что уже никогда не можетъ имѣть *сразу все*, чего онъ хочетъ. Его воображеніе уноситъ его одновременно по разнымъ направленіямъ. Ему уже мало одной жизни, ему нужно десять, двадцать сразу. Ему нужно одновременно быть въ разныхъ мѣстахъ, съ разными людьми, въ разныхъ положеніяхъ, ему нужно совмѣстить несовмѣстимое и соединить несоединимое. Его духъ не хочетъ примиряться съ ограниченіями тѣла и матеріи, съ ограниченіями времени и пространства. Его воображеніе идетъ безконечно дальше возможностей осуществленія, такъ же какъ интуиція идетъ безконечно дальше опредѣленій и постиженій ума.

Даже въ чисто земныхъ стремленіяхъ человѣкъ все время забѣгаетъ умомъ далеко впередъ отъ реальной дѣйствительности. И поэтому такой грустной иронією звучатъ, ставшія обычными, громкія фразы о культурѣ и цивилизаціи, фразы, которыя произносятся и пишутся такъ легко, какъ будто дѣйствительно уже достигнуто или достигается все, о чемъ мечтали и мечтаютъ лучшіе умы человѣчества. Это стремленіе имѣть непремѣнно теперь и сейчасъ еще безконечно далекіе результаты только начатой работы приводитъ къ тому, что въ умахъ людей происходитъ какая то странная аберрація, и признаками культуры и цивилизаціи начинаетъ считаться *колоссальный ростъ* тѣхъ же самыхъ началъ, которыя составляли жизнь дикарей каменнаго вѣка.

Человѣкъ весь полонъ противорѣчій, и это показываетъ, что онъ никакъ не можетъ остановиться на существующей формѣ. Длительнымъ типомъ можетъ быть только типъ значительно болѣе гармоническій.

Сложная система души человѣка часто представляется *двойственной*, и для такого взгляда на нее есть серьезныя основанія. Въ каждомъ человѣкѣ какъ будто живутъ два существа: — одно, существо, охватывающее минеральный, растительный, животный и человѣческій, „пространственно-временной“ міръ, и другое существо— духовнаго міра. Одно—существо прошлаго. Другое—существо будущаго. И прошлое съ будущимъ находятся въ вѣчной борьбѣ, въ вѣчномъ конфликтѣ въ душѣ человѣка. Одно принадлежитъ міру формъ, другое міру идей. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что душа человѣка—это *поле борьбы прошлаго съ будущимъ*.

Это самое говоритъ Заратустра у Ницше.

— Я отъ сегодня и отъ прежде; но есть во мнѣ нѣчто отъ завтра, отъ послѣзавтра и отъ нѣкогда.

Переходныя формы обладаютъ многими общими свойствами. Законы эволюціи вездѣ и всегда одинаковы, и *перехожденіе* мы можемъ изучать не только въ живомъ мірѣ, гдѣ новые типы развиваются медленно, ускользая отъ нашего непосредственнаго наблюденія, но, напримѣръ, въ области общественно-политическихъ формъ и учрежденій, измѣняющихся и эволюціонирующихъ на нашихъ глазахъ. Мы часто видимъ направленія и учрежденія двойственнаго характера, по внѣшности, какъ будто стремящіяся выразить собой новый порядокъ вещей, но внутренно цѣликомъ принадлежащія старому и служащія къ его охраненію и поддержанію. Такія общественно-политическія явленія не могутъ существовать долго и не могутъ обмануть никого, кто смотритъ на нихъ сколько нибудь серьезно. Всегда есть вопросы, позволяющіе точно опредѣлить характеръ того, о чемъ идетъ рѣчь. Точно такъ же и въ человѣкѣ есть извѣстныя стороны его души, которыя сразу рисуютъ, въ какую сторону склоняется колеблющаяся форма.

Міровоззрѣніе человѣка, его пониманіе жизни и самого себя, его отношеніе къ *вѣчнымъ вопросамъ* создаются не случайно. Это не есть что либо внѣшнее, что можетъ измѣниться. Это показатель глубоко лежащаго внутренняго направленія.

Матеріализмъ и *идеализмъ*, это не *теоріи*, одинаково доступныя людямъ. Это какъ бы отраженія внутренняго душевнаго склада людей. Человѣкъ *не воленъ* избрать то или другое направленіе, онъ беретъ то, которое соотвѣтствуетъ его внутреннему міру. Онъ можетъ ошибиться, взять несоотвѣтствующее, но въ душѣ внутренно онъ будетъ слѣдовать другому.

Наше время характерно именно тѣмъ, что у людей подъ *исповѣдуемымъ матеріализмомъ* очень часто лежитъ *безсознательный идеализмъ*.

Матеріализмъ въ чистомъ видѣ необыкновенно консервативенъ. Матеріалистическое пониманіе исторіи связано съ глубокой и непоколебимой вѣрой въ силу и значеніе учрежденій. Учрежденіе, это — богъ матеріализма. Ему строятся величественные храмы, ему приносятся кровавыя гекатомбы. Люди трагически забываютъ, что это богъ, создаваемый и непрерывно поддерживаемый ихъ собственными руками. И тѣ, которые борятся противъ однихъ учрежденій, борятся въ пользу другихъ учрежденій. И эта борьба *между собой* только укрѣпляетъ и развиваетъ силу учрежденій. А люди, которые думаютъ, что борятся вообще противъ всѣхъ

учрежденій и называютъ себя „анархистами“, наиболѣе полезны для учрежденій, потому что они позволяютъ учрежденіямъ производить смотръ своимъ силамъ, демонстрировать свою силу и *неуничтожаемость*.

Люди совершенно забыли, что сила въ нихъ самихъ, а не въ учрежденіяхъ. И, по прекрасному выраженію Льва Толстого, они пытаются учрежденіями замѣнить тѣ свойства, которыми должны бы были обладать сами.

Если мы хотимъ разсмотрѣть жизнь человѣчества съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи и идеи сверхчеловѣка, то мы непремѣнно должны выяснить себѣ роль въ эволюціи—учрежденій съ одной стороны и внутреннихъ душевныхъ свойствъ съ другой стороны.

Всѣ современныя общественно-политическія „платформы“ требуютъ измѣненія учрежденій. Это считается альфой и омегой. Въ нѣкоторыхъ программахъ даже указывается, что соотвѣтствующее измѣненіе учрежденій остановитъ вырожденіе и будетъ содѣйствовать внутреннему прогрессу человѣчества. Но при этомъ совершенно упускается изъ виду, что, пока человѣкъ останется такимъ, какой онъ есть сейчасъ, т.-е. двойственнымъ, полозвичатымъ существомъ—съ инстинктами дикаря, съ пріемами варвара и со словами цивилизованнаго человѣка, то онъ всюду внесетъ свою двойственность и измѣнитъ на свой ладъ самыя идеальныя учрежденія; сдѣлаетъ то, что эти учрежденія тоже станутъ двойственными, такъ же будутъ расходиться со своей показной стороной, какъ расходится самъ человѣкъ.

Учрежденія, созданныя человѣкомъ, это — отраженія его самого. Они раздѣляютъ всѣ его достоинства и недостатки. Это—*зеркала*, въ которыхъ отражается человѣчество.

И если человѣчество будетъ мечтать объ измѣненіи зеркалъ прежде измѣненія своей собственной физіономіи, то эти мечты не дадутъ особенно большихъ результатовъ. Точно такъ же отрицаніе учрежденій, это—отрицаніе зеркалъ. Ихъ можно отрицать, сколько угодно, это мало поможетъ дѣлу. Можно даже перебить всѣ зеркала, но физіономія человѣчества отъ этого не измѣнится.

Говоря объ учрежденіяхъ, забываютъ еще одну очень важную вещь.—Учрежденія *всегда* принадлежатъ прошлому. Они создаются *сегодня*, сообразно требованіямъ и условіямъ *сегодняшняго дня*, для охраненія существующаго, установившагося порядка. Но проходитъ день, *сегодня* превращается во вчера, учрежденіе оказывается связаннымъ уже со вчерашнимъ днемъ. Оно уже охраняетъ порядокъ вчерашняго дня. Проходитъ столѣтіе, и учрежденіе уже оказывается связаннымъ съ прошлымъ столѣтіемъ,—охраняетъ поря-

докъ прошлаго столѣтія. Эволюціонировать одновременно съ жизнью учрежденіе не можетъ. Оно стоитъ, а жизнь уходитъ впередъ.

Учрежденіе всегда указываетъ на что нибудь прошлое, всегда охраняетъ что нибудь мертвое. И въ этой *охранительной* роли учрежденій отражена та сторона человѣческой природы, которая отдана прошедшему, которая борется съ будущимъ, которая тянетъ человѣка назадъ.

Но это совсѣмъ не значитъ, что учрежденія опасны и вредны для эволюціи, и что нужна какая нибудь борьба съ нимъ. Наоборотъ, борьба съ учрежденіями, переоцѣнивая ихъ значеніе, только мѣшаетъ настоящему внутреннему прогрессу человѣка. Вообще, если что нибудь вредно въ учрежденіяхъ, то только ихъ неправильное пониманіе, ненависть, которая на нихъ обрушивается, или надежды, которыя на нихъ возлагаются, потому что эти надежды или эта ненависть отводятъ силы отъ настоящей, *внутренней*, работы, направляютъ ихъ по невѣрному пути. Учрежденіе не можетъ служить будущему и не можетъ помѣшать ему. Будущее долженъ строить самъ человѣкъ въ своей собственной душѣ и только въ своей душѣ человѣкъ можетъ повредить будущему.

Учрежденія это знаки, которыя отмѣчаютъ пройденный путь. Это *маяки*, которые стоятъ на опасныхъ мѣстахъ, на такихъ мѣстахъ, гдѣ люди много разъ раньше терпѣли крушеніе. И эти маяки показываютъ, *куда нельзя направлять корабли*. Они освѣщаютъ тѣ пункты пройденнаго пути, куда не слѣдуетъ возвращаться. Это огни, которые свѣтятъ позади и по сторонамъ пути, а не впереди.

Идея сверхчеловѣка совершенно ясно показываетъ намъ роль и значеніе учрежденій въ нашей жизни. Она показываетъ намъ съ одной стороны неосновательность надеждъ, возлагаемыхъ *на внѣшнее*, и наивность вѣры въ возможность перемѣны внѣшняго безъ перемѣны внутренняго, а съ другой стороны—абсолютную ненужность активной борьбы съ учрежденіями, потому что это—война съ зеркалами.

Идея сверхчеловѣка, если ее вложить въ общественныя теоріи, дастъ всему совершенно новое освѣщеніе, покажетъ подъ новымъ угломъ вещи, которыя, казалось, мы уже знали, напомнитъ намъ, что *человѣкъ*—только временный гость, только пассажиръ на земномъ шарѣ, о чемъ мы всегда забываемъ.

На это могутъ возразить, что соціологія совсѣмъ не думаетъ о такомъ далекомъ времени, когда изъ человѣка выработается *новый видъ*, что она относится къ настоящему и къ непосредственному

ближайшему будущему. Но именно такое возраженіе указываетъ на схоластичность этой науки. Подобно всякой схоластикѣ, соціологія оперируетъ не съ живыми фактами, а съ сухими искусственными отвлеченіями. Соціологія, имѣющая дѣло со „среднимъ уровнемъ", не видитъ *рельефа горъ*, не понимаетъ того, что человѣчество, такъ же какъ отдѣльный человѣкъ, не представляетъ собой чего-либо плоскаго и однороднаго.

Человѣчество, такъ же какъ человѣкъ, это—горная цѣпь съ высокими снѣжными вершинами и глубокими провалами; да притомъ еще въ томъ неустановившемся геологическомъ періодѣ, когда все только образуется, формируется, когда проваливаются цѣлые горные хребты, образуются пустыни на мѣстѣ морей, вырастаютъ новые вулканы, заливаются кипящей лавой цвѣтущія поля, исчезаютъ и вырастаютъ материки, смѣняются ледниковые періоды. „Средній человѣкъ", съ которымъ только можетъ оперировать соціологія, въ дѣйствительности не существуетъ, точно такъ же не существуетъ ничего остановившагося, неподвижнаго.

Нельзя указать тотъ моментъ, когда *образуется* новый видъ, *Онъ образуется теперь*. Ростъ идетъ непрерывно. Никогда нѣтъ момента, когда что нибудь совершилось. Новый типъ человѣка. новая раса образуется *теперь* и среди насъ. Отборъ идетъ среди всѣхъ передовыхъ націй земного шара. И переживаемый нами моментъ особенно интересенъ тѣмъ, что это—моментъ начала *сознательнаго* проявленія новой расы, нахожденія и узнаванія другъ друга людьми новой расы. Уже вырабатываются лозунги и пароли. Получаютъ право на существованіе *слова*, значеніе которыхъ „темно иль ничтожно" для непосвященныхъ, но которыя говорятъ все, что нужно, тѣмъ, для кого они предназначены.

Появляются признаки, по которымъ люди новой расы могутъ узнавать другъ друга. Эти признаки исключительно внутренніе и именно поэтому несомнѣнные. Они заключаются главнымъ образомъ въ интересѣ къ извѣстному кругу идей, именно къ *внутреннему кругу*, къ кругу идей внутренняго міра, и не только въ отвлеченномъ интересѣ, а въ живомъ практическомъ отношеніи. Люди, для которыхъ на дѣлѣ, а не на словахъ, *внутреннее* значитъ больше *внѣшняго*; люди, которые *сознательно* отходятъ отъ *временнаго* и идутъ къ *вѣчному*, это—люди новой расы.

Идеализмъ—въ самомъ широкомъ пониманіи этого слова—является признакомъ людей новой расы.

Матеріализмъ и идеализмъ это—не отвлеченныя направленія мысли. И то, и другое является выраженіемъ глубочайшей внутренней сущности человѣка. Человѣкъ *не случайно* мыслитъ такъ,

а не иначе. Онъ мыслитъ такъ, какъ это соотвѣтствуетъ его внутреннему складу. Поэтому *слова* матеріализмъ и идеализмъ значатъ больше, чѣмъ мы думаемъ. Это средства отбора. То или другое направленіе мысли притягиваетъ къ себѣ соотвѣтствующихъ людей. И человѣкъ, *удовлетворяющійся* матеріалистическими объясненіями жизни природы, общественной и своей внутренней жизни, не находящій этихъ объясненій бѣдными, недостаточными, искусственными, полными противорѣчій, и не скрывающій самъ отъ себя подъ матеріалистическими формулами идеалистическихъ стремленій, это—человѣкъ другой расы, чѣмъ тотъ, который ищетъ, и не желаетъ удовлетвориться условными и относительными объясненіями.

Кромѣ этого признакомъ людей новой расы является высоко развитая *интеллектуальная совѣсть*. Мнѣнія, убѣжденія и взгляды для этихъ людей не являются чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ жизни, а наоборотъ *обязываютъ* ихъ дѣйствовать и жить согласно съ собой.

И въ настоящее время мы переживаемъ моментъ пробужденія самосознанія новой расы. Это самосознаніе изъ *инстинктивнаго* и смутнаго дѣлается *яснымъ*. Только тотъ, кто не желаетъ видѣть, можетъ не видѣть этого пробужденія. Прежнія границы странъ, національностей, соціальныхъ положеній стираются и исчезаютъ для людей новой расы, для людей Новаго Возрожденія. *Внѣшнія* препятствія и перегородки исчезаютъ, зато *внутреннія* дѣлаются необыкновенно реальными и непереходимыми. Люди близкіе и родные, но не понимающіе *новаго языка*, и враждебные ему, вдругъ дѣлаются далекими и чужими. А люди, родившіеся въ разныхъ концахъ земного шара, говорящіе на разныхъ языкахъ, встрѣчаясь на почвѣ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ идей, сразу *узнаютъ* другъ друга по отношенію къ этимъ идеямъ, сразу чувствуютъ взаимное родство. У нихъ оказывается *уже выработавшійся* общій языкъ. И люди, которые знаютъ этотъ языкъ, сразу принимаются въ общую семью. *Строеніе будущаго*, это—одна изъ главныхъ идей, объединяющихъ *новыхъ людей*. Но строеніе будущаго есть символъ отношенія къ настоящему. И люди будущаго узнаютъ другъ друга по своему отношенію къ настоящему. Въ нихъ всегда есть извѣстное безразличіе по отношенію къ настоящему и временному. Очень часто они не умѣютъ бороться, не умѣютъ конкурировать съ людьми болѣе простой, менѣе тонкой, организаціи. Если они умѣютъ бороться, они не умѣютъ или не хотятъ пользоваться результатами борьбы. Въ нихъ нѣтъ того сознательнаго или безсознательнаго шарлатанства, которое является непремѣннымъ спутникомъ практической жизни.

Временное для нихъ не имѣетъ реальной цѣнности. Если ихъ привычные взгляды и мнѣнія не даютъ имъ подойти къ вѣчному, то они жестоко страдаютъ, не удовлетворяясь обычной сонной пассивностью людей „быта“ или верченіемъ во внутреннемъ колесѣ душевныхъ „психологическихъ“ переживаній. Они смутно чувствуютъ нереальность всего этого и рвутся къ чему-то новому, свѣтлому; иногда погибаютъ „у послѣдней черты“, не понявъ сами себя; иногда, во-время услышавъ нужныя слова, вдругъ точно просыпаются и ясно видятъ все то, что до сихъ поръ только смутно чувствовали. Тогда они находятъ людей, подобныхъ себѣ, видятъ близкія себѣ свойства и стремленія тамъ, гдѣ раньше ихъ не замѣчали—вдругъ понимаютъ лозунги людей новой расы.

„Сверхчеловѣкъ“,—одинъ изъ этихъ лозунговъ.

Взглядъ на настоящее съ точки зрѣнія будущаго и реальное *даваніе* это—одинъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ людей новой расы. Они какъ будто живутъ въ будущемъ большей частью своего существа.

Бываютъ писатели, которые совершенно не умѣютъ писать для своего времени. И потомъ черезъ десятки или сотни лѣтъ ихъ вдругъ узнаютъ, находятъ, признаютъ. Они точно предчувствовали будущее, понимали всѣ его струны, умѣли играть на нихъ, а струнъ своего времени они не чувствовали, не замѣчали. — Шопенгауэръ, Стендаль, Уильямъ Блэйкъ... можно привести цѣлые десятки именъ людей, жившихъ въ будущемъ.

Глубокій живой интересъ къ будущему, который чувствуется у нѣкоторыхъ людей, и который выдѣляетъ ихъ изъ общей среды, всегда сопровождается извѣстной оторванностью отъ настоящаго.

Но иногда эта оторванность принимаетъ преувеличенныя формы. Человѣкъ отходитъ отъ настоящаго, не найдя еще прочной опоры въ будущемъ, принявъ за реальность созданія своего собственнаго воображенія. Ничего въ дѣствительности не давая, только мечтая что-то дать и наслаждаясь своими мечтаніями.

Люди вообще склонны принимать желаемое за существующее, воображаемое за возможное. И съ этой стороны склонность отдаваться мечтамъ о будущемъ, не представляя себѣ связи будущаго съ настоящимъ, таитъ въ себѣ большія опасности. Одна изъ очень опасныхъ иллюзій, это—излишній оптимизмъ по отношенію къ будущему человѣчества. Многіе склонны думать, что будущее *непремѣнно* будетъ очень свѣтлымъ и радостнымъ. Надежды эти очень понятны и естественны. Прошлое человѣчества такъ темно, и настоящее такъ невесело, что людямъ хочется имѣть увѣренность хоть въ будущемъ.

Но это желаніе заводитъ людей въ лабиринтъ совершенно безплоднаго фантазированія.

Будущее — *реальное будущее* — это зданіе, которое возводится усиліями людей, сознательными усиліями, а совсѣмъ не само собой. Безсознательно идетъ только *вырожденіе*.

Строеніе будущаго—дѣло *сознательнаго труда*. Только раньше эту идею сознавали очень немногіе. Большинство, даже строившихъ будущее, шли инстинктивно за ними. Наше время интересно именно пробужденіемъ яснаго пониманія цѣлей и путей у многихъ.

Это пониманіе требуетъ большого умѣнія мыслить, требуетъ глубокаго проникновенія въ законы эволюціи, въ законы жизни, умѣнія распространять ихъ на внутренній міръ, умѣнія понимать таинственную работу природы въ стремленіяхъ, желаніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ людей.

Природа совсѣмъ не гарантировала сверхчеловѣка. Она таитъ въ себѣ всѣ возможности, до самыхъ мрачныхъ. Человѣкъ не можетъ быть произведенъ въ сверхчеловѣка за выслугу лѣтъ или въ награду за пережитыя имъ страданія, которыя онъ самъ создавалъ себѣ, не понимая цѣлей и намѣреній природы.

И въ настоящее время въ человѣчествѣ одновременно съ повышеніемъ идетъ пониженіе, рядомъ съ просвѣтлѣніемъ сознанія идетъ его затемнѣніе. Типъ повышается въ однихъ и понижается въ другихъ. Эволюція, это—фактъ, но и вырожденіе—тоже фактъ. Человѣчество состоитъ изъ двухъ расъ. Одна идетъ вверхъ, другая внизъ.

Человѣкъ, услышавшій голосъ будущаго, долженъ понять, *что* ведетъ его къ этому будущему, и что отклоняетъ, что останавливаетъ, что можетъ повести назадъ. Повышеніе расы, эволюція къ сверхчеловѣку тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ яснѣе для человѣка его цѣль, чѣмъ опредѣленнѣе для него постепенные этапы этого восхожденія.

Чтобы понять *путь*, мы должны понять препятствія на этомъ пути. И можно сказать, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ истинному прогрессу человѣчества является спутанность понятій относительно *будущаго, эволюціи* и *свехчеловѣка*.

При всей распространенности этихъ идей, онѣ очень неясны. Психологическій образъ сверхчеловѣка уходитъ отъ современнаго человѣка, какъ тѣнь. За исключеніемъ немногихъ, внутренней интуиціей схватывающихъ смыслъ *великаго лозунга*, люди создаютъ сверхчеловѣка по своему образу и подобію, награждая его своими свойствами, вкусами, недостатками *въ преувеличенномъ видѣ*.

Сверхчеловѣку приписываются такія черты и свойства, какія

ему ни въ какомъ случаѣ принадлежать не могутъ, черты совершенно противоположныя, несовмѣстимыя одна съ другой, черты, обезцѣнивающія другъ друга и всю идею. Затѣмъ вообще къ этой идеѣ часто подходятъ съ неправильной стороны, берутъ ее слишкомъ просто, на одной плоскости. Въ результатѣ и самая идея искажается, и отношеніе людей къ ней становится неправильнымъ.

Между тѣмъ, правильное отношеніе къ идеѣ сверхчеловѣка освѣщало бы всю нашу жизнь, давало бы ключъ къ очень многимъ загадкамъ и показывало бы путь и выходъ изъ очень многихъ внутреннихъ затрудненій и противорѣчій.

И если мы хотимъ ввести эту идею въ свою жизнь и стать въ правильное отношеніе къ ней, мы должны прежде всего *понять сверхчеловѣка*, создать себѣ гармоническій образъ сверхчеловѣка. Неясность и неопредѣленность ни въ какомъ случаѣ не являются необходимой принадлежностью образа сверхчеловѣка. Мы можемъ знать о немъ гораздо больше, чѣмъ думаемъ, если захотимъ и сумѣемъ. У насъ есть совершенно ясныя и точныя линіи мысли для сужденія о сверхчеловѣкѣ и совершенно опредѣленныя представленія—одни, связанныя съ идеей сверхчеловѣка, и другія, противоположныя ей. Все, что требуется, это—научиться не смѣшивать ихъ, тогда пониманіе сверхчеловѣка, созданіе гармоническаго образа сверхчеловѣка перестанетъ быть такой недосягаемой мечтой, какой иногда кажется.

Чтобы понять сверхчеловѣка, мы должны прежде всего *понять себя*, понять, что въ нашей душѣ принадлежитъ прошедшему, и что — будущему. Затѣмъ представить себѣ человѣческій типъ, въ которомъ всѣ начала, стремящіяся къ будущему, эволюціонируютъ и развиваются, а тѣни прошедшаго уступаютъ имъ мѣсто и уходятъ или преобразовываются и тоже начинаютъ служить будущему. Это будетъ типъ человѣка, повышающійся, идущій къ сверхчеловѣческому.

Внутренній ростъ человѣка идетъ по совершенно опредѣленнымъ путямъ. Необходимо эти пути выяснить и понять. Иначе, когда идея сверхчеловѣка уже существуетъ, но не связана живыми нитями съ жизнью человѣка, она принимаетъ странныя, подчасъ карикатурныя и уродливыя формы. Люди, наивно мыслящія, рисуютъ себѣ сверхчеловѣка какимъ-то *преувеличеннымъ человѣкомъ*, въ которомъ всѣ и положительныя, и отрицательныя стороны человѣческой природы развивались одинаково. Но это совершенно невозможно, потому что развитіе нѣкоторыхъ чертъ можетъ итти только *за счетъ другихъ*. Въ человѣкѣ есть много противоположныхъ свойствъ, которыя параллельно развиваться не могутъ.

Фантазія первобытныхъ народовъ рисовала сверхчеловѣка великаномъ, богатыремъ, необыкновенно долговѣчнымъ... Мы должны пересмотрѣть свойства, приписываемыя сверхчеловѣку, и опредѣлить, могутъ ли эти свойства *развиться только въ человѣкѣ*. Если сверхчеловѣку придаются свойства, могущія существовать помимо его, то явно, что эти свойства соединены съ нимъ неправильно. Въ сверхчеловѣкѣ должны развиваться свойства, могущія развиваться только въ немъ. Напримѣръ, *гигантскій ростъ*, это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть абсолютно цѣнное свойство для сверхчеловѣка. Деревья могутъ быть выше, дома, башни, наконецъ горы могутъ быть выше самаго большого великана, какого только можетъ вынести земля. Такимъ образомъ *вышина*, ростъ не могутъ служить цѣлью эволюціи человѣка. *Огромная физическая сила* точно такъ же не представляетъ абсолютной цѣнности. Человѣкъ своими слабыми руками можетъ создать машину, которая будетъ сильнѣе всякаго гиганта, — не говоря уже о природѣ, о „землѣ“, для которой самый сильный богатырь и гигантъ останется жалкимъ пигмеемъ, незамѣтнымъ на ея поверхности. *Долговѣчность*, какая бы она ни была, тоже не признакъ внутренняго роста. Деревья могутъ существовать тысячелѣтія. Любой камень можетъ существовать десятки, сотни тысячъ лѣтъ. Все это не цѣнно въ сверхчеловѣкѣ, потому что можетъ проявляться и не въ немъ.

Въ немъ должны развиться свойства, не могущія быть ни въ деревѣ, ни въ камнѣ, такія свойства, съ которыми не могутъ конкурировать ни высокія горы, ни землетрясенія.

Развитіе внутренняго міра, эволюція сознанія, это—абсолютная цѣнность, развивающаяся *въ извѣстномъ намъ мірѣ* только въ человѣкѣ, и не могущая развиться помимо его.

Эволюція сознанія, внутренній ростъ человѣка и есть „восхожденіе къ сверхчеловѣку“. Но внутренній ростъ идетъ не по одной, а по многимъ линіямъ одновременно. И нужно эти линіи выяснить и опредѣлить, потому что среди нихъ замѣшалось много обманчивыхъ ложныхъ путей, ведущихъ въ стороны, отводящихъ назадъ заводящихъ въ тупики.

Яснѣе всего, безспорнѣе всего въ будущее ведетъ человѣка его *интеллектъ*, сила его ума, пониманія, проникновенія. Именно развитіе интеллекта поставило человѣка выше всего животнаго міра, освободило его отъ нѣмой покорности природѣ, вывело изъ дикаго состоянія. Но интеллектъ оружіе обоюдоострое. Необходимо самый интеллектъ очень правильно понять, для того чтобы развитіе его

не принесло больше вреда, чѣмъ пользы. Интеллектъ только въ такомъ случаѣ ведетъ человѣка къ будущему, если онъ самъ отданъ на служеніе вѣчному. Интеллектъ на службѣ *временнаго*, преходящаго, злободневнаго не ведетъ человѣка вверхъ, а наоборотъ, окружаетъ его плотной стѣной *иллюзій настоящаго*. Интеллекту нуженъ свободный полетъ въ безконечность. Заранѣе остановленный, поставленный въ условныя рамки, замкнутый въ извѣстномъ кругу, онъ даетъ могучій толчокъ всей жизни, но затѣмъ самъ же и останавливаетъ начатое имъ движеніе, самъ ему ставитъ преграды и препятствія.

Человѣкъ съ момента пробужденія въ немъ сознанія въ раннемъ дѣтствѣ оказывается замкнутымъ въ кругу иллюзій. Эти иллюзіи долженъ разрушать интеллентъ. Но онъ же при невѣрномъ направленіи можетъ ихъ усиливать. Такимъ образомъ интеллектъ можетъ даже явиться препятствіемъ къ восхожденію человѣка. Все дѣло въ томъ, какъ интеллектъ направленъ. Это необходимо помнить, потому что мы часто склонны переоцѣнивать *умъ человѣка*. Умъ долженъ находиться въ вѣчной и непрерывной борьбѣ съ иллюзіями, съ суевѣріями, съ ограниченіями. И никогда онъ не долженъ вѣрить себѣ. Какъ только онъ повѣритъ во что нибудь *найденное*, такъ ему грозитъ остановка. Необходимо постоянное и непрерывное стремленіе впередъ по пути самаго широкаго идеализма.

Матеріалистическое пониманіе, распространяя *на все* случайныя формы видимости, ограничиваетъ мысль и дѣлаетъ міръ плоскимъ и неинтереснымъ. И въ этомъ плоскомъ и однообразномъ иллюзорномъ мірѣ бьется и мучается сознаніе человѣка, создавшее себѣ еще иллюзію *своей отдѣльности* и своей реальности въ этомъ отдѣльномъ существованіи.

Самое важное, это—какъ человѣкъ смотритъ на свое сознаніе, на свое Я, на свой интеллектъ.

Если на интеллектъ смотрѣть, какъ на самостоятельную способность даннаго человѣка, а не какъ на лучъ безконечнаго духа, идущій изъ неизвѣстнаго центра и только проходящій черезъ человѣка, то такой взглядъ будетъ ограничивать и останавливать. Человѣкъ долженъ выйти изъ такого пониманія, долженъ на самого себя, на свое Я, смотрѣть совершенно иначе. Ему должна стать понятна и близка удивительная картина, которую рисовала Е. П. Блаватская.

Какъ *мильярды* яркихъ искръ, танцующихъ на волнахъ океана, надъ которымъ свѣтитъ *одна* луна, такъ наши быстро исчезающія личности, — иллюзорныя оболочки безсмертнаго Я,—мерцаютъ и танцуютъ на волнахъ Майи. Эти личности появляются и, какъ искры, производимыя лунными лучами, существуютъ, только пока королева ночи льетъ свой свѣтъ на бѣгущія волны

жизни... затѣмъ они исчезаютъ, и только« Лучи», символы вѣчныхъ духовныхъ Я, сохраняются, какъ бы втягиваясь обратно въ источникъ свѣта, съ которымъ они составляютъ одно цѣлое [1]).

Только такое интеллектуальное развитіе, которое идетъ въ идеалистическомъ направленіи, можетъ содѣйствовать развитію духовныхъ интуицій человѣка, въ которыхъ именно и заключается настоящій ростъ.

Правильное и широкое развитіе интеллекта невозможно безъ глубокаго и разносторонняго развитія *эмоціональной жизни*. Однимъ интеллектомъ міра понять нельзя. Человѣкъ, у котораго эмоціи сужены, искривлены или задавлены, непремѣнно придетъ къ такой или другой остановкѣ. Безъ яркой эмоціональной жизни у человѣка не можетъ быть фантазіи, воображенія; безъ воображенія невозможна интеллектуальная интуиція. Живость эмоцій и сила воображенія—одинъ изъ яркихъ признаковъ внутренняго роста. Съ ними нераздѣльно связано художественное воспріятіе міра, чувство красоты, гармоніи, эстетическое пониманіе.

Жизнь эмоцій непремѣнно должна быть понята въ ея отношеніи къ эволюціи. Эволюція эмоцій есть эволюція внутренняго міра человѣка. И эта эволюція заключается въ ростѣ эмоцій, въ ихъ очищеніи отъ посторонніхъ имъ элементовъ, въ превращеніи изъ личныхъ въ сверхличныя.

Если мы возьмемъ интеллектъ, то мы увидимъ, что въ основѣ его лежитъ очень грубая и очень личная эмоція *любопытства*, и любопытства почти всегда не чистаго, а приправленнаго жадностью, стремленіемъ къ обладанію. Эволюціонируя, любопытство превращается въ любознательность и постепенно *очищается*, освобождаясь отъ примѣсей посторонніхъ ему аппетитовъ, но обыкновенно къ нему примѣшивается здѣсь извѣстное тщеславіе знаніемъ, ожиданіе наградъ и восхваленія за эти знанія. Человѣкъ стремится къ знанію, но не ради знанія, а ради того, что онъ за это знаніе, или при помощи этого знанія, получитъ. Дальше постепенно и это отбрасывается, человѣкъ уже стремится къ знанію ради самаго знанія. Въ такомъ видѣ интеллектуальная эмоція становится *сверхличной*, и рядомъ съ ней стоитъ цѣлый рядъ другихъ высшихъ эмоцій:—эстетическая, моральная, общественная, религіозная,—развитіе которыхъ представляетъ собой внутренній ростъ человѣка и ведетъ его къ высшему типу.

Въ современномъ человѣчествѣ художественные таланты явля-

---

[1]) „The Secrete Doctrine" by H. P. Blavatsky, v. I, p. 258.

ются еще почти, какъ исключенія. Правда, въ значительной степени имъ мѣшаетъ весь характеръ жизни, прозаической, некрасивой, безцвѣтной. Зачатки художественныхъ способностей есть, у большинства людей, можетъ быть, даже у всѣхъ. Но ихъ обыкновенно не только не развиваютъ, а наоборотъ съ большимъ трудомъ и усиліемъ задавливаютъ и вытравляютъ. При томъ самая сила ихъ всетаки неодинакова. Но мы знаемъ изъ общей біологической картины эволюціи, что признаки, сначала рѣдкіе въ данномъ видѣ, постепенно дѣлаются общими. Художественные таланты, разсѣянные теперь въ рѣдкихъ, выдѣляющихся изъ общей массы людяхъ, постепенно станутъ болѣе частыми. Затѣмъ въ наше время таланты спеціализируются, музыкантъ рѣдко бываетъ художникомъ, поэтъ можетъ совсѣмъ не обладать драматическимъ талантомъ. Въ дальнѣйшемъ—различные художественные таланты непремѣнно будутъ собираться вмѣстѣ въ одномъ человѣкѣ. Человѣкъ будущаго долженъ обладать *всѣми* художественными талантами, разсѣянными въ современномъ человѣчествѣ.

Вообще искусство должно получить совершенно непостижимое для насъ значеніе въ будущемъ. Оно должно стать регуляторомъ всей жизни. Только при помощи искусства человѣкъ сможетъ изгнать изъ жизни все безобразное и нелѣпое—отъ фабричныхъ трубъ до футболла, отъ проституціи до тюремъ. Всѣ внѣшнія стороны жизни человѣчества вплоть до государственнаго устройства формъ земледѣлія и промышленныхъ производствъ должны будутъ опредѣляться и регулироваться со стороны ихъ *художественнаго* смысла и значенія; приниматься или отвергаться въ зависимости отъ ихъ *художественной* цѣнности.

Это непремѣнно должно быть такъ. Только *идея красоты*, какъ абсолютъ, можетъ разрѣшить всѣ противорѣчія, въ которыхъ запутался человѣкъ.

Художественное воспріятіе должно безконечно развиться въ людяхъ. И всѣ признаки его высокаго развитія указываютъ на несомнѣнный внутренній ростъ. Человѣкъ высокаго внутренняго развитія будетъ не въ состояніи окружать себя художественными произведеніями и вести нехудожественную внутренно жизнь. При этомъ онъ не только долженъ обладать *талантами*, но въ немъ непремѣнно должны быть черты геніальности. А *геній* или человѣкъ съ чертами геніальности отличается отъ обыкновеннаго человѣка и отъ человѣка, обладающаго талантами, „художника“, какъ мы теперь понимаемъ это слово, тѣмъ, *что онъ дѣлаетъ художественное произведеніе изъ своей собственной жизни*. Онъ можетъ не написать ни одной книги, не оставить никакого памятника своего творчества, какъ Іисусъ Христосъ или Будда, или

Сократъ, но его жизнь будетъ настолько художественнымъ произведеніемъ, въ ней будетъ столько творчества, правды и красоты, что она на долгія столѣтія будетъ служить образцомъ, давая темы для безчисленныхъ произведеній поэтовъ и художниковъ.

Съ развитіемъ художественнаго чувства связано пониманіе языка символовъ, который, охватывая одновременно и область интеллекта, и область эмоцій, соединяетъ ихъ въ одно нераздѣльное цѣлое. Ростъ *чувства символовъ* является слѣдующей важной чертой, ведущей человѣка въ будущее.

Наше время, за исключеніемъ отдѣльно стоящихъ, но очень близкихъ внутренно, оккультистовъ мистиковъ и художниковъ-символистовъ, плохо понимаетъ роль и значеніе языка символовъ. Позитивное направленіе пріучило людей стремиться заключать результаты своего мышленія и чувствованія *въ понятія*. Люди плохо стали вѣрить тому въ себѣ самихъ, чего они не могутъ выразить въ логическихъ понятіяхъ. И они не замѣчаютъ чудовищныхъ ограниченій, какія они этимъ налагаютъ на себя.

Люди въ массѣ, люди, живущіе псевдо-наукой и псевдоискусствомъ, совершенно не понимаютъ, что „символизмъ“ позволяетъ проникать въ такія глубины, какія не снились ихъ мудрецамъ. Символы и только символы могутъ выражать и передавать ощущенія высшихъ міровъ. Символизмъ образуетъ новый языкъ, непонятный для непосвященныхъ. На этомъ языкѣ говорятъ съ нами люди давно прошедшихъ тысячелѣтій. И на этотъ языкъ никто не можетъ наложить свою руку. Поэтому языкъ символовъ это— языкъ не нуждающійся въ свободѣ слова. Онъ всегда свободенъ.

Изученіе языка символовъ было однимъ изъ первыхъ требованій во всѣхъ *мистеріяхъ*. Образованіе новой расы, это—великая міровая мистерія. И „стремящіеся къ посвященію“, желающіе проникнуть въ тайны, которыя по самой своей природѣ не могутъ быть понятны для всѣхъ, должны знать языкъ символовъ, потому что на обыкновенномъ языкѣ понятій можетъ быть сказано очень немного. Языкъ символовъ отличается отъ *логическаго языка* тѣмъ, что онъ есть непрерывное творчество и требуетъ развитого воображенія и тонкаго художественнаго чутья.

Типъ человѣка, приближающійся къ сверхчеловѣческому, не можетъ быть лишеннымъ художественнаго чутья, сухимъ, разсудочнымъ, безъ воображенія. Но развитіе эмоціональной жизни тоже таитъ въ себѣ большія опасности. На низшихъ ступеняхъ человѣку грозитъ погруженіе въ животную жизнь, лѣнь, неспособность бороться со своими собственными инстинктами, на болѣе высокихъ

ступеняхъ—остановка въ лабиринтѣ *душевной* жизни, погруженіе въ „психологію“. Увлеченіе душевными переживаніями можетъ привести къ сентиментальности, а если даже и нѣтъ, то во всякомъ случаѣ неизбѣжно должно окружать человѣка плотнымъ кольцомъ *его самого*, изъ за котораго онъ не будетъ въ состояніи видѣть ничего, кромѣ себя. Въ жизни мы на каждомъ шагу наталкиваемся на людей, окруженныхъ самими собой. Эта стѣна личныхъ психологическихъ переживаній закрываетъ для человѣка одинаково, какъ красоту внѣшняго міра, такъ и глубину его собственнаго духа. Вмѣстѣ съ тѣмъ погруженіе въ душевный міръ почти неизбѣжно ведетъ за собой мрачное настроеніе. Душевный міръ, міръ иллюзій, *всегда обманываетъ*. Человѣкъ, отдающій себя душевной жизни, не ищущій *въ ней* путей духовнаго развитія, создаетъ для себя милліоны мученій и тысячи разочарованій. А необходимо замѣтить, что ничто такъ не останавливаетъ человѣка въ его интеллектуальномъ и эмоціональномъ развитіи, какъ преобладаніе мрачныхъ настроеній.

Душевныя переживанія такъ же, какъ и всѣ эмоціи, цѣнны только тогда, когда человѣкъ видитъ въ нихъ символы своихъ духовныхъ исканій, и когда умѣетъ черезъ нихъ приходить къ духовнымъ постиженіямъ; когда человѣкъ не останавливается на маленькихъ личныхъ ощущеніяхъ, а стремится на себѣ самомъ изучить безконечные міровые законы, когда его чувства и ощущенія являются для него не цѣлью, а средствомъ, и когда онъ умѣетъ сознавать и находить въ нихъ другую высшую цѣль.

Точно такъ же искусство и вообще всѣ художественныя воспріятія. Въ увлеченіи этими сторонами жизни много опасностей. Увлеченіе *чувствованіемъ* останавливаетъ *познаніе*, которое можетъ давать искусство, художественное творчество, художественное воспріятіе. Искусство должно открывать новыя тайны. Оно можетъ давать и наслажденія, и страданія, но въ обоихъ случаяхъ одинаково оно должно служить *познанію*.

Если художественное творчество и художественное воспріятіе ничего не открываютъ, ничего не вносятъ новаго въ сознаніе человѣка, если они служатъ для отдыха, для развлеченія, для наслажденія чувствованіемъ, пріятнымъ или мучительнымъ, на нихъ непремѣнно тоже должна произойти остановка, и эта остановка будетъ одна изъ самыхъ опасныхъ, потому что она можетъ казаться своеобразнымъ и оригинальнымъ движеніемъ.

Развитіе высшихъ эмоцій и эстетическаго пониманія жизни невозможно безъ развитія *моральнаго чувства*.

Одна изъ нелѣпостей, которыя иногда соединяются съ идеей сверхчеловѣка, это — отрицаніе морали. Существуетъ искаженное пониманіе идеи *сверхчеловѣка*. Въ этомъ пониманіи съ идеей сверхчеловѣка соединяютъ принципіальное отрицаніе всякой морали. Тогда сверхчеловѣческимъ или приближающимся къ сверхчеловѣческому, считается полное освобожденіе отъ всякихъ нравственныхъ „стѣсненій", полная свобода всѣхъ инстинктовъ и аппетитовъ.— Сверхчеловѣкъ, это значитъ: „все можно". Злоба, ненависть, гордость, самолюбіе, эгоизмъ, жестокость — все это считается сверхчеловѣческимъ при одномъ только условіи, чтобы это доходило до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ, не останавливалось ни передъ какими препятствіями.

Но это опять наивность. Внутренній ростъ не можетъ заключаться въ эволюціи сторонъ души, увеличивающихъ *иллюзію отдѣльности*. Ненависть, холодный эгоизмъ, жестокость, это все эмоціи, создаваемыя иллюзіей отдѣльности. Я, не чувствующее себя отдѣльнымъ, наоборотъ, чувствующее свою слитость, связанность со всѣмъ, ощущающее какъ оно само входитъ во все, и какъ все входитъ въ него, не можетъ ненавидѣть.

И внутренній ростъ заключается въ освобожденіи отъ иллюзій, а не въ увеличеніи слѣпоты. Подобнаго рода „сверхчеловѣческія свойства" можно отбросить безъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Отрицаніе морали въ идеѣ сверхчеловѣка вообще часто связываютъ съ именемъ Ницше. Но Ницше совершенно неповиненъ въ этомъ. Наоборотъ, можетъ быть, никто не вкладывалъ въ философію человѣческаго существа и въ идею сверхчеловѣка такъ много истинной морали, какъ Ницше. Онъ разрушалъ только старую мораль, боролся противъ готовыхъ формъ морали. Онъ училъ, что мораль должна *создаваться* и жить въ сердцѣ человѣка, а не браться въ готовомъ видѣ въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, обязательныхъ для всѣхъ и всегда.

Заратустра говоритъ:

„Поистинѣ я отнялъ у васъ сотню словъ и самыя дорогія вамъ погремушки вашей добродѣтели,—и теперь вы сердитесь на меня, какъ сердятся дѣти.

Они играли у моря, — вдругъ пришла волна и смыла въ пучину ихъ игрушки и пестрыя раковины, и теперь плачутъ они..."

И дальше:

„Когда я пришелъ къ людямъ, я нашелъ ихъ, сидящими на старомъ предубѣжденіи: всѣ они вѣрили, что давно уже знаютъ, *что* для человѣка добро, и *что* для него зло . . . . . .

Эту сонливост стряхнулъ я, когда сталъ учить: никто не знаетъ еще, что добро, и что зло:—*если самъ онъ не есть созидающій*".

Ницше возстаетъ противъ морали, какъ *внѣшняго закона*, и требуетъ морали, какъ *внутренняго чувства*. Онъ возмущается моралью, *которую видно*, отрицаетъ заранѣе опредѣленную нравственность.

И, конечно, онъ глубоко правъ. Мораль необходимая вещь въ жизни, но ее не должно быть видно. *Мораль это—нитки въ платьѣ.* Онѣ необходимы. Онѣ держатъ все платье, соединяютъ въ одно цѣлое отдѣльные куски матеріи. Но очень плохо, если ихъ видно. Это значитъ обыкновенно, что онѣ уже плохо держатъ, и что платье расползается по всѣмъ швамъ.

Вотъ эту идею и понялъ Ницше. Онъ понялъ, что мораль, которую видно, мораль, формулированная въ словахъ и нравственныхъ правилахъ, указываетъ на недостатокъ внутренняго моральнаго чувства.

Высшій типъ человѣка долженъ отличаться именно большей моральностью. Но это должна быть внутренняя моральность. Какъ только люди дѣлаютъ попытку отлить внутреннее моральное чувство во внѣшнее, обязательное правило, они уничтожаютъ необходимость внутренняго чувства. Внѣшніе законы морали нужны человѣку только тогда, когда онъ увѣренъ въ своей *обособленности.* Но какъ только онъ теряетъ эту увѣренность, какъ только онъ начинаетъ чувствовать *себя во всемъ, и все въ себѣ*, какъ только онъ начинаетъ освобождаться отъ иллюзіи замкнутаго круга и постояннаго центра своего Я, его мораль и его ощущенія жизни *становятся однимъ*, и внѣшніе моральные законы становятся для него дѣтскими игрушками и пестрыми раковинами.

Моральное чувство есть чувство единства себя со всѣмъ. И оно должно проникать всю работу интеллекта и художественнаго творчества, только тогда будутъ они дѣйствительно служить будущему.

Часто это очень суровое и безпощадное чувство. Заратустра говоритъ:

— О, мои братья, развѣ я жестокъ? Но я говорю вамъ: нужно толкнуть то, что падаетъ.

Моральное чувство часто смѣшиваютъ съ сантиментальной жалостью. Вѣроятно, присяжные, оправдывающіе обливательницъ сѣрной кислотой, объясняютъ свои дѣйствія моральными чувствами. Но это просто самая скверная мѣщанская сантиментальность. Они не думаютъ о томъ, что *одинъ* оправдательный приговоръ создаетъ *десять* новыхъ подобныхъ преступленій. Вѣдь вся „теорія обливаній сѣрной кислотой“ основана на предполагаемой безнаказанности

обезображенія сравнительно съ убійствомъ или покушеніемъ на убійство (черта удивительно характерная для нашего трусливаго буржуазно матеріалистическаго времени), что любезно подтверждается при всякомъ удобномъ случаѣ.

Эти оправдательные приговоры необыкновенно ярко рисуютъ извращенное и сантиментальное господствующее пониманіе морали, то пониманіе, которое неизбѣжно должно вызывать противъ себя протестъ и приводить къ отрицанію всякой „морали". Но настоящее подлинное моральное чувство не имѣетъ ничего общаго съ сантиментальной жалостливостью. Моральное чувство есть чувство будущаго (единства съ будущимъ), голосъ будущаго, говорящій въ настоящемъ. Человѣкъ долженъ умѣть слушать его въ себѣ.

Дальше въ будущее ведетъ человѣка его сознательная воля. Высокій интеллектуальный уровень, тонкое художественное чутье, яркая эмоціональная жизнь, глубокая внутренняя моральность, все это теряетъ свой смыслъ безъ твердой и сильной воли. Несомнѣнно сильная и опредѣленная воля есть символъ *строенія будущаго*, и слабая, колеблющаяся, переходящая съ одного на другое, это—признакъ паденія, вырожденія.

Но мы такъ плохо отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, *что такое наша воля*; такъ плохо знаемъ, *что* она можетъ сдѣлать, *чего* можетъ достигнуть и *куда* можетъ привести насъ.

Ростъ и эволюція воли предоставлены случаю и судьбѣ. Интеллектъ, художественныя способности и моральное чувство мы, хоть и внѣшнимъ образомъ, но всетаки культивируемъ. Культура воли для насъ несуществующее понятіе.

Въ результатѣ этого, большая часть нашихъ поступковъ опредѣляется *непроизвольными мотивами*. Вся жизнь слагается изъ мелочей, которымъ мы непрерывно поддаемся и служимъ. Наше Я непрерывно мѣняется, какъ въ калейдоскопѣ. Всякое внѣшнее событіе, поражающее насъ, всякая вдругъ возникающая эмоція дѣлается калифомъ на часъ, начинаетъ строить и править и точно такъ же неожиданно свергается и замѣняется чѣмъ нибудь другимъ. А внутреннее сознаніе, не стремясь разсѣять иллюзорность этого калейдоскопа, и не понимая того, что въ дѣйствительности это *не оно*, ставитъ на всемъ свой бланкъ, говоря о разныхъ моментахъ жизни, когда дѣйствуютъ *разныя* силы: это—я, и это я, и это я [1]).

---

1) Вопросъ о „Я" въ очень интересной постановкѣ вмѣстѣ со многими другими проблемами многомѣрнаго пространства разсматривается въ готовящейся къ печати книгѣ В. М. Арнольда „Тезы метакубики".

Самое понятіе *воли* въ смыслѣ воли *отдѣльнаго человѣка* довольно искусственно. Тѣмъ не менѣе есть *нѣчто*, что должно быть воспитываемо и культивируемо. „Сила воли“ опредѣляется *силой желаній* и однородностью направленія. Человѣкъ со слабыми желаніями всегда будетъ имѣть слабую „волю“. Человѣкъ съ сильными, но влекущими его въ разныя стороны желаніями, будетъ имѣть слабую волю. Научная психо-физіологія (проф. Цигенъ) опредѣляетъ волю, какъ, „равнодѣйствующую желаній“. Это опредѣленіе совершенно вѣрно, если смотрѣть *только со стороны*, только объективно. Но человѣкъ не машина, его дѣйствія нельзя разсматривать, какъ механическія, для него возможенъ выборъ желаній и выборъ поступковъ. *Равнодѣйствующая* можетъ регулироваться изнутри. Иначе говоря, въ нее можетъ вводиться сила, подчиняющая себѣ всѣ остальныя. Человѣкъ можетъ думать, что эта регулирующая сила идетъ изъ него самого. Это — его самая законная иллюзія. Въ дѣйствительности сила только проходитъ черезъ него. Но онъ можетъ закрыть или открыть себя для ея прохожденія. Послѣдовательное раскрытіе въ одномъ направленіи и есть культура воли. Регулирующее начало можетъ быть сдѣлано сознательнымъ, можетъ быть приведено въ гармонію съ цѣлями существованія, человѣка, какъ онъ ихъ себѣ рисуетъ. Тогда сознательная и культивированная воля можетъ вести человѣка къ его высшимъ цѣлямъ.

Пока воля не культивирована, не воспитана, человѣкъ является игрушкой настроеній и внѣшнихъ впечатлѣній. Онъ никогда не знаетъ, что онъ сейчасъ сдѣлаетъ. Не только завтрашній день, даже слѣдующій мигъ закрытъ отъ него стѣной случайностей. И человѣкъ только тогда сознательно пойдетъ навстрѣчу будущему, когда онъ овладѣетъ волей, т. е. отдастъ себя волѣ будущаго.

Строеніе будущаго требуетъ *знанія*, *настроенія* и *силы*.

Но сила имѣетъ ту или другую цѣнность въ зависимости отъ того, какъ она направлена. Въ „популярномъ“ представленіи о сверхчеловѣкѣ очень часто возвеличивается *сила* безъ отношенія къ вложенной въ нее идеѣ.

Тогда является *демоническій сверхчеловѣкъ*.

Демонизмъ увлекалъ воображеніе многихъ незаурядныхъ людей.

Но тѣмъ не менѣе это идея глубоко ложная и по своей сущности совсѣмъ не высокая. Дѣло въ томъ, что „красивый демонизмъ“, который намъ извѣстенъ, есть въ дѣйствительности „псевдо-демонизмъ“. Настоящаго демонизма, какимъ онъ долженъ быть по существу идеи, мы не знаемъ и знать не желаемъ.

Очень многія идеи существуютъ въ умахъ людей въ фальси-

фицированномъ видѣ—въ видѣ своихъ собственныхъ „псевдо-образовъ“. Вся наша жизнь окружена самыми разнообразными фальсификаціями. У насъ есть псевдо-искусство, псевдо-литература, псевдо-журналистика, псевдо-общественная дѣятельность, псевдо-политика.

Но фальсификація бываетъ двухъ родовъ: — самая обыкновенная, когда вмѣсто настоящаго продукта дается маргаринъ; „вмѣсто хлѣба — камень и вмѣсто рыбы — змѣя“; и немного болѣе сложная, когда „низкая истина“ превращается въ „насъ возвышающій обманъ“. Именно путемъ такой фальсификаціи основной идеи полученъ образъ демона: — „печальный демонъ, духъ изгнанія“. „Демонъ“, это—псевдо-дьяволъ. Идея дьявола, духа зла и лжи понятна и необходима въ дуалистическомъ міропониманіи. Но тогда „дьяволъ“ не имѣетъ въ себѣ никакихъ привлекательныхъ чертъ. Между тѣмъ „демонъ“ обладаетъ многими красивыми и положительными свойствами:—силой, умомъ, презрѣніемъ къ мелкому, къ пошлому. Это все совсѣмъ не „дьявольскія“ черты. Это черты „демоническія“, т. е. псевдо-дьявольскія.

Демонъ, это—прикрашенный, фальсифицированный дьяволъ. Въ настоящемъ дьяволѣ нѣтъ прежде всего никакихъ *сильныхъ* чертъ. Это ничтожество, глупость, пошлость. „Дьяволизмъ“ самъ по себѣ есть фальсификація свѣтлаго и сильнаго, поддѣлка, подмѣнъ, размѣниваніе на мелкую монету, опошленіе, вульгаризація. Это „улица“, „бульваръ“.

Въ своей книгѣ о Достоевскомъ А. Л. Волынскій обращаетъ вниманіе на то, какъ рисуетъ *чорта* Достоевскій въ „Карамазовыхъ“.

„Чортъ“, котораго видитъ Иванъ Карамазовъ, это—приживальщикъ въ клѣтчатыхъ штанахъ и съ ревматизмомъ, и онъ недавно оспу прививалъ себѣ.

Чортъ это—воплощенная вульгарность и пошлость, все, что онъ говоритъ, мелко и дрянно, это сплетня, грязненькая инсинуація, желаніе подѣйствовать на самыя отталкивающія стороны человѣческаго характера. Въ лицѣ чорта съ Иваномъ Карамазовымъ говорила вся пошлость жизни.

Но мы склонны забывать настоящую природу чорта и охотнѣе вѣримъ поэтамъ, которые прикрашиваютъ чорта и дѣлаютъ изъ него опернаго демона. Такія „демоническія“, т. е. псевдо-дьявольскія черты мы приписываемъ и сверхчеловѣку. Но стоитъ только посмотрѣть на нихъ попристальнѣе, и онѣ оказываются сплошной фальсификаціей, чѣмъ-то въ родѣ „наглядныхъ несообразностей“, какія изображаются въ дѣтскихъ книжкахъ—экипажей съ четырехугольными колесами, домовъ, построенныхъ на водѣ и т. п.

Понятіе „демонизма“ всегда соединяется съ силой. Но *сила*

не можетъ возникнуть изъ *слѣпоты* и *непониманія*. Пониманіе же неизбѣжно связано съ ощущеніемъ „всего въ себѣ и себя во всемъ". Оно есть *чувство единства*, и не можетъ быть *чувствомъ отдѣльности*. Ростъ сознанія не можетъ итти путемъ увеличенія иллюзій. Такимъ образомъ или въ „демонѣ" не можетъ быть силы, или въ силѣ не можетъ быть демонизма.

Въ сверхчеловѣкѣ Ницше очень часто находятъ **„демоническія"** черты. Но это просто неумѣніе читать Ницше.

Самое начало „Заратустры", ясно показываетъ, имѣлъ ли въ виду Ницше вложить что нибудь демоническое въ своего Заратустру.

Прежде всего слова Заратустры, обращенныя къ солнцу, когда Заратустра уходитъ съ горъ.

„Великое свѣтило! въ чемъ было бы твое счастье, если бы не было у тебя тѣхъ, кому ты свѣтишь?

Десять лѣтъ подымалось ты надъ моей пещерой, ты пресытилось бы своимъ свѣтомъ и этой дорогой безъ меня, моего орла и моей змѣи.

Но мы ждали тебя каждое утро, брали отъ тебя твой избытокъ и благословляли тебя за это.

Смотри! Я пресытился теперь своей мудростью, какъ пчела, собравшая слишкомъ много меду; мнѣ нужны простирающіяся руки.

Я хотѣлъ бы одарять и надѣлять.

. . . . . .

Для этого я долженъ спуститься внизъ, какъ дѣлаешь ты каждый вечеръ.

. . . . . .

Благослови же чашу, которая переполнилась выше краевъ, чтобы золотая влага лилась изъ нея и несла всюду отблескъ твоего сіянія".

. . . . . .

И дальше:

Заратустра спустился одинъ съ горы, и никто не повстрѣчался ему. Но, когда вышелъ онъ въ лѣсъ, передъ нимъ неожиданно предсталъ старецъ... И такъ говорилъ старецъ Заратустрѣ:

„Мнѣ не чуждъ этотъ странникъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проходилъ онъ здѣсь. Заратустрой звали его. Но онъ измѣнился.

Тогда несъ ты свой пепелъ въ горы; неужели теперь хочешь ты нести свой огонь въ долины? Развѣ ты не боишься наказанія для поджигателя?

Да, я узнаю Заратустру. Чистъ взоръ его, и на устахъ его нѣтъ отвращенія..."

. . . . . .

Заратустра отвѣчалъ: „Я люблю людей".

Здѣсь не только нѣтъ никакого „демонизма", но наоборотъ отмѣчена самая важная черта, ведущая человѣка вверхъ, та сила, которая заставила Заратустру спуститься внизъ,—*любовь къ людямъ*. Сверхчеловѣкъ не можетъ быть лишенъ этой любви, потому что именно она и ея сила, а ничто другое, дѣлаетъ его *сверхчеловѣкомъ*.

Безъ этой любви все остальное только форма безъ содержанія, да, строго говоря, и не можетъ существовать, потому что дѣйствительно серьезный ростъ интеллекта, эмоцій, художественнаго вос-

пріятія и воли, давая чувство единства всего, непремѣнно долженъ привести къ *дѣятельной* любви къ людямъ и ко всему міру.

Эта любовь— *дарящая добродѣтель*, какъ ее называетъ Ницше, есть самый цѣнный даръ, который настоящее можетъ дать будущему — или, можетъ быть, который настоящее получаетъ отъ будущаго.

Слѣдующей важной чертой внутренняго роста, неизбѣжно вытекающей изъ перечисленныхъ свойствъ, является *высшая сознательность* или новая совѣсть, которая должна проявляться во всей жизни человѣка высшаго типа.

У него не можетъ быть несознательной или не вполнѣ, не до конца осознанной *дѣятельности*, не можетъ быть поступковъ, несогласованныхъ. Онъ будетъ необыкновенно глубоко чувствовать свою нравственную отвѣтственность за свои поступки, и органически не будетъ въ состояніи сдѣлать ничего, чего *онъ самъ* не считаетъ нужнымъ. Никакая софистика въ этомъ отношеніи, никакое возложеніе отвѣтственности за свои поступки на другихъ людей, которымъ онъ повинуется, или на учрежденія, которымъ онъ служитъ, не будетъ для него мыслима. Онъ будетъ знать, что за то, что дѣлаетъ, отвѣчаетъ онъ самъ и никто другой.

Однимъ изъ главныхъ золъ нашей жизни является то, что люди черезчуръ легко оправдываютъ себя и другъ друга. Человѣкъ, который дѣйствуетъ *не отъ себя лично*, какъ будто уже не виноватъ. Но это глубочайшее заблужденіе. Самыя темныя стороны нашей жизни совсѣмъ не являются дѣломъ сознательнаго зла. Наоборотъ, очень часто въ нихъ дѣйствуютъ люди совсѣмъ не злые. Но эти темныя стороны возможны только потому, что люди придумали себѣ тысячи способовъ самооправданія.

Вотъ этихъ самооправданій не можетъ быть у человѣка высшаго типа. Онъ знаетъ, что если бы онъ сталъ дѣлать что нибудь противное его собственному нравственному чувству, то его нисколько не оправдало бы, что не онъ является авторомъ данныхъ дѣйствій, что онъ только исполнитель, что онъ дѣйствуетъ не для себя и не по своей волѣ, что онъ не извлекаетъ никакой особенной выгоды, не чувствуетъ злобы, даже жалѣетъ или сочувствуетъ, предпочелъ бы не дѣлать совсѣмъ и пр., и пр.

Все это обычно *у человѣка*, и составляетъ корень и главную причину человѣческихъ несчастій. Люди недостаточно смѣлы, чтобы всегда дѣйствовать такъ, какъ имъ говоритъ внутренній голосъ. И поэтому очень часто они становятся исполнителями того, что противно ихъ собственной совѣсти.

Абсолютная невозможность этого является одной изъ самыхъ важныхъ чертъ человѣка высшаго типа. Онъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ стать безотвѣтственнымъ исполнителемъ чужой воли. Не можетъ, потому что у него есть *своя воля*, свое пониманіе и свое сознаніе.

Онъ будетъ очень глубоко чувствовать единство всего и свою отвѣтственность не только передъ настоящимъ, но и передъ будущимъ. И онъ будетъ *служить будущему*. Конфликтъ *личнаго*, которое служитъ *настоящему*, *со сверхличнымъ*, которое служитъ будущему и черезъ него вѣчному, всегда будетъ кончаться въ немъ побѣдой будущаго и сверхличнаго.

Его дѣятельность будетъ неразрывно связана *со строеніемъ будущаго*. Интересы настоящаго никогда не побѣдятъ въ немъ мысли о будущемъ, и внѣшніе голоса никогда не побѣдятъ въ немъ внутренняго голоса.

Существуетъ и всѣмъ намъ хорошо извѣстенъ одинъ историческій типъ человѣка, совмѣщающій въ себѣ все то, что въ *культурномъ* человѣкѣ больше всего противоположно сверхчеловѣческому.

Это—римскій прокураторъ въ Іудеѣ временъ Іисуса—Понтій Пилатъ.

Роль Пилата въ евангельской трагедіи необыкновенно характерна и многозначительна. И она совершенно одинакова съ ролью „Пилатовъ“ въ жизни вообще. Пилатъ *не только* судилъ Іисуса, хотѣлъ освободить и потомъ казнилъ. Это не опредѣляетъ его сущности. Главное заключается въ томъ, что онъ почти одинъ изъ всѣхъ *понялъ Іисуса*. Понялъ, конечно, по своему, по-римски. Но, *несмотря на то, что понялъ*, отдалъ и на бичеваніе, и на казнь. Пилатъ былъ несомнѣнно очень умный человѣкъ, образованный и интеллигентный. Онъ совершенно ясно видѣлъ, что передъ нимъ не преступникъ, „развращающій народъ“ и „запрещающій платить подати“, какъ заявляли ему „истинно еврейскіе люди“ того времени,—не претендентъ на іудейскій престолъ, а „философъ“, какъ онъ могъ опредѣлить Іисуса.

Этотъ „философъ“ возбудилъ его симпатію, даже сочувствіе. Іудеи, требовавшіе крови невиннаго, были ему противны. Онъ пытался помочь Іисусу. Но серьезно бороться за него, создавать себѣ непріятности, это было для Пилата слишкомъ много. И, поколебавшись немного, Пилатъ предалъ Іисуса.

У него навѣрное была мысль, что онъ служитъ Риму и въ данномъ случаѣ охраняетъ спокойствіе правителей, поддерживаетъ

порядокъ и тишину среди покореннаго народа, устраняетъ причину возможныхъ волненій, хотя бы даже и жертвуя для этого невиннымъ человѣкомъ. Это дѣлалось во имя Рима, и отвѣтственность какъ будто падала на Римъ. Кромѣ того, у Пилата была очень удобная философія:—все относительно, все условно, ничто не представляетъ особенной цѣнности... Это было практическое примѣненіе „принципа относительности"—Пилатъ вообще удивительно *современный* человѣкъ. Съ такой философіей легко лавировать среди жизненныхъ затрудненій.

Іисусъ помогъ ему: — „Я пришелъ свидѣтельствовать объ истинѣ", сказалъ онъ.

— „Что есть истина?" иронически отвѣтилъ Пилатъ.

И это сразу поставило его на привычный путь мысли и отношенія къ вещамъ: напомнило ему, кто онъ, гдѣ; показало, какъ онъ долженъ дѣйствовать.

„*Кто отъ истины*, слушаетъ голосъ мой", сказалъ Іисусъ.

Пилатъ былъ *отъ истины*. Ему было дано все, чтобы видѣть истину, *и онъ видѣлъ ее совершенно ясно*. Но, несмотря на это, предалъ ее.

Сущность Пилата въ томъ, что онъ видитъ истину, но не хочетъ слѣдовать ей. Для того, чтобы не слѣдовать истинѣ, которую онъ видитъ, онъ долженъ создать себѣ особое скептическое и насмѣшливое отношеніе къ самой идеѣ истины и къ людямъ, стоящимъ за эту идею. Онъ не можетъ уже въ глубинѣ души считать ихъ преступниками, но онъ долженъ выработать извѣстное, немного ироническое, отношеніе къ нимъ, которое позволяло бы, когда это нужно, ими жертвовать.

Пилатъ пошелъ такъ далеко, что даже пытался освободить Іисуса, но, конечно, онъ не позволилъ бы себѣ сдѣлать ничего, что могло скомпрометировать его. Это сдѣлало бы его смѣшнымъ въ его собственныхъ глазахъ. Когда его попытки не удались, что онъ, вѣроятно, могъ предвидѣть, онъ вышелъ къ народу и умылъ руки, показывая этимъ, что слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность.

Въ этомъ весь Пилатъ. Символическое умываніе рукъ нераздѣльно связано съ образомъ Пилата. Онъ весь въ этомъ символическомъ жестѣ.

Пилатъ, это — умываніе рукъ.

Для человѣка дѣйствительно глубокаго внутренняго роста не можетъ быть умыванія рукъ. Этотъ жестъ внутренняго обмана долженъ остаться позади.

„Пилатъ“, это типъ, выражающій собой то, что въ *культурномъ человѣчествѣ* сильнѣе всего мѣшаетъ внутреннему росту и развитію, что сильнѣе всего становится на пути *сверхчеловѣка*. Большими и маленькими Пилатами полна вся современная жизнь. Они прекрасно видятъ и понимаютъ истину. Но любая „печальная необходимость“ можетъ заставить ихъ предать истину. И потомъ умыть руки.

По отношенію къ эволюціи духа Пилатъ, это—остановка. Дѣйствительный ростъ заключается въ гармоническомъ развитіи ума, чувства и воли. Одностороннее развитіе далеко итти не можетъ.— Для того, чтобы предать истину, Пилату необходимо самую истину сдѣлать условной. И эта принятая имъ условность истины помогаетъ Пилату выбираться изъ трудныхъ положеній, въ которыя ставитъ его собственное *понимание* истины. Но эта же самая условность истины останавливаетъ его внутренній ростъ, ростъ его идей. Съ *условной истиной* далеко не уйдешь. „Пилатъ“ долженъ очутиться въ замкнутомъ кругу.

Пилатъ, поставленный рядомъ съ Іисусомъ, это удивительная черта евангельской драмы. Большихъ контрастовъ нельзя найти, нельзя себѣ представить. Если бы Евангеліе можно было разсматривать просто, какъ литературное, художественное произведеніе, то сопоставленіе Христа и Пилата указывало бы на руку великаго художника или на необыкновенную интуицію народнаго творчества. Въ короткихъ сценахъ, въ нѣсколькихъ словахъ показаны здѣсь противорѣчія, не только не изжитыя человѣчествомъ за двѣ тысячи лѣтъ, но какъ будто еще выросшія и распустившіяся пышнымъ цвѣткомъ на почвѣ нашей „культуры“ и „цивилизаціи“.

Ростъ внутренней сознательности требуетъ вдумчиваго и глубокаго отношенія ко всѣмъ сторонамъ жизни, которыя раньше принимались людьми безъ особеннаго анализа, какъ онѣ приходили къ нимъ.

Человѣкъ соприкасается съ будущимъ не только своей *дѣятельностью* въ широкомъ смыслѣ, но всѣмъ своимъ *трудомъ*, какой бы онъ ни былъ, и можетъ своимъ трудомъ служить будущему или, наоборотъ, задерживать развитіе новыхъ формъ. Сознательное строеніе будущаго невозможно безъ сознательнаго отношенія къ труду, но въ наше время всѣ понятія на этотъ счетъ страшно запутаны. И мы можемъ узнать „новаго человѣка“ по его отношенію къ проблемѣ труда, по его внутреннему пониманію глубины и важности этой проблемы, по тѣмъ рѣшеніямъ, которыя

онъ для нея находитъ, и по вліянію, которое производитъ это на всю его жизнь и дѣятельность.

Понимать „трудъ“ и говорить о немъ очень не легко, потому что однимъ словомъ *трудъ* обозначаются вещи, въ сущности совершенно разныя. Это объясняетъ необыкновенное разнообразіе мнѣній относительно труда, существующее у людей. Трудъ — то проклятіе Божіе, то благословеніе, путь въ новую жизнь. Люди явно путаются, говоря о трудѣ, и это совершенно естественно, потому что они обыкновенно говорятъ о разныхъ вещахъ. Труда вообще нѣтъ, есть разные труды.

Для человѣка празднаго, не знающаго куда дѣвать свои силы, не находящаго имъ примѣненія, всякій трудъ является благословеніемъ. Для человѣка голоднаго, думающаго только о томъ, какъ бы прожить и прокормить семью, всякій трудъ является благословеніемъ.

Праздные и голодные создали современный взглядъ на трудъ. Ихъ мнѣнія страннымъ образомъ сходятся. Голодный человѣкъ стремится обезпечить себѣ *право на трудъ*. И становясь, благодаря труду, сытымъ, онъ начинаетъ почти обоготворять трудъ, дѣлаетъ его какимъ-то фетишемъ, грознымъ и всемогущимъ богомъ, которому нужно служить съ почтеніемъ и преданностью, не разбирая, хорошъ, или не хорошъ этотъ богъ. Иначе богъ отвернется, не позволитъ подходить къ себѣ, уйдетъ, и тогда опять человѣка ждетъ голодъ.

Для голоднаго трудъ божество, прогоняющее злыхъ демоновъ голода, холода, безпріютности и неприкрытости.

Для празднаго трудъ—божество, спасающее отъ тоски бездѣлія, отъ ужаса безконечнаго верченія въ кругу своихъ собственныхъ мыслей, чувствъ и переживаній; какая-то возможность соприкоснуться съ реальной жизнью; намекъ на какой-то смыслъ существованія; отдыхъ отъ самого себя. Такимъ образомъ праздными и голодными создается *фетишизмъ труда*.

Человѣкъ не удовлетворяется тѣмъ освобожденіемъ отъ себя, какое ему даетъ трудъ. Ему начинаетъ казаться, что причина этого не въ немъ самомъ, *а въ трудѣ*, что трудъ—всякій трудъ, просто потому что онъ трудъ,—есть что то великое и необыкновенно *моральное*. Люди не умѣютъ подходить къ труду *просто*, всегда стараются соединить съ нимъ какую то фальшивую идейность. Это мѣшаетъ имъ разбираться въ трудѣ.

Удивительно характерны разговоры о „трудѣ“ въ „Трехъ сестрахъ“, Чехова, гдѣ послѣ восторженныхъ словъ о томъ, что нужно трудиться, и, что безъ труда нельзя жить, Ирина поступаетъ на службу на телеграфъ, потомъ въ городскую управу, поэтому собирается стать учительницей.

Неумѣніе предъявлять къ труду настоящія, реальныя требованія и составляетъ главное несчастіе чеховскихъ героевъ.

Дальше, разбирая отношеніе къ труду, мы видимъ, кромѣ голодныхъ и жаждущихъ труда,—людей, задавленныхъ трудомъ и начинающихъ мечтать немножко обуздать грознаго бога. Жизнь труда дѣлается для нихъ настолько невыносимой, что ради облегченія ея они уже сами добровольно рискуютъ голодомъ. Тогда люди требуютъ ограниченія правъ грознаго божества, требуютъ сокращенія рабочаго дня, повышенія платы, достаточнаго отдыха, облегченія условій работы и пр. Человѣкъ уже сознаетъ, что за одну брошенную ему кость отдавать себя во власть „дикаго бога“ нельзя, и онъ начинаетъ мечтать покорить себѣ этого бога, *взять себѣ результаты своего труда.*

Такъ въ сущности наивны и малы мечты и цѣли всѣхъ грозныхъ „платформъ“ освобожденія труда.

Если мы предположимъ осуществленіе всѣхъ соціалистическихъ идеаловъ, сокращеніе до минимума времени работы, поднятіе до максимума вознагражденія, переходъ къ рабочему и орудій производства, и всѣхъ предпріятій, то немедленно проблема труда станетъ передъ нами въ своемъ психологическомъ аспектѣ. И станетъ ясно, что нужно не это.

Въ дѣйствительности человѣку нуженъ такой трудъ, въ который онъ могъ бы вкладывать *всѣ* свои силы и способности, и трудъ интересный и нужный *ему лично*, не ради заработка или дохода.

Голодъ, праздность и иногда тщеславіе или честолюбіе могутъ заставить человѣка дѣлать *ненужную ему лично работу* или такую работу, въ которую онъ вкладываетъ *не всего себя*, а только ничтожную часть. Но, освобождаясь отъ голода и внутренно поднимаясь выше, человѣкъ начнетъ предъявлять къ труду все большія и большія требованія.

Кромѣ голода, праздности, тщеславія и честолюбія отношеніе къ труду спутываетъ иногда *наслажденіе процессомъ труда*, безъ отношенія къ его нужности, смыслу и цѣли. Это чувство является оттого, что трудъ содержитъ въ себѣ элементъ *спорта*. Есть люди, способные ощущать спортъ *во всякомъ* трудѣ, за который они берутся. Заставить ихъ дѣлать папиросы, они будутъ дѣлать папиросы на 1000 штукъ въ день больше всякаго другого. Заставить дѣлать бомбы, они будутъ дѣлать бомбы чисто, увѣренно и хорошо. Эти люди создали современную культуру со всѣми ея достоинствами и недостатками. *Трудъ* покоряетъ ихъ, подчиняетъ себѣ, они не разбираютъ его, не анализируютъ. Для нихъ трудъ хорошъ и интересенъ, потому что онъ трудъ. Эти люди—спортсмэны труда. Наслажденіе, получаемое отъ труда для нихъ усиливается

властью, правомъ распоряжаться и принуждать къ труду другихъ, которое дается лучшему работнику. Не думая и не желая думать, эти люди въ тоже время непрерывно шарлатанятъ. Они стремятся придать необыкновенное значеніе тому, что дѣлаютъ, показать, что они увлечены трудомъ, не могутъ жить именно безъ этого труда—и что они считаютъ этотъ трудъ нужнымъ, полезнымъ и важнымъ. Съ точки зрѣнія общей эволюціи эти люди—махровые цвѣтки. Ихъ трудъ можетъ быть и полезенъ, и вреденъ. Случайно онъ можетъ направиться очень хорошо, случайно очень плохо. Они не задумываются надъ этимъ, имъ прежде всего *некогда думать*.

Голодные люди продаютъ свой трудъ за кусокъ хлѣба и стремятся продать его подороже. Праздные продаютъ свой трудъ за освобожденіе отъ самихъ себя, которое имъ дастъ трудъ, и они стремятся имѣть трудъ посознательнѣе и поинтереснѣе. Честолюбивые и тщеславные продаютъ свой трудъ за то, что щекочетъ ихъ тщеславіе и честолюбіе. Наконецъ „люди труда“ продаютъ свой трудъ за житейскія блага, за комфортъ, за положеніе, за много всякихъ вещей.

Продажа труда неразрывно связана съ шарлатанствомъ.

Всѣ люди, *продающіе трудъ*, сходятся между собой въ высокой оцѣнкѣ *труда, какъ труда*. Это совершенно естественно. Не имъ обезцѣнивать свой товаръ. Всѣ они такъ или иначе стремятся получить за свой трудъ возможно дороже, всѣ ревниво осуждаютъ и презираютъ *бездѣліе*.

Принятый, ходячій „моральный“ взглядъ на трудъ, какъ на нѣчто, хорошее безъ отношенія къ его цѣли и смыслу, и на бездѣліе, какъ на нѣчто безнравственное, созданъ людьми, *продающими трудъ*; основа этого взгляда лежитъ въ воспоминаніи о *голодѣ*, отъ котораго спасъ трудъ, и въ мыслѣ о благахъ, которыя можно купить на трудъ.

И люди, „продающіе трудъ“, совершенно не сознаютъ и не хотятъ сознавать, что продажа труда, это—такая же *проституція*, какъ продажа любви. Эта мысль совершенно чужда сознанію современнаго человѣка. Попытки указать на неправильность нашего отношенія къ труду въ родѣ „Недѣланія или дѣла“ Толстого и статей Глѣба Успенскаго („Крестьянинъ и крестьянскій трудъ“ и др.) не обратили на себя достаточнаго вниманія,

---

Недавно мнѣ было очень интересно встрѣтить глубокія и вѣрныя мысли о трудѣ въ статьѣ нашей соотечественницы А. Л. По-

госской „Трудъ есть любовь“ („Work is Love“), въ журналѣ „The Theosophist“ *), издающемся въ Индіи.

А. Л. Погосская говоритъ:

Пока большинство считаетъ правильнымъ зарабатывать *любымъ способомъ*, первой встрѣтившейся подходящей работой, пока заработокъ и простое накопленіе богатствъ есть единственная цѣль труда—неправильное отношеніе къ труду не можетъ измѣниться. Очень странно, что, несмотря на высокую культуру и на этическія вліянія, идущія къ намъ со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ вѣковъ, идеалы труда находятся у насъ въ младенческомъ состояніи. Въ другихъ сферахъ мы ушли гораздо дальше. Напримѣръ, если молодая дѣвушка выходитъ замужъ за стараго богатаго человѣка, не любя его, но желая только имѣть комфортабельную жизнь, то отношеніе къ ея поступку будетъ совершенно ясно. Всякій пойметъ, что она дѣйствовала нехорошо и безчестно. И въ такихъ бракахъ мотивы обыкновенно заботливо скрываются. Стыдъ слишкомъ великъ.

Но, если человѣкъ беретъ какую-нибудь работу безъ любви, то объ этомъ никто не думаетъ, какъ о чемъ то дурномъ. Пока человѣкъ зарабатываетъ деньги, онъ можетъ дѣлать всякую безполезную и даже вредную работу.

Молодой человѣкъ или дѣвушка о чемъ то мечтаютъ, стремятся къ пріобрѣтенію научныхъ знаній. Родители тратятъ деньги на ихъ „воспитаніе“. Потомъ этотъ молодой человѣкъ или молодая дѣвушка будутъ продавать водку или служить въ акцизѣ; и при этомъ будутъ искренно считать себя выше кухарки или сапожника; очевидно, понятіи смѣшались. Люди, говоря о трудѣ, берутъ не трудъ а заработокъ; трудъ, какъ служеніе, для нихъ пустой звукъ.

Они берутъ заработокъ, т. е. рабство. И эта путаница понятій, ставшая привычной, производитъ огромное зло, которое мы приписываемъ причинамъ, внѣ нашего контроля. Такимъ ошибочнымъ отношеніемъ къ труду полонъ весь міръ и оно больше всего другого препятствуетъ нашему движенію по правильному пути.

Уже первая попытка опредѣлить и классифицировать трудъ показываетъ, что по отношенію къ проблемѣ труда мы находимся въ дремучемъ лѣсу. Всѣ обычно принятыя дѣленія труда условны и односторонни.

Если мы будемъ разсматривать трудъ со стороны заработка, легкости и „приличія“, какъ это дѣлаетъ большинство культурнаго человѣчества, мы упустимъ изъ виду производительность и непроизводительность труда. Огромное количество легкаго и „приличнаго“ труда совершенно непроизводительно.

Разсматривая трудъ съ точки зрѣнія производительности и непроизводительности, какъ это дѣлаетъ политическая экономія, мы можемъ упустить изъ виду нужность или ненужность, полез-

*) „The Theosophist“, VI, 1912, Adyar, Madras.

ность или вредность труда. Трудъ очень производительный можетъ быть совершенно ненужнымъ или вреднымъ.

Разсматривая трудъ съ точки зрѣнія его полезности для общества, легко упустить изъ виду нужность или ненужность труда для самого работающаго, для его внутренняго роста.

Разсматривая трудъ со стороны работающаго, со стороны его наслажденія трудомъ, мы очень легко можемъ упустить изъ виду результаты труда *для другихъ*, которые, получаются быть можетъ, безъ вѣдома и желанія работающаго.

Вообще тутъ не одинъ, а цѣлые десятки заколдованныхъ круговъ. Благодаря тому, что люди *производятъ трудъ* не ради нужныхъ для нихъ самихъ и *видимыхъ* цѣлей, а *на продажу*, его производится гораздо больше, чѣмъ нужно, и никто не знаетъ, сколько его, собственно нужно. Излишній трудъ—огромное зло нашей жизни. Но ни политическая экономія, ни мораль не могутъ установить, *сколько какого* труда нужно?

Разсмотрѣніе труда, *какъ онъ есть*, какъ мы его видимъ въ жизни, не даетъ правильнаго пониманія. Мы видимъ совершенно различные виды труда, настолько различные, что ихъ невозможно называть однимъ словомъ. Анализъ плохо помогаетъ. Общія черты совершенно отсутствуютъ во многихъ видахъ труда.

Необходимо попробовать синтетическій методъ: — соединить вмѣстѣ тѣ черты труда, которыя дѣлаютъ его *положительнымъ явленіемъ* для самого трудящагося и для окружающихъ, и посмотрѣть, нѣтъ ли въ жизни группъ или отдѣловъ труда, подходящихъ подъ такія требованія, т. е. включающихъ въ себя всѣ условія, которыя дѣлаютъ трудъ *положительнымъ*.

Трудъ положительнаго характера это — прежде всего такой трудъ, который *не продается*, т. е. совершается не ради *посторонней* ему цѣли, а ради цѣли, заключенной въ немъ самомъ, ради его собственнаго результата.

Затѣмъ это трудъ, который человѣкъ дѣлаетъ *для себя*, такой трудъ, результаты котораго нужны и пріятны *ему лично*, или трудъ альтруистическій, *для другихъ*. Но во всякомъ случаѣ человѣкъ долженъ знать, *для кого* его трудъ. Ему не должны быть безразличны результаты его труда. Согласіе людей совершать трудъ, не зная его результатовъ, это главное проклятіе нашей жизни.

Дальше, это трудъ, который человѣкъ началъ *самъ*, по собственному почину, по собственной иниціативѣ, или если это трудъ, начатый другими, то во всякомъ случаѣ такой трудъ, съ которымъ онъ согласенъ, смыслъ и цѣль котораго онъ понимаетъ, къ которому онъ присоединился добровольно, не ради платы.

Для того, чтобы обладать всѣми этими свойствами, т. е. быть *своимъ*, а не чужимъ,—совершаться съ сознаніемъ цѣли и результатовъ—и являться проявленіемъ воли и иниціативы человѣка, трудъ долженъ быть *цѣльнымъ*, т. е. въ результатѣ долженъ давать что-нибудь *цѣлое*, законченное, понятное, опредѣленное и *нужное*.

Затѣмъ необходимо, чтобы трудъ являлся выраженіемъ личности и индивидуальности человѣка, не былъ чѣмъ-то *отдѣльнымъ* отъ него, не былъ *ниже* его, ниже его пониманія, его силъ и способностей. Трудъ долженъ быть такимъ, чтобы человѣкъ могъ вкладывать въ него *всего себя*.

Обладающій всѣми этими свойствами трудъ является чрезвычайно сильно *воспитывающимъ*; онъ воспитываетъ всего человѣка, его умъ, чувство и волю. Затѣмъ такой трудъ служитъ *познанію*, можетъ давать познаніе путемъ творчества, служить внутреннему росту.

Если трудъ ниже человѣка, человѣкъ, совершая его, не растетъ, а понижается, ослабѣваетъ, теряетъ силы.

Разсматривая съ поставленной точки зрѣнія всѣ извѣстныя намъ виды, типы и подраздѣленія труда, мы безъ всякаго затрудненія увидимъ, что *всѣми* указанными свойствами *положительнаго труда* обладаетъ только *творческій, художественный трудъ*. И что вообще трудъ нужно разцѣнивать по количеству творческаго элемента въ немъ.

Этотъ творческій элементъ часто дѣлаетъ высоко-художественнымъ внутренно, внѣшне совершенно нехудожественный трудъ. Это именно понималъ въ своихъ мечтахъ о *гармоническомъ трудѣ*, непонятый и даже плохо понимавшій самъ себя философъ-мистикъ одной изъ самыхъ тяжелыхъ полосъ нашего безвременія.

Понявъ трудъ со стороны творчества и художественности, мы вмѣстѣ съ тѣмъ поймемъ, что *проблема труда* ставится у насъ вообще совершенно неправильно.

Трудъ не творческій и не художественный *не нуженъ совсѣмъ*. Эволюція труда заключается не въ облегченіи его, не въ повышеніи его продажной цѣнности, а въ превращеніи его въ творческій и художественный. Только творческій трудъ не есть „проклятіе Божіе“. Все, что въ трудѣ не способно эволюціонировать въ этомъ направленіи, *должно исчезнуть совсѣмъ*. Будущее принадлежитъ творческому и художественному труду, въ которомъ единственно

можетъ проявиться *весь* внутренній міръ человѣка, и который единственно содѣйствуетъ внутреннему росту.

Всякій *не творческій* трудъ, есть остановка, задержка въ развитіи,—тупикъ, изъ котораго нужно выйти, пятясь назадъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ поворотный пунктъ. Всѣ стремленія къ освобожденію отъ эксплуатаціи обыкновеннаго труда, не художественнаго и не творческаго, совершаемаго за плату, это — ничто иное, какъ стремленіе къ регистраціи проституціи.

Эволюція труда есть эволюція художественнаго и творческаго труда, *только этотъ* трудъ можетъ быть *сознательнымъ*, потому что дѣйствительно *сознательный работникъ* не удовлетворится механическимъ и не художественнымъ трудомъ.

Эти идеи должны быть необыкновенно близки человѣку высшаго типа, и для него это должна быть *не отвлеченная идея*, а главный мотивъ всей жизни. Человѣкъ внутренняго роста, человѣкъ, приближающійся къ высшему типу, не долженъ и не можетъ соглашаться на рабскую работу, на проституцію труда. Работа безъ элемента творчества въ ней, работа, не служащая украшенію жизни, не служащая будущему, должна быть невозможна для него, или невыносимо тяжела. И если обстоятельства жизни принуждаютъ его къ такой работѣ, принуждаютъ его продавать свой трудъ, то онъ всетаки всегда найдетъ возможность отдать хоть маленькій уголокъ своей души какой-нибудь творческой работѣ. Жизнь совсѣмъ безъ всякой творческой работы, безъ всякаго служенія будущему станетъ для него совершенно невозможной. И онъ найдетъ среди условій нашей жизни, среди фактическаго роста всего некрасиваго и безобразнаго, пути и способы проявленія своего пониманія идеи труда. Но онъ увидитъ, насколько это трудно; научится понимать при этомъ, что значатъ евангельскія слова о невозможности служить одновременно Богу и маммонѣ.

„Никто не можетъ служить двумъ господамъ: или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить; или одному станетъ усердствовать, а другому нерадѣть".

Онъ пойметъ ненормальность положенія творческаго и художественнаго труда, съ которымъ постоянно конкурируетъ, неизмѣнно побѣждая его, трудъ не творческій и не художественный. Пойметъ необходимость *выдѣлить* творческій и художественный трудъ и, *насколько возможно больше*, *повысить его цѣну*, чтобы дать ему возможность расти и развиваться. Послѣднее совершенно необходимо. И, хотя, конечно, отдѣльный человѣкъ ничѣмъ не можетъ измѣнить общаго

порядка, тѣмъ не менѣе распространеніе правильныхъ мнѣній на этотъ счетъ непремѣнно приведетъ къ *повышенію спроса* на творческій и художественный трудъ и *къ пониженію спроса* на трудъ нехудожественный и механическій. А все, что служитъ распространенію художественнаго труда, служитъ будущему *).

---

*) У многихъ изъ читателей можетъ явиться вопросъ: — какимъ образомъ проводить всѣ эти идеи въ жизнь, помимо установленія личныхъ мнѣній и выработки личныхъ вкусовъ? Для многихъ принятіе извѣстной идеи неразрывно связано со стремленіемъ къ общественной дѣятельности. И мнѣ хочется привести одинъ очень интересный примѣръ начала *общественной дѣятельности* на основаніяхъ очень близкихъ къ изложенному.

Въ Англіи существуетъ и дѣйствуетъ, начиная распространять свою дѣятельность на Индію и Америку, общество, основанное А. Л Погосской, отрывокъ изъ статьи которой въ Theosophist'ѣ я приводилъ выше. Общество имѣетъ цѣлью именно содѣйствіе развитію художественнаго и творческаго труда и спроса на него. Идеи А. Л. Погосской имѣютъ много общаго. съ идеями Джона Рескина. Она становится на защиту ручного труда, ремеслъ, поднимающихся на уровень искусства, на защиту „мастерства", противъ „промышленнаго производства". Она утверждаетъ, что стремленіе къ художественному и творческому труду въ народѣ и въ наше время сохранилось въ кустарныхъ производствахъ, еще живыхъ во многихъ мѣстахъ. Рѣчь идетъ, конечно, не о массовомъ производствѣ замковъ или гнутой мебели, а именно о *художественномъ трудѣ*, сохранившемся во многихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи. А. Л. Погосская находитъ, что, создавъ спросъ и облегчивъ сбытъ произведеній такого труда, можно положить начало реформѣ всего труда человѣчества, на началахъ именно *уничтоженія* рабскаго механическаго труда и развитія свободнаго художественнаго труда. Идеи А. Л. Погосской не создались теоретически, а неразрывно связаны съ ея практической дѣятельностью въ Россіи, въ Америкѣ и въ Англіи.

А. Л. Погосская много лѣтъ стремилась создавать спросъ на предметы ручного художественнаго производства въ большихъ центрахъ, и воскрешать и поддерживать старинныя художественныя производства на мѣстахъ. Передъ мной лежитъ книжка „Fellowship in work" by A. L. Pogossky London, 1912. — („Союзная дѣятельность въ трудѣ"), состоящая изъ слѣдующихъ статей: „Извращеніе труда", „Злоупотребленіе машинами", „Почему нужно возвращаться къ ручнымъ производствамъ?"; „Служеніе". „Вдохновеніе въ работѣ. „Трудовыя колоніи". и пр.

На первой страницѣ этой книжки излагаются основанія дѣятельности „Международнаго союза ручного труда", „The International Fellowship of Workers", именно слѣдующіе: „Союзъ утверждаетъ, что всякій истинный трудъ есть выраженіе любви, и поэтому союзъ стремится: 1) Распространять этотъ взглядъ и содѣйствовать развитію труда, клонящагося къ созданію совершенной и гармонической человѣческой жизни. 2) Поощрять и поддерживать національныя и традиціонныя ручныя производства каждой страны, оживляя и поднимая заложенное въ самихъ трудящихся умѣніе (skill). 3) Содѣйствовать при помощи выставокъ, конференцій, литературы и другихъ подходящихъ средствъ соединенію вмѣстѣ изъ разныхъ странъ міра образцовъ труда, въ которыхъ запечатлѣна личность трудящихся, и которыя являются истиннымъ выраженіемъ прекраснаго".

Въ мои задачи не входитъ критика или анализъ плановъ „Международнаго союза ручного труда". Я хотѣлъ только указать на примѣръ *реальной дѣятельности*, связанной съ пониманіемъ недостаточной ширины и глубины обычныхъ постановокъ проблемы труда и съ сознаніемъ необходимости реформированія самой идеи труда на началахъ развитія *творчества и художественности*.

Одна изъ самыхъ трудныхъ проблемъ человѣчества, трудныхъ своей противорѣчивостью, это—проблема отношенія половъ, проблема *любви*. И человѣкъ, стремящійся къ высшему развитію, непремѣнно долженъ искать и *находить* путь въ этомъ лабиринтѣ противорѣчій и столкновеній интересовъ, его собственныхъ личныхъ, другихъ личныхъ, интересовъ неизвѣстнаго будущаго и прочихъ.

Любовь—всегда голосъ будущаго, говорящій въ настоящемъ. Люди вѣчно обманываются, принимая этотъ голосъ *за свой*, принимая желаніе любви *за свое* желаніе. Въ дѣйствительности любовь заключается въ томъ, что въ душѣ человѣка начинаетъ звучать желаніе „непроявленнаго цѣлаго", требующаго новаго выраженія. Любовь—это глубоко мистическій моментъ. Человѣкъ высшаго развитія и типа долженъ очень много понимать черезъ любовь. Ощущенія любви должны давать ему новыя и необыкновенныя *постиженія*. Любовь для него всегда будетъ *чудомъ*, въ ней никогда для него не будетъ ничего *простого*. Онъ будетъ ощущать въ любви *тайну*, и эта тайна будетъ для него главной притягательной силой любви. Онъ никогда не будетъ умалять значенія любви, никогда не будетъ говорить о ней *простыми словами*. Любовь для него всегда будетъ *магіей*, онъ будетъ ощущать въ ней таинственную алхимію природы. Ему будутъ близки и родственны идеи, пониманія любви и жизни по какимъ то новымъ углубленнымъ и расширеннымъ линіямъ мысли.

Ему должны много говорить такія слова:

Пойми одно: что мы-не мы;
Что всѣми нами кто-то движетъ;
Какъ жемчуга насъ кто-то нижетъ
Въ сплетенья цѣпи и четы.

Пойми: не мы творимъ любовь,
Мы лишь незримой цѣпи звенья,
Что черезъ насъ стремится вновь
Найти восторгъ соединенья. *)

Если любовь *безсознательно* есть сліяніе съ природой и исполненіе какихъ то невѣдомыхъ предначертаній природы, то *сознательно* она должна стать искусствомъ. Она и есть искусство въ родѣ музыки, необыкновенно сложное и трудное, въ которомъ тѣла и души людей являются инструментами, на которыхъ играетъ кто то

*) В. Г. Тардовъ. —„*Странникъ*", книга стиховъ. Москва 1912 г.

большой и невѣдомый. Человѣкъ можетъ слить свое сознаніе съ этимъ невѣдомымъ музыкантомъ, стать съ нимъ однимъ — и тогда онъ услышитъ въ своихъ собственныхъ эмоціяхъ и настроеніяхъ удивительную музыку безконечнаго. Но для этого онъ долженъ умѣть отдаваться этой музыкѣ. Если онъ станетъ мѣшать ей, вводя свои собственныя корыстныя ноты, идущія изъ другихъ областей, божественная музыка превратится въ его душѣ въ отчаянную дисгармонію. Онъ вступитъ въ борьбу съ вѣчнымъ и потеряетъ все, даже временное.

Человѣкъ полусознательной, инстинктивной жизни, далекій отъ высшихъ ступеней, можетъ въ своей любви, просто отдаваясь инстинктамъ, безсознательно служить будущему и вѣчному, *думая что онъ служитъ себѣ*. Но человѣкъ, приближающійся къ сознательной жизни, долженъ быть сознательнымъ въ любви, долженъ научиться понимать голоса инстинктовъ, долженъ знать, *что* въ немъ самомъ есть голосъ будущаго и *что* — голосъ настоящаго, ведущій борьбу съ будущимъ.

Эволюція идетъ путемъ постепеннаго *отбора*. Ея цѣль постепенное выдѣленіе *лучшихъ*. Человѣчество всегда стремилось и стремится создать *правильную аристократію*. Самое „демократическое“ направленіе, въ концѣ концовъ, сводится къ тому, чтобы создать *правленіе лучшихъ* и такой порядокъ вещей, при которомъ *составъ лучшихъ*, непрерывно обновляясь и освѣжаясь, не могъ бы стать *правленіемъ худшихъ*.

Новая раса должна стать новой аристократіей человѣчества. Уже не далеко то время, когда она сознаетъ себя *какъ отдѣльный классъ*, проникающій всѣ слои общества и всѣ націи міра, не считаясь ни съ вертикальными, ни съ горизонтальными перегородками. И тогда, пользуясь своей интуиціей и внутренней сплоченностью, новая раса которая не будетъ нуждаться ни во внѣшнихъ знакахъ, *ни въ предварительномъ уговорѣ*, можетъ занять мѣсто наверху всѣхъ соціальныхъ дѣленій, подобно браминамъ древней Индіи или кастѣ жрецовъ древняго Египта. *Но не внѣшнимъ образомъ, а исключительно внутреннимъ и не для себя, не эгоистично, а въ интересахъ эволюціи цѣлаго*. Этимъ она будетъ отличаться отъ всѣхъ предыдущихъ аристократій и аристократическихъ кастъ, которыя падали и вырождались, уходя во внѣшнее и отдавая всѣ свои силы стараніямъ сохранить свое привилегированное положеніе, якобы въ интересахъ народа или человѣчества, но въ сущности, только и исключительно для себя. Между тѣмъ, именно въ мы-

сляхъ и заботахъ *объ эволюціи цѣлаго*, лежитъ возможность образованія аристократіи, являющейся авангардомъ человѣчества. Эта аристократія для своего сохраненія не будетъ нуждаться въ искусственныхъ огражденіяхъ. Наоборотъ, всякій человѣкъ *изъ массъ*, начинающій ощущать интересы цѣлаго и начинающій стремиться *правильными путями* къ борьбѣ за эти интересы, *этимъ самымъ будетъ присоединяться къ аристократіи. Массы* будутъ состоять изъ эгоистически настроенныхъ людей, *борющихся за свои личные интересы* или за интересы своего класса, безъ вниманія къ интересамъ цѣлаго или противъ нихъ. Аристократія должна состоять изъ людей, понимающихъ интересы *цѣлаго* и стоящихъ за нихъ. Въ сущности это такъ есть уже и теперь, но признаки новыхъ классовъ, новыхъ дѣленій общества еще недостаточно опредѣлились.

„*Любовь*"—одинъ изъ факторовъ отбора и созданія новой аристократіи. Цѣль любви не въ одномъ рожденіи. Это могучее средство *нахожденія другъ друга*, узнаванія, знакомства людей новой расы, выдѣленія изъ общей массы и *организаціи* новаго человѣчества, *не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ*. Мужчины и женщины новой расы все легче и легче находятъ и узнаютъ другъ друга, хотя бы ихъ раздѣляла разница національностей, языка, рожденія и положенія. Всѣ эти границы какъ то сразу исчезаютъ передъ лозунгами *новаго будущаго*. Знающіе, понимающіе эти лозунги,—это уже свои, близкіе, *равные*, какъ бы они ни были далеки по внѣшности, по условнымъ земнымъ раздѣленіямъ. Не знающіе этихъ лозунговъ, не понимающіе, не слышащіе ихъ, это — *низшая раса*, хотя бы это были и близкіе люди.

„*И враги человѣку домашніе его*".

Люди уже теперь раздѣляются на „слышавшихъ" и „не слышавшихъ" или слышавшихъ и не понявшихъ. И *любовь* между слышавшими и не слышавшими дѣлается все болѣе и болѣе трудной и невозможной. Въ такой любви начинаетъ чувствоваться какой то чуждый и странный элементъ.

А съ другой стороны любовь между равно стремящимися къ служенію Неизвѣстному Богу начинаетъ пріобрѣтать совершенно новыя краски, передъ ней начинаютъ раскрываться новые горизонты безконечныхъ возможностей.

Въ дѣлѣ *отбора* огромная роль принадлежитъ женщинѣ, ея инстинктамъ. Инстинкты мужчины грубѣе и опредѣленнѣе или направлены иначе. Имъ нужна внѣшняя красота, заключающая въ себѣ силу внѣшней эволюціи рода. И, очевидно, инстинктами мужчины ведется эта внѣшняя эволюція. За извѣстный намъ историческій періодъ требованія мужчины къ женщинѣ почти не перемѣ-

нились. „Пѣснь пѣсней“ одинаково будетъ говорить и современному мужчинѣ и мужчинѣ, жившему тысячи лѣтъ тому назадъ.

Красота женщины, это — ея геніальность, писалъ Ренанъ. Но инстинкты женщины гораздо тоньше, и они непрерывно мѣняются, непрерывно создаютъ *новыя* требованія. Они всегда направлены на исканіе внутренняго, всегда производятъ отборъ внутреннихъ качествъ, ведущихъ *внутреннюю* эволюцію. — На мужчину вліяетъ „красота“ въ женщинѣ, на женщину „сила“ въ мужчинѣ.

И красота и сила въ людяхъ выражаютъ одно и тоже—*эволюцію*. Но красота гораздо болѣе устойчивое и постоянное понятіе, чѣмъ сила. Сила — мѣняющееся понятіе. Очень многое, что считалось силой тысячу лѣтъ тому назадъ, теперь часто уже является слабостью. Даже не нужно тысячи лѣтъ, въ наше время, среди современныхъ людей мы можемъ видѣть совершенно различныя пониманія силы. И очень многое, что одни назовутъ силой характера, воли или чувства, для другихъ будетъ только признакомъ слабости интеллекта или слабости моральнаго, или эстетическаго развитія.

Инстинкты женщины высшаго типа очень тонко разбираются въ этихъ вещахъ. Даже рыцарскія качества—смѣлость, отвага, рѣшимость, увлекавшія женщину прежняго времени, перенесены во „внутренній кругъ“. Они больше всего нужны теперь въ области мысли. Одного проявленія ихъ во внѣшнемъ кругу недостаточно.

И инстинктамъ женщины вмѣстѣ съ *отборомъ* предоставленъ *бойкотъ* „неприспособленныхъ“, на этотъ разъ неприспособленныхъ къ жизни духа.

Этотъ *отборъ* и этотъ *бойкотъ*, совершаемые женщиной, очень часто безсознательно противъ своихъ собственныхъ *видимыхъ* вкусовъ, симпатій и интересовъ, есть одна изъ самыхъ важныхъ силъ внутренняго прогресса человѣчества. Инстинкты женщины различаютъ то, что Н. К. Михайловскій называлъ *борьбой за индивидуальность* и *борьбой за существованіе*, и вольно или невольно становятся на сторону перваго.

Одна изъ причинъ бѣдности и безкрасочности нашей жизни, заключается въ томъ, что въ ней *слишкомъ мало любви*? Подъ словомъ любовь очень часто подразумѣвается психологическая дребедень и житейскія комбинаціи, не имѣющія ничего общаго со служеніемъ великому богу древняго міра. Вообще утрата религіознаго пониманія любви въ значительной степени является причиной захвата нашей жизни ложными богами.

Вырожденіе, являющееся какъ бы знакомъ нашего времени,

тоже зависитъ отъ исчезновенія религіознаго отношенія къ любви, отъ потери пониманія *культа любви.*

У древнихъ народовъ культъ любви создавалъ красоту жизни, и они думали, что безобразіе внутреннее и внѣшнее одинаково, кощунственно и богохульно. Но въ нашей жизни безобразіе стало признаннымъ и законнымъ. Красота и стремленіе къ красотѣ стали выхожденіемъ изъ общаго правила, исключеніемъ, почти ненормальностью.

Но искусство съ одной стороны и просыпающійся интересъ къ магіи и мистикѣ съ другой стороны должны вернуть людей къ позабытому культу любви.

Съ правильнымъ пониманіемъ любви неразрывно должно быть связано правильное пониманіе мѣста въ жизни и значенія *страданія.* Любовь даже въ самомъ счастливомъ случаѣ всетаки заключаетъ въ себѣ внутренній конфликтъ. Въ ней всегда много неизбѣжныхъ противорѣчій и связанныхъ съ ними непониманій. Любовь учитъ страданію. Мечты человѣка, привыкшія къ безконечнымъ горизонтамъ высшихъ міровъ, не удовлетворяются, не примиряются съ земной дѣйствительностью, *въ которой возможно одновременно только что нибудь одно.* Въ любви *то, что есть,* всегда заставляетъ желать новаго, мечтать о томъ, *чего нѣтъ, что могло бы быть.*

Въ любви, даже въ самой счастливой, всегда есть оттѣнокъ меланхоліи. Любовь на землѣ всегда только *попытка* полета, всегда только взмахъ крыльевъ.

Понявъ *неизбѣжность* страданія въ такой области жизни, которая въ глазахъ наивныхъ людей ведетъ или должна вести къ *счастью,* человѣкъ новыхъ исканій пойметъ, насколько неправильно обыкновенное *человѣческое* отношеніе къ страданію.

Человѣкъ, живущій настоящимъ, не ощущающій въ настоящемъ біенія пульса будущаго и вѣчнаго, это одинъ сплошной протестъ противъ страданія. Онъ всегда бѣжитъ отъ него. Всегда относится къ страданію, какъ къ ужасу, отъ котораго *нужно* бѣжать. Но, сознательно идя къ будущему, человѣкъ долженъ понять, что это совсѣмъ не есть *путь къ счастью,* а наоборотъ, приближеніе къ новому великому страданію, потому что сверхчеловѣкъ, это— *сверхчеловѣческое страданіе.*

Образы сверхчеловѣка, созданные двумя великими міровыми движеніями мысли Востока и Запада—Будда и Христосъ,—это именно выраженіе страданія. Сверхчеловѣкъ *безъ Голгоѳы,* безъ распятія—внѣшняго или внутренняго—невозможенъ.

Символическое пониманіе голгоѳы, какъ распятіе *духа* на крестѣ *матеріи*, неразрывно связано съ пониманіемъ *неизбѣжности страданія* для духа, заключеннаго въ матеріи, связаннаго ограниченіями матеріи. И чѣмъ этотъ духъ выше, тѣмъ выше должно быть его страданіе.

Изъ попытокъ представить себѣ сверхчеловѣка безъ страданія есть только одна, которая не искажаетъ для этого образъ сверхчеловѣка. Это—попытка китайской философіи. *Человѣкъ, постигшій Тао*, больше не страдаетъ. *Но въ то же время онъ больше не дѣйствуетъ.* „Постиженіе Тао“ дѣлаетъ человѣка настолько погруженнымъ въ міръ идей, что онъ больше не находитъ нужнымъ *дѣйствовать* въ мірѣ иллюзій. Только отдѣлившись отъ дѣйствія, можно отдѣлиться отъ страданія. Причина человѣческихъ страданій создается *препятствіями*, которыя ставитъ его дѣйствіямъ трехмѣрный міръ, т. е. препятствіями, которыя ставитъ матерія духу. Эти препятствія состоятъ изъ иллюзій, которыя создаетъ себѣ духъ. Пока человѣкъ будетъ стремиться дѣйствовать, онъ будетъ страдать. Сверхчеловѣкъ будетъ страдать безконечно сильнѣе обыкновеннаго человѣка, потому что онъ будетъ безконечно сильнѣе ощущать несоотвѣтствіе своихъ стремленій съ возможностью осуществленія (на землѣ).

Поэтому идея *Тао*, избавляющаго отъ страданія, въ умахъ китайскихъ философовъ была неразрывно связана съ *недѣланіемъ*. Мудрецъ, *постигшій Тао*, перестаетъ дѣйствовать.

Въ буддизмѣ *Нирвана* связана съ отсутствіемъ желаній. Для того чтобы избавиться отъ страданій и достигнуть Нирваны нужно перестать желать. По своему внутреннему смыслу это то же самое, что ученіе о Тао. Человѣкъ, не имѣющій никакихъ желаній, не можетъ имѣть никакой воли и не можетъ совершать никакихъ дѣйствій.

Въ буддійскомъ катехизисѣ Олькотта говорится, что „нирваническое состояніе можетъ быть достигнуто, когда человѣкъ еще живетъ на землѣ“. Въ такомъ случаѣ *Нирвана* должна быть синонимомъ *недѣланія*, какъ это слово обыкновенно и понимается, хотя *недѣланіе* выражаетъ только одну (объективную) сторону нирваническаго состоянія.

Но необходимо замѣтить, что о достиженіи Нирваны при жизни говорится только въ популярныхъ изложеніяхъ ученія Будды. И больше основаній думать, что въ отвлеченномъ „эзотерическомъ“ буддизмѣ идея Нирваны соединяется съ состояніемъ духа, уже освободившагося отъ земной оболочки, и что буддизмъ не видитъ возможности достиженія гармоніи на землѣ.

Въ христіанствѣ совершенно ясно—никакое счастіе на землѣ

невозможно. Возможно только стремленіе къ *Царству Небесному*, которое, находясь *внутри человѣка*, лежитъ въ то же время за порогомъ жизни. Христіанство въ данномъ случаѣ гораздо болѣе опредѣленно и болѣе мудро. Оно не оставляетъ никакой ложной надежды, никакого повода для неправильнаго толкованія, никакой возможности самообмана.

На пути высшаго развитія человѣка ждутъ новыя, даже плохо вообразимыя для него страданія. Но вмѣстѣ съ новыми страданіями сверхчеловѣку должны сдѣлаться доступными новыя наслажденія, совершенно непонятныя людямъ.

Всѣ легенды и всѣ миѳы о сверхчеловѣкѣ приписываютъ ему знанія, способности и силы выше человѣческихъ. Онъ не только глубже, проникновеннѣе, добрѣе и лучше человѣка, но онъ *могущественнѣе* человѣка.—Онъ *волшебникъ* или *святой*. И вотъ эти магическія и мистическія способности сверхчеловѣка, все равно понимать ли ихъ буквально или символически, какъ сознанную имъ самимъ *необходимость* побѣдить матерію, въ сущности и являются ключомъ къ пониманію его психологическаго образа.

Идеалистическое мышленіе, художественное воспріятіе, тонкое моральное чувство, высшая сознательность, новое пониманіе труда и любви—все это непремѣнно должно приводить къ „космическимъ ощущеніямъ, т. е. къ ощущеніямъ единства жизни всего существующаго.

Эти соприкосновенія съ космической жизнью и заключаютъ въ себѣ новыя непонятныя обыкновеннымъ людямъ наслажденія.

Д-ръ Беккъ въ своей замѣчательной книгѣ о *космическомъ сознаніи* [1]) считаетъ озареніе внутреннимъ свѣтомъ признакомъ людей новой расы. Это озареніе, соединенное съ чувствомъ необыкновеннаго блаженства, раскрываетъ человѣку на мгновеніе проблескъ высшей жизни и даетъ пониманіе механизма вселенной, какъ живого, чувствующаго и мыслящаго цѣлаго.

Воспоминаніе объ этомъ наслажденіи внутренняго раскрытія и внутренняго свѣта, по словамъ Бёкка, уже никогда не покидаетъ человѣка, разъ испытавшаго это. Онъ сознаетъ, что это есть *посвященіе въ новый порядокъ идей* и люди, подобно ему испытавшіе такое *раскрытіе тайнъ*, выдѣляются для него изъ всей массы человѣчества, какъ близкіе ему и родные. Бёккъ указываетъ много „лозунговъ“, по которымъ люди космическаго сознанія могутъ узнавать другъ друга. И хотя онъ самъ говоритъ нѣсколько наив-

---

[1]) „Cosmic Consciousness“ by R. Bucke.

ностей, тѣмъ не менѣе въ принципѣ онъ совершенно правъ, и человѣкъ *новой расы* долженъ быть человѣкомъ *космическаго сознанія* въ большей или меньшей степени.

Проблески космическаго сознанія мы называемъ *экстазомъ*.

Экстазъ—это нѣчто настолько *высшее* среди всѣхъ возможныхъ для человѣка наслажденій, что у насъ нѣтъ словъ и средствъ для его описанія. Люди, переживавшіе экстазъ, много разъ стремились передать то, что они испытали, и эти описанія, идущія часто изъ разныхъ вѣковъ, отъ людей, не знавшихъ другъ о другѣ, удивительно сходны и главное заключаютъ въ себѣ *одинаковыя постиженія*. При этомъ описанія экстаза, если это настоящій экстазъ, содержатъ въ себѣ какую то внутреннюю правду, въ которой нельзя обмануться и отсутствіе которой—фальсификація экстаза—сейчасъ же чувствуется. Только искусству—поэзіи, музыкѣ, живописи доступна хотя и очень слабая передача реальнаго *вкуса экстаза*. Все искусство есть, въ сущности, стремленіе передать ощущеніе экстаза. И только тотъ понимаетъ и ощущаетъ искусство, кто чувствуетъ въ немъ этотъ вкусъ экстаза.

Неясное ощущеніе далекихъ внутреннихъ голосовъ, смутное ощущеніе скрытыхъ возможностей, нежеланіе удовлетворяться плоскими матеріалистическими объясненіями, внутренняя увѣренность въ неправильности, ложности этихъ объясненій, очень часто приводятъ человѣка къ міру „чудеснаго“.

И *новый* интересъ, направленный въ сторону „таинственнаго“ и „необъяснимаго“, тяготѣніе въ сторону „оккультнаго“ въ очень сильной степени характеризуютъ новый нарождающійся типъ, передъ которымъ лежитъ будущее. Человѣкъ вдругъ чувствуетъ, что онъ не въ состояніи больше проходить мимо многаго, что до сихъ поръ казалось ему не заслуживающимъ вниманія. Онъ вдругъ какъ будто начинаетъ смотрѣть новыми глазами, и все „сказочное“, „магическое“, „колдовское“, „мистическое“, что вчера еще онъ съ улыбкой отвергалъ, какъ суевѣріе, неожиданно для него самого пріобрѣтаетъ какой то новый и глубокій, то символическій, то реальный смыслъ.

Въ вещахъ открываются новыя значенія, какія то неожиданныя и странныя аналогіи. У человѣка проявляется интересъ къ изученію религій древнихъ и новыхъ. Онъ вдумывается во внутренній смыслъ аллегорій и миѳовъ, находитъ глубокое и странное значеніе въ томъ, что раньше казалось ему понятнымъ и неинтереснымъ. Человѣкъ съ огромнымъ интересомъ пускается въ плаваніе по совершенно неизвѣстному ему раньше морю „оккультной лит

ратуры". Онъ чувствуетъ здѣсь цѣлый міръ новыхъ возможностей познанія и *дѣйствія*.

Этотъ интересъ къ таинственному, чудесному и оккультному создаетъ, можетъ быть, главные лозунги, служащіе для объединенія людей новой расы. Но эта же область служитъ какъ бы для испытанія людей. Человѣкъ, въ которомъ остались возможности легковѣрія или суевѣрія, непремѣнно попадетъ на одинъ изъ подводныхъ камней, которыми полно море „оккультизма", соблазнится какими нибудь миражами,—вообще, такъ или иначе потеряетъ свою цѣль. Съ другой стороны, если въ немъ еще осталось сколько нибудь матеріализма, „оккультныя теоріи" и „оккультная практика" могутъ очень сильно укрѣпить его матеріализмъ и остановить его внутренній ростъ, въ обоихъ случаяхъ будетъ ли онъ вѣрить или не будетъ.

Но во всякомъ случаѣ этой области не обойдетъ никто и правильное отношеніе къ ней должно быть выработано.

Если теперь мы представимъ себѣ образъ человѣка, приближающагося къ *новому типу*, мы должны понять, что онъ будетъ жить какой то особенной *своей* жизнью, очень мало похожей на жизнь обыкновенныхъ людей. Въ его жизни будетъ очень много страданія,—будутъ такія страданія, которыя еще очень слабо касаются насъ и будутъ наслажденія, о которыхъ мы не имѣемъ никакого понятія, слабый отвкусъ которыхъ только очень рѣдко доходитъ до насъ.

Но для человѣка, *который самъ не мѣняется* отъ соприкосновенія съ идеей сверхчеловѣка, въ этой идеѣ есть одна сторона, придающая всему очень мрачный колоритъ. Это — *дальность* идеи, отдаленность, отрѣзанность сверхчеловѣка *отъ насъ*, отъ нашей жизни. Мы — одно, онъ — совсѣмъ другое. Можетъ быть и прекрасное, но безконечно далекое, чуждое и не имѣющее къ намъ никакого отношенія, кромѣ только того, *что мы должны создать его*. И когда люди начинаютъ смотрѣть на свое отношеніе къ сверхчеловѣку съ этой точки зрѣнія, въ нихъ начинаетъ закрадываться сначала сомнѣніе, потомъ еще болѣе опредѣленное, какое то очень горькое чувство, которое, въ концѣ концовъ, выльется въ совершенно опредѣленный отрицательный взглядъ на всю идею.

Люди могутъ разсуждать и часто дѣйствительно разсуждаютъ такъ: — Допустимъ, что сверхчеловѣкъ *будетъ* и, что онъ будетъ именно такой — просвѣтленный и *новый*, какого мы рисовали себѣ,

и будетъ созданъ нашими сознательными трудами и усиліями, нашей готовностью пожертвовать для него мечтой *о своемъ* личномъ счастіи. *Но что намъ до этого, разъ это будетъ онъ, а не мы?* Вѣдь онъ будетъ жить тогда, когда отъ насъ не останется даже тѣни. Что же мы по отношенію къ нему? Почва, на которой современемъ вырастетъ прекрасный цвѣтокъ? Глина, изъ которой будетъ вылѣплена прекрасная статуя? Почему мы должны заботиться объ этомъ прекрасномъ будущемъ, въ которомъ для насъ самихъ не будетъ мѣста? Намъ показываютъ свѣтъ, котораго мы никогда не увидимъ. Почему мы должны служить этому свѣту, которымъ будутъ наслаждаться другіе? — Мы нищіе, намъ темно и холодно, а насъ утѣшаютъ, показывая огни въ домѣ богача. Мы голодны, а намъ говорятъ о роскошномъ пирѣ, *гдѣ насъ не будетъ*. Мы тратимъ всю жизнь, чтобы собрать жалкія крохи знанія, а намъ говорятъ, что все наше знаніе — иллюзія, и что въ душѣ сверхчеловѣка загорится огонь, при свѣтѣ котораго онъ вдругъ увидитъ все, чего мы такъ жадно искали, къ чему стремились, и чего не могли найти.

Въ самомъ дѣлѣ, въ идеѣ сверхчеловѣка,—если ее брать, такъ какъ ее обыкновенно берутъ, т. е., объективно, внѣ себя, въ позитивномъ пониманіи времени, представляя себѣ сверхчеловѣка *въ будущемъ*,—есть нѣчто глубоко оскорбительное и обидное *для человѣка*.

И всѣ недоумѣнія, какія являются у людей при столкновеніи съ идей сверхчеловѣка законны и важны. Нельзя отвѣтить на нихъ поверхностно. Нельзя отдѣлаться отъ нихъ фразой, что человѣкъ *долженъ* черпать наслажденіе въ сознаніи своей жертвы свѣтлому будущему и сверхчеловѣку. Это только слова.—Долженъ!— А если онъ не чувствуетъ? Человѣкъ имѣетъ право знать—имѣетъ право ставить вопросы:—*зачѣмъ* онъ долженъ служить будущему? *почему* онъ долженъ строить будущее? почему онъ вообще что нибудь *долженъ*?

Возстаніе противъ всякихъ готовыхъ формулъ *должнаго*, это— первый признакъ приближенія къ истинѣ въ душѣ человѣка, идущаго интеллектуальнымъ путемъ.

Только отдавъ всѣ свои силы исканію отвѣтовъ на неразрѣшимые вопросы, человѣкъ можетъ притти къ заключенію о неправильности самихъ вопросовъ. И для того, чтобы притти къ такому заключенію въ данномъ случаѣ, человѣкъ долженъ *перестрадать* идею сверхчеловѣка и найти въ ней высшій смыслъ.

Идея сверхчеловѣка, *если ее взять недостаточно глубоко*, это— очень страшная идея. Она несетъ въ себѣ зерно глубокаго отвращенія къ дѣйствительности, начало какого то мрачнаго пессимиз-

ма. Поэтому эту идею такъ усиленно изгоняютъ люди, которые не могутъ взять ее иначе, какъ въ самомъ внѣшнемъ видѣ.

Дѣйствительно, идея сверхчеловѣка, рисуя свѣтлое будущее, которое будетъ принадлежать не намъ, въ которомъ мы участвовать не будемъ,—этимъ самимъ накладываетъ необыкновенно мрачныя краски на настоящее, на нашу жизнь, на наше время. И несомнѣнно, идея сверхчеловѣка, *взятая позитивно,* играетъ огромную роль въ современномъ обезцѣненіи жизни. Въ сравненіи съ этимъ свѣтлымъ будущимъ, гдѣ насъ не будетъ, наша жизнь кажется уже черезъ чуръ темной.

— Стоитъ ли жить при такихъ условіяхъ? спрашиваютъ себя люди. И все ихъ внутреннее существо возмущается, что *они,* сознательные, страдающіе люди, должны быть только „глиной", должны жить и страдать, и работать только для того, чтобы когда то въ безконечно далекомъ будущемъ жилъ сверхчеловѣкъ.

— Почему мы должны быть строителями будущаго? спрашиваютъ они.—А не лучше ли потонуть въ прошедшемъ и, хоть такимъ образомъ, выразить свой протестъ противъ чудовищной несправедливости жизни, которая хочетъ заставить людей служить будущему, въ которомъ они сами не будутъ участвовать. — Въ паденіи тоже есть извѣстная красота, говорятъ люди. Почему нужно думать, что вся красота въ восхожденіи? Красота во всемъ, если она вообще существуетъ. Нужно только умѣть ее видѣть.

И отъ всѣхъ этихъ мыслей все большее и большее отчаяніе охватываетъ души людей. Жить дѣлается дѣйствительно совершенно не для чего. — Настоящее мучительно и тоскливо. Будущее оскорбительно — потому что это не ихъ, *не наше* будущее.

Пессимистическое отношеніе къ жизни и къ дѣйствительности, равнодушіе къ добру и злу, безсиліе и безволіе являются, какъ совершенно естественный и послѣдовательный выводъ, изъ соединенія идеи сверхчеловѣка съ позитивнымъ взглядомъ на міръ.

И всѣ наши „соціальныя теоріи", основанныя на историческомъ матеріализмѣ и отбрасывающія отъ себя идею сверхчеловѣка, дѣлаютъ это совершенно сознательно для того, чтобы не дать людямъ основаній для „пессимизма", котораго такъ боятся вожди современныхъ намъ поколѣній, какъ ослабляющаго бодрость и колеблющаго „боевой духъ", для сохраненія котораго приносится такъ много логическихъ и моральныхъ жертвъ.

Правильно или неправильно отношеніе къ идеѣ сверхчеловѣка нашихъ соціальныхъ теорій, нельзя отрицать, что эта идея въ томъ единственномъ освѣщеніи, которое доступно позитивно

воспитаннымъ людямъ нашего времени кладетъ какія то очень темныя тѣни на настоящее.

Нельзя пройти мимо этихъ тѣней. Нельзя отвергнуть ихъ какъ „безнравственныя“. Необходимо найти реальный отвѣтъ на мучительныя недоумѣнія человѣка спрашивающаго: — почему *надо* служить будущему?

Онъ *имѣетъ право* это спрашивать, имѣетъ право ждать отвѣта, настолько же реальнаго, насколько реаленъ его вопросъ.

Что же можно отвѣтить на всѣ мрачныя разсужденія о сверхчеловѣкѣ, который будетъ жить „въ четыреста-билліонномъ столѣтіи?“

Прежде всего можно и необходимо отвѣтить, что на идею сверхчеловѣка существуетъ совершенно другой взглядъ кромѣ позитивнаго и, что этотъ взглядъ необходимо понять и усвоить, прежде чѣмъ произносить какіе бы то ни было приговоры надъ сверхчеловѣкомъ.

Затѣмъ необходимо сказать, что идея сверхчеловѣка вообще *гораздо труднѣе*, чѣмъ думаютъ люди. Все, что изложено здѣсь, все, что рисуетъ образъ сверхчеловѣка, даже если это вноситъ что нибудь новое въ пониманіе идеи, еще далеко не достаточно. Эта идея очень высокаго порядка, и требуетъ для своего выраженія новыхъ словъ и новыхъ понятій, а главное *спеціальной подготовки.* Такія идеи нельзя разсматривать на ряду съ обыкновенными идеями, относящимся къ вещамъ и явленіямъ нашего трехмѣрнаго міра. Къ идеѣ сверхчеловѣка нельзя переходить отъ учебника физики Малинина и Буренина. Идея сверхчеловѣка уходитъ въ безконечность и, какъ всѣ идеи, уходящія въ безконечность, она требуетъ совершенно особеннаго подхода къ себѣ именно *со стороны безконечности*. Идеи, соприкасающіяся съ безконечнымъ, нельзя разсматривать на ряду съ конечнымъ, потому что тогда или безконечное теряетъ всякую цѣнность при сравненіи его съ конечнымъ, или конечное теряетъ всякую цѣнность при сравненіи его съ безконечнымъ.

Мнѣ могутъ возразить, что никто не *сравниваетъ* безконечное съ конечнымъ. Но я скажу на это, что въ идеѣ сверхчеловѣка, *какъ она обыкновенно берется*, безконечное, т. е., ея главная сущность измѣряется и оцѣнивается именно сравненіемъ съ конечными цѣнностями. Мы плохо понимаемъ это, потому что вообще плохо понимаемъ отношеніе конечнаго и безконечнаго. Но разъ идея сверхчеловѣка уходитъ сама и уноситъ насъ въ безконечность, то необходимо, прежде чѣмъ подходить къ этой идеѣ, выяснить и опредѣлить наше отношеніе къ безконечности. Мы должны умѣть отвѣтить на

вопросъ: что такое безконечность? гдѣ она? въ какомъ отношеніи стоимъ къ ней мы? Только понявъ все это, мы можемъ *безъ опасности* подойти къ идеѣ сверхчеловѣка.

Въ древнихъ мистеріяхъ существовалъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ степеней посвященія. Для того чтобы перейти на слѣдующую степень, подняться на слѣдующую ступень, посвящаемый долженъ былъ пройти черезъ извѣстную опредѣленную подготовку; затѣмъ его подвергали соотвѣтствующимъ испытаніямъ,—и только тогда, когда онъ выдерживалъ всѣ испытанія и доказывалъ правильность и серьезность своей подготовки, — передъ нимъ открывались слѣдующія по порядку двери, онъ проникалъ глубже внутрь *храма посвященій*.

Одна изъ первыхъ вещей, которыя узнавалъ и долженъ былъ усвоить посвящаемый, это—невозможность итти *произвольнымъ* путемъ и опасность, которая ожидаетъ его, если онъ не исполнитъ всѣхъ подготовительныхъ обрядовъ, всѣхъ церемоній, полагавшихся передъ посвященіемъ, если онъ не выучитъ всего, что полагалось знать, не усвоитъ всего, что требовалось усвоить. Ему разсказывали объ ужасныхъ послѣдствіяхъ нарушенія порядка посвященій о грозныхъ наказаніяхъ, которыя ждутъ непосвященнаго, рискнувшаго войти въ святилище. И первое, что отъ него требовалось, это—сознаніе необходимости итти *постепенно*. Онъ долженъ былъ понять, что опередить самого себя невозможно, и что всякая попытка въ этомъ направленіи должна кончиться трагически. Строгая послѣдовательность внутренняго движенія это было основное правило мистерій.

Если мы откинемъ мнѳическое облако, окутывающее мистеріи и попробуемъ проанализировать психологически идею посвященій, то мы поймемъ, что *посвященіе* это было *введеніе въ кругъ новыхъ идей*. Каждая новая степень посвященія, это была новая, раскрывавшаяся идея, новая точка зрѣнія, новое освѣщеніе. И новыя идеи въ мистеріяхъ не раскрывались человѣку до тѣхъ поръ пока онъ не показывалъ себя достаточно подготовленнымъ къ нимъ.

Въ этомъ порядкѣ посвященія въ новыя идеи видно глубокое пониманіе сущности міра идей. Древніе понимали, что воспріятіе *каждой* новой идеи требуетъ спеціальной подготовки; понимали, что схваченная налету идея можетъ быть взята въ невѣрномъ освѣщеніи, воспринята неправильно, а неправильно воспринятая идея можетъ дать совсѣмъ нежелательные и даже гибельные результаты.

Мистеріи и постепенныя посвященія должны были охранять

людей отъ *полузнанія*, которое часто гораздо хуже полнаго незнанія, особенно въ вопросахъ вѣчнаго, съ которыми имѣли дѣло мистеріи.

Та же самая система постепенной подготовки людей къ воспріятію новыхъ идей проводится во всѣхъ ритуалахъ магіи.

Литература по магіи и по оккультизму долгое время совершенно игнорировалась и отрицалась западной мыслью, какъ абсурдъ и суевѣріе. И только самое послѣднее время мы начинаемъ понимать, *что это все символизмъ*—сложная и тонкая символическая картина психологическихъ и космическихъ отношеній.

Въ ритуалахъ церемоніальной магіи требуется строгое и неуклонное исполненіе всѣхъ часто мелочныхъ и по внѣшности непонятныхъ и ни съ чѣмъ несвязанныхъ обрядовъ. И опять рисуются ужасы, которые ожидаютъ человѣка, нарушившаго порядокъ церемоній, измѣнившаго его по своему усмотрѣнію, или не исполнившаго чего нибудь по небрежности. Извѣстны легенды о волшебникахъ, вызывавшихъ духа и не имѣвшихъ силъ съ нимъ справиться.—Это происходило или потому, что волшебникъ забывалъ заклинанія или нарушалъ въ чемъ нибудь магическій ритуалъ—или наконецъ потому, что онъ вызывалъ духа *сильнѣе себя*, сильнѣе своихъ заклинаній и магическихъ фигуръ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ—и въ мистеріяхъ, въ лицѣ человѣка, нарушившаго обрядъ посвященія, и въ магіи, въ лицѣ волшебника, вызвавшаго духа сильнѣе себя, одинаково изображалось въ аллегорической формѣ положеніе человѣка по отношенію къ новымъ для него и черезъ чуръ сильнымъ идеямъ, съ которыми онъ не можетъ справиться, потому что у него нѣтъ соотвѣтствующей подготовки. То же самое выражалось въ легендахъ и разсказахъ о священномъ огнѣ, который сжигалъ непосвященныхъ, неосторожно подходившихъ къ нему,—въ миѳахъ о богахъ и богиняхъ, которыхъ не должны были видѣть смертные и, увидѣвъ, погибали. Свѣтъ многихъ идей слишкомъ силенъ для человѣка, особенно когда онъ видитъ его въ первый разъ. Моисей не могъ смотрѣть на горящій кустъ на горѣ Синаѣ, не могъ видѣть лицо Божества.—Во всѣхъ этихъ аллегоріяхъ выражается одна и та же мысль о страшной силѣ и опасности неожиданно являющихся новыхъ идей.

То же самое выражалъ Сфинксъ со своей загадкой. Онъ пожиралъ тѣхъ, подошедшихъ къ нему, кто не могъ разрѣшить его загадки. И аллегорія Сфинкса значила то, что человѣкъ не долженъ подходить къ извѣстнымъ вопросамъ, если онъ *не готовъ* къ тому, чтобы дать на нихъ отвѣтъ.

Въ чемъ заключалась загадка Сфинкса?

Намеки древнихъ авторовъ говорятъ намъ это совершенно

ясно. Въ одномъ изъ популярныхъ разсказовъ Сфинксъ спрашиваетъ:—„Кто утромъ на четырехъ, въ полдень на двухъ, вечеромъ на трехъ"?—„Человѣкъ", отвѣтилъ Эдипъ. Но загадка относится не къ человѣку *въ его сущности*, а къ возрастамъ человѣка, *т. е., къ отношенію человѣка ко времени*. Это, собственно, и есть загадка Сфинкса. Популярная форма загадки даетъ только намекъ на ея истинное содержаніе. Сфинксъ спрашиваетъ, *что такое время*?

Загадка Сфинкса, т. е. *время*, это—страшная тайна, среди которой живетъ человѣкъ; это—*Arcanum Magnum* позднѣйшихъ „оккультистовъ".

Кто не могъ отвѣтить Сфинксу, тотъ погибалъ. Подойдя къ этому вопросу, т. е. углубившись въ идеи, ставящія передъ нимъ вопросъ: *что такое время*?—человѣкъ долженъ умѣть отвѣтить, иначе онъ погибаетъ, потому что эти *идеи* въ неправильномъ пониманіи и освѣщеніи превращаются въ „Сфинкса" и *пожираютъ его душу*.

Коснувшись извѣстныхъ идей, человѣкъ уже не можетъ жить *просто*, т. е. стихійно, безсознательно, онъ уже долженъ или итти дальше, или погибнуть подъ тяжестью взятаго на себя непосильнаго груза.

Идея сверхчеловѣка непосредственно связана съ проблемой времени, съ загадкой Сфинкса. *Въ этомъ* ея привлекательность и опасность, *поэтому* она такъ сильно дѣйствуетъ на души людей.

Наша современная психологія утратила пониманіе огромной *опасности* нѣкоторыхъ темъ, идей и вопросовъ. Даже въ довольно примитивной психологіи люди, раздѣляя идеи на *божескія* и *человѣческія*, лучше понимали существованіе *разныхъ порядковъ идей*. Теперь мы какъ то совсѣмъ не чувствуемъ этого. Наша психологія и теорія познанія совсѣмъ не учитъ насъ различать *порядки идей*, не указываетъ намъ, что есть идеи очень *опасныя*, къ которымъ нельзя подходить безъ долгой и сложной подготовки. Это происходитъ потому, что современная психологія вообще не считается съ реальностью идей, не признаетъ эту реальность. Идеи для современнаго ума, это—*отвлеченія отъ фактовъ*, самостоятельнаго существованія въ нашихъ глазахъ идеи не имѣютъ. Поэтому мы такъ больно и обжигаемся, касаясь нѣкоторыхъ идей. Для насъ реальны „факты", которые въ дѣйствительности не существуютъ, и нереальны идеи, которыя единственно существуютъ.

Древняя и средневѣковая психологія лучше понимала положеніе человѣческаго ума по отношенію къ идеямъ. Она понимала, что умъ не можетъ правильно относиться къ идеямъ, пока ему не

ясна ихъ реальность; и дальше понимала, что умъ не можетъ сразу и въ безпорядкѣ воспринимать *любыя* идеи—переходить безъ всякой подготовки отъ идей одного порядка къ идеямъ другого порядка; понимала *опасность* такого неправильнаго и безпорядочнаго отношенія къ идеямъ.

Что же требуется для подхожденія къ идеямъ? Въ чемъ должна заключаться подготовка? О чемъ говорятъ аллегоріи мистерій и магическихъ ритуаловъ?

Прежде всего о необходимости соотвѣтствующихъ знаній для каждаго порядка идей. Потому что есть вещи, которыхъ нельзя касаться безъ предварительныхъ знаній.

Мы это прекрасно понимаемъ въ другихъ областяхъ. Нельзя напр., безъ соотвѣтствующихъ знаній обращаться со сложной машиной; нельзя безъ знаній и практики управлять паровозомъ; нельзя, не зная всѣхъ деталей, дотрагиваться до разныхъ частей электрической машины большой силы.

Человѣку показываютъ электрическую машину, объясняютъ ея устройство и говорятъ: — вотъ дотронуться до этихъ частей, *это смерть*. И всякій понимаетъ это, и знаетъ, что для того чтобы знать машину, нужно много и долго учиться; и знаетъ, что машины разныхъ родовъ требуютъ *разныхъ* знаній;—научившись обращаться съ *машиной* одного рода, нельзя управлять всѣми.

Идея, это—машина огромной силы.

Но именно этого не сознаетъ наша современная психологія.

Всякая идея, это—сложная и тонкая машина, чтобы обращаться съ ней, нужно прежде всего много чисто теоретическаго знанія, а затѣмъ много опыта и практической тренировки. При неумѣломъ обращеніи съ идеей, происходитъ *взрывъ идеи*, начинается пожаръ, идея обжигаетъ и сжигаетъ.

Этой опасности не понимаетъ наша современная психологія. Съ ея точки зрѣнія, вся опасность ограничивается неправильнымъ умозаключеніемъ и на этомъ кончается. Въ дѣйствительности дѣло этимъ никогда не кончается. Одно неправильное заключеніе ведетъ за собой цѣлый рядъ другихъ. И нѣкоторыя идеи настолько сильны, настолько *потенціальны*, что какъ правильный, такъ и неправильный выводъ изъ нихъ непремѣнно даетъ огромные результаты. Есть идеи, которыя затрагиваютъ всѣ самыя интимные уголки нашей души и, разъ затронувъ, навсегда оставляютъ въ нихъ слѣдъ. И при этомъ, если идея была взята неправильно, то и слѣдъ остается неправильный, сбивающій съ прямого пути, отравляющій жизнь. Неправильно воспринятая идея можетъ отравить жизнь.

Такъ именно дѣйствуетъ неправильно воспринятая идея сверх-

человѣка. Она отрываетъ человѣка отъ жизни, поселяетъ въ его душѣ глубокій разладъ, ничего не давая, лишаетъ его того, что у него было.

Но виновата въ этомъ не идея, а неправильное подхожденіе къ ней.

Въ чемъ же должно заключаться *правильное* подхожденіе?

Разъ идея сверхчеловѣка соприкасается *съ проблемой времени* и съ идеей *безконечнаго*, то не выяснивъ себѣ способовъ подхода къ проблемѣ времени и къ идеѣ безконечнаго, нельзя касаться идеи сверхчеловѣка. Это—законы дѣйствія машины. Не зная законовъ. человѣкъ не будетъ знать какое дѣйствіе произведетъ его прикосновеніе къ машинѣ, поворотъ того или другого рычага.

Проблема времени—величайшая загадка, лежащая передъ человѣчествомъ. Религіозное созерцаніе, философская мысль, научное изслѣдованіе и оккультное знаніе—всѣ сходятся на одномъ, на проблемѣ времени *и всѣ сходятся на ея одинаковомъ рѣшеніи.*

Времени нѣтъ! Нѣтъ непрерывнаго и вѣчнаго возникновенія и исчезновенія явленій. Нѣтъ вѣчно бьющаго фонтана являющихся и исчезающихъ событій. *Все существуетъ всегда!* Есть только одно вѣчное настоящее, *Вѣчное Теперь*, котораго не можетъ ни охватить, ни представить себѣ слабый и ограниченный человѣческій умъ.

Но идея *вѣчнаго теперь* совсѣмъ не есть идея холодной и безпощадной предопредѣленности всего, точнаго и непремѣннаго предсуществованія. Совершенно неправильно будетъ сказать, что разъ все уже существуетъ, разъ существуетъ *теперь* далекое будущее, разъ существовали десятки, сотни и тысячи лѣтъ тому назадъ и будутъ существовать всегда *Мы* и наши поступки, и мысли, и чувства, то значитъ нѣтъ жизни, нѣтъ движенія, нѣтъ роста, нѣтъ эволюціи. Люди говорятъ такъ и думаютъ, потому что они не понимаютъ безконечнаго, своимъ слабымъ ограниченнымъ *конечнымъ* умомъ хотятъ мѣрить неизмѣримыя глубины вѣчности. Разумѣется, у нихъ получается самое безнадежное рѣшеніе, какое только можетъ быть.—Все есть, ничего измѣниться не можетъ. Все существуетъ *заранѣе* и вѣчно. Все мертво и неподвижно въ застывшихъ формахъ, среди которыхъ бьется наше сознаніе, создавшее себѣ иллюзію движенія всего кругомъ себя, движенія котораго въ дѣйствительности нѣтъ.

Но даже самое слабое и относительное *пониманіе* идеи безконечности, насколько оно доступно ограниченному интеллекту, разрушаетъ „этотъ мрачный фантомъ безнадежной неподвижности“.

Міръ есть міръ безконечныхъ возможностей.

Нашъ умъ слѣдитъ за развитіемъ возможностей *всегда по одному направленію*. Между тѣмъ, въ каждомъ моментѣ есть множество возможностей. *И онѣ осуществляются всѣ.* Только *мы* этого не видимъ и не знаемъ. Мы видимъ всегда только одно изъ осуществленій. Въ этомъ и заключается бѣдность и ограниченность человѣческаго ума. Но если мы попробуемъ на секунду представить себѣ осуществленіе *всѣхъ* возможностей настоящаго момента, затѣмъ слѣдующаго момента и т. д. и т. д., мы почувствуемъ, какъ міръ безконечно вырастаетъ, *непрерывно множится на самого себя*, дѣлается неизмѣримо богатымъ, совершенно непохожимъ на плоскій и ограниченный міръ, который мы рисовали себѣ до этого момента. Представивъ себѣ это безконечное разнообразіе, мы ощутимъ на мгновеніе *вкусъ безконечности*, и мы поймемъ неправильность и невозможность подхода къ проблемѣ времени съ земными мѣрками. Мы поймемъ, какое безконечное богатство *времени*, идущаго по всѣмъ направленіямъ, нужно для осуществленія всѣхъ возможностей, возникающихъ каждый моментъ. И мы поймемъ въ то же время, что самая идея *возникновенія и исчезновенія* создается нашимъ умомъ, потому что иначе онъ разорвался бы и погибъ отъ одного соприкосновенія съ безконечнымъ *существованіемъ*. Одновременно съ этимъ мы почувствуемъ нереальность всѣхъ нашихъ пессимистическихъ выводовъ передъ громадностью раскрывающихся горизонтовъ. Мы почувствуемъ, что міръ такъ безконечно великъ, что всякая мысль о возможности хоть какой-нибудь ограниченности его, мысль о томъ, что хоть чего нибудь въ немъ можетъ *не быть*, покажется намъ просто смѣшной.

Гдѣ же искать правильнаго пониманія „времени“ и „безконечности“? Гдѣ искать этого безконечнаго протяженія по всѣмъ направленіямъ отъ каждаго момента? Гдѣ пути къ нему? Гдѣ пути къ *существующему теперь* будущему? Какъ стать въ правильное отношеніе къ нему? Какъ стать въ правильное отношеніе къ идеѣ сверхчеловѣка?—Вотъ вопросы, на которые совершенно не отвѣчаетъ современная „позитивная“ мысль.

Не отвѣчаетъ и не можетъ отвѣтить потому, что она беретъ и время, и безконечность, и сверхчеловѣка *исключительно въ объективномъ пониманіи*, чего для этихъ идей недостаточно.

Но человѣческая мысль не всегда была такъ безпомощна передъ этими проблемами. Существовали и существуютъ другія попытки разрѣшенія загадокъ бытія, кромѣ тѣхъ, какія первыми приходятъ на умъ *намъ*. И эти другія попытки даютъ лучшіе результаты показываютъ болѣе вѣрные пути.

До сихъ поръ въ настоящемъ изложеніи я приводилъ только тѣ взгляды на идею сверхчеловѣка, какіе наиболѣе подходятъ къ современнымъ *объективнымъ* путямъ мысли. Но эти взгляды далеко не исчерпываютъ всего, что думало человѣчество на эту тему.

Объективный взглядъ дѣлаетъ сверхчеловѣка далекимъ и чуждымъ. Мечты о далекомъ, *не нашемъ* будущемъ, не удовлетворяютъ мыслящаго человѣка.

Гдѣ же ему искать сверхчеловѣка, если онъ не хочетъ этого далекаго „незнакомаго“ существа?

И болѣе глубокое, болѣе тонкое пониманіе, чѣмъ наше обычное, говоритъ ему: *нужно искать сверхчеловѣка въ себѣ, въ своей душѣ.*

Кромѣ всѣхъ тѣхъ смысловъ, которые вкладывались въ идею сверхчеловѣка съ глубокой древности, о которыхъ упоминалось раньше, былъ еще одинъ, больше всего ушедшій отъ насъ. Это— пониманіе сверхчеловѣка въ своей душѣ. Люди всегда чувствовали въ себѣ *обыкновеннаго человѣка* и затѣмъ, гдѣ то глубоко внутри, *нѣчто высшее*, настолько далекое отъ всего обыкновеннаго и житейскаго, что они начинали считать это *нѣчто* отдѣльнымъ существомъ, живущимъ въ нихъ и могущимъ проявиться отдѣльно.

Идея сверхчеловѣка принадлежитъ „внутреннему кругу“. Въ древнихъ религіяхъ и миѳахъ, въ образѣ сверхчеловѣка всегда рисовали *высшее Я* человѣка, его *высшее сознаніе.* И это высшее Я, высшее сознаніе, рисовали тогда въ видѣ существа, почти отдѣльнаго отъ обыкновеннаго человѣка, но какъ бы живущаго въ человѣкѣ.

Отъ человѣка зависѣло приблизить себя къ этому существу, *стать имъ* или отдалиться отъ него, даже совсѣмъ разорвать съ нимъ.

Иногда объективный образъ сверхчеловѣка, какъ существа далекаго будущаго или золотого вѣка, или миѳическаго настоящаго, символизировалъ собой это внутреннее существо, *высшее Я*, иногда высшее *Я* должно было являться символомъ реальнаго существованія сверхчеловѣка въ прошломъ, будущемъ или настоящемъ.

Что было символомъ и что было реальностью, зависѣло отъ характера мышленія того, кто мыслилъ. Люди склонные къ объективному представленію, считали внутреннее символомъ внѣшняго. Люди „внутренняго круга“ считали идею, облеченную въ плоть символомъ возможностей внутренняго міра.

Но въ дѣйствительности идея сверхчеловѣка никогда не существовала отдѣльно отъ идеи высшаго сознанія.

Древній міръ никогда не былъ позитивенъ. Онъ всегда умѣлъ проникать вглубь идеи, находить въ ней не одинъ, а много смы-

словъ. Наше время, конкретизировавъ идею сверхчеловѣка *въ одномъ смыслѣ*, лишило ее всей внутренней силы и свѣжести. Сверхчеловѣкъ, какъ новый зоологическій видъ, на самомъ дѣлѣ скученъ.

Что же такое высшее сознаніе?

Прежде всего необходимо замѣтить, что всякое дѣленіе на „высшее“ и „низшее“, какъ дѣленіе высшей и низшей математики, всегда искусственно. Въ дѣйствительности, *низшее*, конечно, только неправильное представленіе *о цѣломъ*. По отношенію къ сознанію этотъ вопросъ о высшемъ и низшемъ стоитъ такъ:—низшее сознаніе есть *неправильное самосознаніе цѣлаго*, а высшее сознаніе есть болѣе правильное самосознаніе, или то, которое мы считаемъ болѣе правильнымъ.

Это все, что мы можемъ сказать. Но смыслъ идеи заключается въ томъ, что человѣкъ можетъ направить себя на служеніе высшему или низшему, *что уже реально*, и неизбѣжно долженъ мѣняться самъ, сообразно тому, какъ онъ себя направитъ.

— *Я хочу учить людей смыслу ихъ бытія*, говоритъ Заратустра у Ницше,—*этотъ смыслъ есть сверхчеловѣкъ, молнія изъ темной тучи человѣкъ.*

Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается намекъ на „внутреннее“ значеніе идеи сверхчеловѣка. Нельзя сверхчеловѣка разсматривать, какъ продуктъ историческаго развитія, осуществимый въ далекомъ будущемъ. Нельзя разсматривать, какъ новый зоологическій видъ. Сверхчеловѣкъ, это—внутреннее существо человѣка, все высшее, все лучшее въ человѣкѣ. Его высшее я. *Молнія среди темной тучи.*

Вы совершили путь отъ червя къ человѣку, но многое въ васъ еще осталось отъ червя. Нѣкогда вы были обезьяною, и даже теперь еще человѣкъ больше обезьяна, чѣмъ иная изъ обезьянъ.

Въ этихъ словахъ Заратустры разумѣется нѣтъ „теоріи Дарвина“. Ницше говоритъ о мучительномъ разладѣ въ душѣ человѣка, о борьбѣ прошлаго съ будущимъ. Онъ понималъ трагедію человѣка, заключающуюся въ томъ, что въ его душѣ одновременно живутъ обезьяна и сверхчеловѣкъ.

Въ какомъ же отношеніи стоитъ *такое пониманіе* идеи сверхчеловѣка къ проблемѣ времени и къ идеѣ безконечнаго. И гдѣ искать „время“ и „безконечность“?

Тоже—въ душѣ человѣка! отвѣчаютъ непозитивныя доктрины.—Все внутри человѣка и ничего внѣ его!

Какъ это нужно понимать?

Идеалистическая философія разсматриваетъ *время*, не какъ условіе существованія вселенной, а какъ условіе воспріятія міра

нашей психикой, *налагающей* на міръ условія времени, потому что иначе она не можетъ его себѣ представить.

Позитивная философія, по крайней мѣрѣ ея эволюціонирующая часть, та, которая не ставитъ себѣ матеріалистическихъ преградъ и идетъ къ идеализму, тоже видитъ дальнѣйшія возможности изученія проблемы времени въ переходѣ къ вопросамъ психики (Минковскій).

Идею безконечности не отрицаетъ ни одна философская система, но до сихъ поръ „положительное“ міропониманіе разсматривало безконечность міра, только какъ безконечное протяженіе пространства и безконечное возникновеніе и исчезновеніе явленій во времени, *внѣ насъ*. „Переходъ къ вопросамъ психики“ въ проблемахъ пространства и времени, о необходимости котораго говоритъ Минковскій, будетъ значить для естествознанія ничто иное, какъ принятіе положеній Канта о томъ, что *пространство и время — только формы нашего чувственнаго воспріятія* и возникаютъ въ нашей психикѣ.

Но *безконечность* мы не можемъ представить себѣ безъ отношенія къ пространству и времени. И поэтому, разъ пространство и время есть формы представленія, и лежатъ въ нашей психикѣ, то значитъ, корни безконечности нужно тоже искать въ насъ самихъ, въ нашей психикѣ, и, можетъ быть, ее можно опредѣлить, какъ безконечную возможность эволюціи формъ представленія, какъ безконечную возможность расширенія сознанія.

Глубины, скрытыя въ сознаніи человѣка, очень хорошо понимались философами-мистиками, доктрины которыхъ стояли въ связи съ параллельными системами герметической философіи, съ алхиміей, кабалой и другими.

„Человѣкъ заключаетъ въ себѣ и небо, и адъ“, говорили они, и часто изображали человѣка, рисуя *въ немъ самомъ* разныя лица Божества и міръ темный, и свѣтлый. Они утверждали, что, *углубляясь въ себя*, человѣкъ можетъ найти все, достигнуть всего. И *чего* онъ достигнетъ — это будетъ зависѣть отъ того, *чего* онъ будетъ искать, и *какъ* онъ будетъ искать. И они понимали это совсѣмъ не какъ аллегорію. Душа человѣка дѣйствительно рисовалась имъ въ видѣ *окна* или нѣсколькихъ оконъ въ безконечность. Они представляли себѣ, что обыкновенно человѣкъ живетъ какъ бы на поверхности самого себя, даже не зная и не сознавая, что находится въ его глубинѣ. Если онъ думаетъ о безконечности, онъ мыслитъ ее какъ бы *внѣ себя*. Въ дѣйствительности же, она въ немъ самомъ.

И, сознательно углубляясь въ себя, человѣкъ можетъ найти въ себѣ безконечность и соприкоснуться съ ней и войти въ нее.

Писатель XVII вѣка Гихтель въ замѣчательной книгѣ *Theosophia Practica* даетъ рисунокъ „Совершеннаго человѣка". — Совершенный человѣкъ — это кабалистическій Адамъ Кадмонъ, т. е, человѣчество или человѣческій родъ, копіей съ котораго по идеѣ Кабалы, является отдѣльный человѣкъ. Рисунокъ представляетъ фигуру человѣка, въ головѣ (во лбу) котораго изображенъ Святой Духъ, въ сердцѣ Іисусъ, въ „солнечномъ сплетеніи" Іегова, затѣмъ верхняя часть груди съ дыхательными органами (и можетъ быть органами рѣчи) изображаетъ „Мудрость или зеркало Бога", а нижняя часть тѣла съ ея органами „Темный міръ" — или „Корень душъ въ центрѣ вселенной."

Такимъ образомъ въ человѣкѣ изображены на этомъ рисункѣ *пять путей въ безконечность*. Человѣкъ можетъ избрать любой изъ этихъ путей, и то, что онъ найдетъ, будетъ зависѣть, отъ того какимъ путемъ онъ пойдетъ.

Человѣкъ сталъ такимъ земнымъ и такимъ внѣшнимъ, говоритъ Гихтель, что онъ ищетъ очень далеко, за звѣзднымъ небомъ, въ высшей вѣчности того, что совсѣмъ близко отъ него, во внутреннемъ Центрѣ души.

Когда душа начинаетъ стремиться отвлечь свою волю отъ внѣшняго созвѣздія и покинуть все видимое, для того чтобы обратиться къ Богу, *въ свой Центръ*... это требуетъ отчаянной работы.

Чѣмъ болѣе душа проникаетъ въ себя, тѣмъ болѣе она приближается къ Богу, до тѣхъ поръ, пока она наконецъ не остановится передъ Святой Троицей. Тогда она достигла глубокаго знанія.

Такое *внутреннее* пониманіе идеи безконечности гораздо правильнѣе и глубже, чѣмъ внѣшнее, и оно даетъ болѣе правильный подходъ къ идеѣ сверхчеловѣка, болѣе ясное ея пониманіе. Если *безконечность* лежитъ въ душѣ человѣка, и онъ можетъ соприкоснуться съ ней, углубляясь въ себя, то и будущее, и „сверхчеловѣкъ" находятся въ его душѣ, и онъ можетъ найти ихъ въ себѣ самомъ, если будетъ правильно искать.

Ошибка по отношенію къ идеѣ сверхчеловѣка заключается въ томъ, что ее разсматриваютъ *позитивно*, какъ идею обыкновеннаго житейскаго порядка, тогда какъ эта идея—глубоко мистическая.

Тяжелый отвкусъ, который оставляетъ идея сверхчеловѣка, и отрицательное отношеніе къ ней, возникаютъ именно изъ неправильнаго отношенія къ этой идеѣ. Къ мистической идеѣ нельзя подходить позитивно, совершенно такъ же, какъ *къ картинѣ* нельзя подходить съ идеей химическаго анализа, какъ восходъ солнца нельзя оцѣнивать со скульптурной точки зрѣнія.

Особенностью *и признакомъ* мистическихъ идей является то, что въ позитивномъ освѣщеніи онѣ являются абсурдомъ. Это необходимое условіе. Но это условіе и его необходимость плохо понимаются, и именно поэтому мистическія идеи часто производятъ на людей впечатлѣніе такого кошмара.

Но наше время уже сильно отходитъ отъ „положительныхъ“ методовъ, и непониманіе и непризнаніе „мистики“ часто зависитъ просто отъ того, что люди не знаютъ и не могутъ точно опредѣлить, что именно называется мистикой.

Мистика есть родъ познанія, претендующій на то, что онъ даетъ бо́льшіе результаты въ сравненіе съ обычными не-мистическими видами познанія. Въ мистическое познаніе въ очень большомъ размѣрѣ входитъ *субъективное познаніе*, которымъ мы постоянно пользуемся по отношенію къ своему внутреннему міру, который недоступенъ для объективнаго изученія. Но въ мистикѣ субъективное познаніе распространяется на объективныя явленія.

Можно опредѣлить позитивный методъ, какъ объективный методъ изученія объективныхъ явленій и попытки объективнаго изученія даже субъективныхъ явленій („объективная психологія“). Мистическій методъ можно опредѣлить какъ субъективное изученіе и субъективныхъ, и объективныхъ явленій, при помощи расширенной интуиціи, дающей возможность какимъ то образомъ *понимать* и оцѣнивать *въ себѣ* явленія, происходящія во внѣ.

Мистика есть методъ познанія, отличающійся совершенно опредѣленными свойствами, именно это—такое познаніе, въ которомъ нѣтъ познающаго и познаваемаго. Въ позитивномъ познаніи различаются познающій субъектъ и познаваемый объектъ. Въ мистическомъ познаніи субъектъ и объектъ сливается въ одно.

Это послѣднее необходимо помнить, потому что мистику очень легко и часто смѣшиваютъ со „спиритуализмомъ“, представляющимъ собой суевѣрное пониманіе мистики или псевдо-мистику (такъ же какъ матеріализмъ представляетъ собой суевѣрное пониманіе позитивизма или псевдо-позитивизмъ). Спиритуализмъ отличается отъ истинной мистики тѣмъ, что въ немъ всегда сохраняется субъектъ и объектъ, познающій и познаваемое, Я и не Я. — Затѣмъ спиритуализмъ стремится ввести физическія доказательства въ область метафизическую и метафизическія доказательства въ область физическую. Онъ стремится доказать возможность объективнаго изученія субъективнаго міра и обосновать логически мистическія положенія, по своему существу сверхъ-логическія.

Въ мистикѣ ничего подобнаго нѣтъ. Если человѣкъ что нибудь познаетъ мистически, то это значитъ, что онъ познаетъ *ничто* въ

себѣ самомъ, какъ часть самого себя, какъ сторону своего собственнаго Я, или черезъ самого себя, черезъ свое Я. Если познаніе относится къ объективному предмету, то человѣкъ относительно этого предмета (лица, явленія или вещи) узнаетъ нѣчто какъ бы въ самомъ себѣ, какъ бы *находитъ* внутри себя какое то знаніе, касающееся даннаго предмета. Примѣры такого *внутренняго ощущенія* (мистическаго познанія)свойствъ и значеній предметовъ и явленій намъ можетъ дать художественное воспріятіе. Мы оцѣниваемъ картину, стихотвореніе, музыкальную пьесу, игру актера *на основаніи впечатлѣнія*. Позитивная мѣрка здѣсь явно не примѣнима, да и вообще никакой *общей мѣрки* нѣтъ и быть не можетъ. Каждый судитъ по своему. Одинъ ощущаетъ одно, другой другое. Это совсѣмъ не объективное сужденіе, потому что объективное сужденіе все основано на *общихъ мѣркахъ*, на аршинѣ, на вѣсахъ и на счетахъ.

Въ искусствѣ дѣйствуетъ внутреннее *интуитивное* пониманіе, представляющее собой развитіе простого внутренняго субъективнаго ощущенія. Разъ возможенъ интуитивный методъ въ искусствѣ, то очевидно онъ возможенъ въ другихъ областяхъ—и прежде всего при обращеніи съ идеями.

Интуитивный методъ познанія въ области метафизическихъ идей, особенно идей религіознаго порядка, т. е. *идей вѣчнаго*, связанныхъ съ безконечностью, есть *мистика* въ болѣе распространенномъ пониманіи этого слова.

У мистики въ такомъ пониманіи очень много общаго съ искусствомъ. Въ сущности искусство и есть родъ мистики, потому что искусство можно опредѣлить почти тѣми же словами, какъ мистику, т. е., какъ интуитивное познаніе путемъ творчества внутренней сущности, или души вещей и явленій. Для пониманія художественныхъ произведеній мы всегда сознательно или безсознательно примѣняемъ мистическій методъ. Ничего болѣе вѣрнаго, да и вообще ничего другого у насъ нѣтъ.

И въ мірѣ идей, особенно въ мірѣ идей *очень высокаго порядка*, такихъ, въ которыхъ на насъ глядитъ лицо безконечнаго, это— единственно вѣрный и надежный способъ. Если человѣкъ подходитъ къ идеѣ, такъ же какъ онъ подходитъ къ художественному произведенію, полагаясь только на свое художественное чутье, то у него безконечно меньше шансовъ ошибиться, чѣмъ если онъ подходитъ къ идеѣ съ какими нибудь готовыми требованіями, готовыми мѣрками. Художественное чутье, художественная интуиція сразу помогутъ ему опредѣлить характеръ или порядокъ идеи. И, разъ опредѣливъ этотъ порядокъ, онъ уже не смѣшаетъ этой идеи съ идеями другого порядка.

Путь къ посвященію въ древнихъ мистеріяхъ имѣлъ цѣлью именно развить въ неофитѣ это *художественное чутье* (или мистическое пониманіе) *идей*, потому что *только оно одно* можетъ предохранить отъ всѣхъ опасностей смѣшенія и непониманія, которыя иначе ждутъ непосвященнаго.

Къ идеѣ сверхчеловѣка нужно подходить именно съ художественной стороны. Она сама по себѣ всегда *художественное произведеніе*. И, разсматривая ее такимъ образомъ, можно увидѣть ея другую, *внутреннюю* сторону, мало замѣтную современному человѣку, ищущему только обыкновеннаго значенія каждой идеи.

Кромѣ того подхожденіе къ идеѣ сверхчеловѣка съ художественной стороны сдѣлаетъ понятной одну вещь, необходимость которой не всегда ясна для человѣка нашего времени.

Это—измѣненіе себя самого, развитіе у себя самого новыхъ силъ и способностей для постиженія идеи сверхчеловѣка и подъ вліяніемъ этого постиженія.

Въ искусствѣ это совершенно ясно. Изученіе музыки развиваетъ у человѣка слухъ. Изученіе живописи развиваетъ чувство красокъ и т. д. Если даже человѣкъ самъ не играетъ и не пишетъ, а только слушаетъ и смотритъ, то всетаки онъ не можетъ остаться совершенно такимъ, какимъ былъ раньше. И по отношенію къ искусству всякій понимаетъ, что для того чтобы *понимать больше*, нужно *больше измѣниться*, больше развить въ себѣ новаго.

Тоже самое необходимо по отношенію по всѣмъ идеямъ высокаго порядка и въ частности по отношенію къ идеѣ сверхчеловѣка.

Первоначально человѣкъ схватываетъ эту идею въ общемъ видѣ. Она интересуетъ, можетъ быть, увлекаетъ его. Но, чтобы понять ее дальше, онъ долженъ самъ измѣниться. Если онъ, не мѣняясь самъ, начнетъ требовать отъ идеи, чтобы она передъ нимъ расширялась. и углублялась, *этого никогда не будетъ*. Все зависитъ отъ него самого, все въ рукахъ у него самого. Онъ долженъ учиться, внутренно развивать себя, и тогда идея начнетъ ему говорить.

Изъ всего сказаннаго раньше вытекаютъ два способа пониманія идеи сверхчеловѣка.

Первый способъ, это—когда я, человѣкъ живущій въ двадцатомъ столѣтій, разсматриваю сверхчеловѣка, какъ существо далекаго будущаго, отдѣльныя черты котораго разсѣяны теперь въ людяхъ новой расы. Это—позитивное пониманіе идеи сверхчеловѣка, здѣсь совершенно ясно видны, я—познающій, и сверхчеловѣкъ—познаваемое, и вся идея взята въ перспективѣ времени.

Второй способъ, это—признаніе возможности сверхчеловѣка. въ своемъ внутреннемъ Я. Когда человѣкъ говоритъ:—сверхчеловѣкъ это—высшее во мнѣ самомъ. Это *нѣчто* существуетъ теперь, въ настоящее время, и я не знаю его только потому, что я не преодолѣлъ человѣка.

Согласно этому второму взгляду сверхчеловѣкъ — одна изъ возможностей, лежащихъ въ глубинѣ души человѣка. Отъ самого человѣка зависитъ приблизить эту идею или отдалить ее. И *близость* или *дальность* сверхчеловѣка отъ человѣка лежитъ не во времени, а въ отношеніи человѣка къ этой идеѣ и въ отношеніи не только умственномъ, а въ дѣятельномъ практическомъ отношеніи. Человѣка отдѣляетъ отъ сверхчловѣка не время, а неприготовленность человѣка къ принятію сверхчеловѣка. Время все лежитъ въ самомъ человѣкѣ. Оно есть *внутреннее препятствіе* для непосредственнаго ощущенія того или другого и больше ничего. Строеніе будущаго, служеніе будущему, это только символы, символы отношенія человѣка къ себѣ самому, *къ своему настоящему*.

Ясно, что если принять этотъ взглядъ, признать, что все будущее заключается въ самомъ человѣкѣ, то наивно спрашивать, какое мнѣ дѣло до сверхчеловѣка. Очевидно, человѣку есть дѣло, потому что это онъ самъ.

Совершенно справедливо, если человѣкъ не хочетъ быть почвой, на которой вырастетъ прекрасный цвѣтокъ, котораго онъ никогда не увидитъ. Но если въ немъ самомъ вырастетъ этотъ цвѣтокъ, то противъ чего же онъ протестуетъ?

Совершенно справедливо, если человѣкъ не хочетъ быть глиной, изъ которой будетъ вылѣплена прекрасная статуя. Но если онъ самъ,—и глина, и скульпторъ, и статуя, то что же остается отъ его возраженій?

Но взглядъ на сверхчеловѣка, какъ на высшее Я человѣка, какъ на нѣчто въ немъ самомъ, еще не исчерпываетъ *мистическаго пониманія*.

Мистическое познаніе есть нѣчто болѣе тонкое и сложное, оно совсѣмъ не требуетъ отрицанія объективнаго существованія познаваемаго явленія. Но это явленіе *мистически* познается человѣкомъ не только объективно, а въ то же время и субъективно *въ себѣ самомъ*. Признакъ истиннаго мистическаго познанія есть отсутствіе всякаго отрицанія, прежде всего отсутствіе отрицанія противоположнаго взгляда. Мистическое познаніе отличается отъ позитивнаго главнымъ образомъ тѣмъ, что оно не исключаетъ противоположнаго взгляда, а включаетъ его въ себя, разумѣется предварительно

очистивъ отъ всякихъ наслоеній и суевѣрныхъ пониманій, потому что отсутствіе отрицанія противоположнаго совсѣмъ не значитъ отсутствіе отрицаніе ложнаго, иллюзорнаго и суевѣрнаго. Мистика есть правильное отдѣленіе реальнаго отъ ложнаго. И мистика достигаетъ этого не путемъ отрицанія, а путемъ включенія. Она включаетъ въ себя все, а что не можетъ войти въ нее, этимъ самимъ показываетъ свою неправильность и ложность.

Въ мистикѣ нѣтъ *антитезъ*, одинъ взглядъ не исключаетъ другого.

Поэтому и по отношенію къ идеѣ сверхчеловѣка истинно мистическій взглядъ есть тотъ, который включаетъ въ себя *оба пониманія*, и объективное и субъективное.

На самомъ дѣлѣ у насъ нѣтъ никакихъ основаній отрицать возможность объективнаго сверхчеловѣка въ далекомъ будущемъ.

Въ то же время мы должны признать въ своемъ внутреннемъ Я нѣчто высшее сравнительно съ тѣмъ Я, которымъ мы обыкновенно живемъ, и должны признать возможность эволюціи и раскрытія этого внутренняго Я.

Но „сверхчеловѣкъ“ далекаго будущаго совсѣмъ не противорѣчитъ возможности высшаго сознанія въ обыкновенномъ человѣкѣ. Наоборотъ, одно раскрываетъ другое.

Люди, сознающіе сверхчеловѣка въ себѣ, сознающіе раскрытіе въ себѣ новыхъ высшихъ силъ, благодаря именно этому, *образуютъ новую расу*, изъ которой долженъ образоваться сверхчеловѣкъ будущаго.

И люди, стремящіеся къ сознательному строенію будущаго, активно служащіе сверхчеловѣку далекаго будущаго, этимъ самимъ раскрываютъ высшее начало въ своей душѣ.

Идея сверхчеловѣка тѣмъ именно и трудна для пониманія и опасна своей трудностью, что она требуетъ умѣнія согласовать два противоположныхъ взгляда. Только одинъ объективный взглядъ на эту идею, или только одинъ субъективный человѣка удовлетворить не могутъ. И каждый изъ нихъ по своему невѣренъ. Каждый изъ нихъ по своему представляетъ искаженіе идеи. И въ искаженномъ видѣ эта идея является собственной противоположностью и не только не поднимаетъ человѣка, но наоборотъ толкаетъ его въ бездну мрака пессимизма или приводитъ къ пассивному „недѣланію“, къ остановкѣ.

Разочарованіе въ жизни и въ жизненныхъ цѣляхъ, идущее отъ идеи сверхчеловѣка, идетъ отъ ея неправильнаго пониманія. Вопросы: зачѣмъ я долженъ служить сверхчеловѣку? зачѣмъ, вообще, надо служить будущему? являются результатомъ очень кривого, исключительно объективнаго, пониманія идеи.

Съ другой стороны, исключительно *внутреннее* пониманіе идеи сверхчеловѣка отрываетъ человѣка отъ жизни, дѣлаетъ въ его глазахъ ненужной и безполезной всякую дѣятельность.—Разъ сверхчеловѣкъ *во мнѣ*, разъ нужно только погрузиться въ себя, чтобы найти его, то зачѣмъ всѣ стремленія и исканія *внѣ себя*.

Вотъ это и есть два подводныхъ камня, лежащіе въ глубинѣ идеи сверхчеловѣка.

Истина заключается въ томъ, что человѣкъ находитъ сверхчеловѣка въ себѣ, начиная искать его внѣ себя, дѣлаясь строителемъ будущаго—и строитъ будущее, находя и открывая въ себѣ черты сверхчеловѣческаго.

Понявъ и представивъ себѣ образъ сверхчеловѣка, какимъ онъ можетъ быть, человѣкъ долженъ перестраивать всю свою жизнь такъ, чтобы она являлась активнымъ служеніемъ будущему и сверхчеловѣку. *Это самое* будетъ раскрывать сверхчеловѣка *въ его душѣ*.

Подходить къ идеѣ сверхчеловѣка интеллектуальнымъ путемъ можно только послѣ очень долгой и упорной *идеалистической* тренировки ума. Умѣніе думать идеалистически, это есть та первая необходимая стадія посвященія, которая гарантируетъ безопасность при приближеніи къ этой идеѣ. Что значитъ умѣть думать идеалистически? Въ концѣ концовъ это значитъ умѣть думать *по другому*, представлять міръ въ какихъ то новыхъ категоріяхъ. Мы слишкомъ упростили наше представленіе о мірѣ, привыкли рисовать его себѣ слишкомъ однообразнымъ, и теперь мы должны заново учиться понимать его сложность. Для этого прежде всего нужно понять, что мы совершено не знаемъ, что такое человѣкъ; нужно понять, что человѣкъ, навѣрное, совсѣмъ не то, что мы думаемъ.

Если электрическая лампочка висящая на стѣнѣ, начнетъ сознавать себя, она будетъ считать себя отдѣльной отъ другихъ лампочекъ и будетъ думать, что или въ ней самой находится источникъ свѣта, или свѣтъ идетъ въ нее отъ стѣнъ комнаты. И если она начнетъ думать о другихъ лампочкахъ, она ихъ всѣхъ будетъ считать отдѣльными другъ отъ друга и будетъ думать, что въ каждой лампочкѣ возникаетъ свѣтъ или самостоятельно или благодаря отраженію въ этой лампочкѣ стѣнъ комнаты. Это будетъ позитивное мышленіе лампочки. Чтобы притти къ идеѣ динамомашины, электрической энергіи, тока и проводовъ, соединяющихъ всѣ лампочки съ однимъ центромъ—и людей, строющихъ машины и пользующихся свѣтомъ, лампочка должна научиться думать „идеалистически“, т. е. по другому, представлять себѣ міръ въ но-

выхъ категоріяхъ. И тогда, можетъ быть, лампочка начнетъ понимать что она служитъ какой то неизвѣстной ей цѣли, и что *токъ*, создающій свѣтъ, принадлежитъ *не ей*.

Появленіе этихъ идей у лампочки должно сильно измѣнить для нея картину міра. И очень можетъ быть, что, сознавая свою служебную роль, лампочка скажетъ:—не хочу я никакого эгоизма не хочу пользоваться токомъ *для себя*, я хочу весь токъ отдавать людямъ! *И тогда она погаснетъ*. Но, можетъ быть, лампочка поймѣтъ, что, чѣмъ больше она возьметъ тока *для себя*, тѣмъ больше свѣта дастъ она людямъ. И тогда „идеализмъ“ не будетъ мѣшать ей жить. Наоборотъ, можетъ быть, придастъ ея жизни новый смыслъ и новое содержаніе.

Но могутъ спросить: гдѣ доказательства всѣхъ этихъ мистическихъ идей и ихъ идеалистическихъ объясненій?

И на это можно отвѣтить только одно, что *доказательствъ нѣтъ*, и не можетъ быть.

Не все можетъ быть доказано, потому что *доказательство* по самому своему существу всегда условно; и поэтому безусловныхъ вещей доказать нельзя. Самая возможность доказательства показываетъ, что данная идея, вещь или явленіе принадлежитъ *къ низшему порядку*, къ тому порядку, гдѣ все условно и гдѣ поэтому есть доказательства.

Если мы хотимъ разбираться въ вопросахъ безотносительнаго и безусловнаго, мы должны понять, что многое нужно не доказывать, а просто чувствовать.

Человѣкъ, который ищетъ *готовыхъ отвѣтовъ*, еще не знаетъ, чего онъ ищетъ. Не нужно даже пытаться отвѣчать ему. И нужно помнить слова Заратустры, — что только на базарѣ нападаютъ съ вопросомъ: да или нѣтъ?

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР